M2314

Фундаментальная библіотека
С.-ПЕТЕРБ. ДУХ. СЕМИНАРІИ.
№ 7562 ПК.
Т. Ч.
Русскій отдѣлъ.

Отд I
Шк 4
Полка 6
№ 383

881

Peg. Ф.

П 23413
2242
С 89

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВСѢХЪ

СОЧИНЕНІЙ,

ВЪ
СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,
ПОКОЙНАГО

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена,

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА.

Собраны и изданы
Въ удовольствіе Любителей Россійской Учености
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ
Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Часть VII.

* 3365
9.3.43*

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1781 года.

232729

ОГЛАВЛЕНІЕ VII. ЧАСТИ.

ПРИТЧИ КНИГА I.

	Стран.
1. Фебъ и Борей.	5
2. Волкъ и ягненокъ.	6
3. Левъ и дѣпушка.	8
4. Лягушка и мышь.	9
5. Дубъ и тростъ.	11
6. Оселъ и хозяинъ.	12
7. Скупой.	14
8. Кошка.	15
9. Крипая лисица.	16
10. Яйцо.	17
11. Мышій судъ.	19
12. Мартышка и кошка.	20
13. Лисица и журавль.	21
14. Блоха.	22
15. Спорщица.	23
16. Скупая собака.	24
17. Пиръ у льва.	25
18. Пряхи.	27
19. Львица въ горести.	28
20. Мышь и кошка.	30
21. Боярипъ и боярыня.	—
22. Солнце и лягушки.	31
23. Отстрѣленная нога.	32
24. Воръ.	33
25. Старуха.	34
26. Воры и оселъ.	35
27. Два пѣтуха.	36
28. Два прохожія.	37
29. Учитель и ученикъ.	38
30. Старой мужъ и молодая жена.	39
31. Злая жена и отчаянный мужъ.	40
32. Злая жена и черти.	—
33. Два старика.	42
34. Пастухъ обманщикъ.	—

	Стран.
35. *Лепъ, хоропа, опца и коза.* -	43
36. *Пастухъ чпанъ.* - -	44
37. *Лепъ состарепшійся.* - -	45
38. *Спинья, опца и коза.* -	46
39. *Мышь и слонъ.* - -	47
40. Опца. - - -	—
41. *Шершни.* - - -	48
42. *Паукъ и муха.* - - -	—
43. *Жуки и пчелы.* - -	49
44. *Сопа и ривмачъ.* - -	—
45. *Обидчикъ и ангелъ.* - -	50
46. *Соболья шуба.* - -	51
47. *Здоропье.* - - -	—
48. *Колопратность.* - -	—
49. *Прохожій и собака.* - -	52
50. *Сторожъ богатстпа споего.* - -	53
51. *Пустынникъ.* - -	54
52. *Змѣя подъ колодой.* - -	56
53. *Олень.* - - -	58
54. *Собака и порь.* - -	59
55. *Филлида.* - - -	60
56. *Комарь.* - - -	61

КНИГА II.

1. *Терпѣніе* - - -	65
2. *Старикъ со споимъ сыномъ и оселъ.* -	66
3. *Оселъ по льпопой кожѣ.* -	68
4. *Безногой солдатъ.* - - -	70
5. *Подьяческая дочь.* - -	72
6. *Болпанъ.* - - -	73
7. *Одноколка.* - - -	75
8. *Дельфинъ и непѣжа хпастунъ.* -	76

		Стран.
9.	*Волкъ и собака.* - -	78
10.	*Два скупыя.* - - -	79
11.	*Черепаха.* - - -	81
12.	*Олень и лошадь.* - -	82
13.	*Мужикъ и кляча.* - -	83
14.	*Олень и дочь его.* - -	84
15.	*Есопъ и буянъ.* - - -	86
16.	*Обѣщаніе.* - - -	87
17.	*Орлиха, еприхa и кошка.* - -	88
18.	*Молодой сатиръ.* - -	89
19.	*Раненой.* - - -	90
20.	*Лисица и терновной кустъ.* -	91
21.	*Кобель и сука.* - - -	92
22.	*Левъ и оселъ.* - -	93
23.	*Два крадуна.* - -	94
24.	*Волки и овцы.* - - -	95
25.	*Голова и члѣны.* - -	—
26.	*Рыбакъ и рыбка.* - -	96
27.	*Мужикъ и блоха.* -	97
28.	*Заяцъ.* - -	98
29.	*Рѣка и лужа.* - -	99
30.	*Ворона и лисица.* - -	100
31.	*Есонъ и хощунъ.* - -	—
32.	*Львица и Лисица.* - -	101
33.	*Протоколъ.* - - -	102
34.	*Судъ.* - - -	103
35	*Бочка.* - -	104
36.	*Спѣча.* - -	105
37.	*Киселникъ.* - - -	106
38.	*Мостъ.* - -	—
39.	*Воля и неволя.* - -	107
40.	*Противуестественникъ.* -	108
41.	*Бубны.* - - -	109
42.	*Хромал лошадь и полкъ.* -	—

	Стран.
43. Лисица и кошка. - -	110
44. Пѣтухъ и жемчужное зерно. -	111
45. Лисица и орехъ. - - -	—
46. Верблюдъ. - - -	112
47. Спинья и полкъ. - -	—
48. Лепъ притпоришшійся больнымъ. -	113
49. Лисица и курятникъ. -	—
50. Крокодилъ и собака. - -	114
51. Олень и опца. -	—
52. Судно шъ морѣ. - - -	115
53. Старикъ и оселъ. - -	—
54. Собаки и кость - -	116
55. Воробѣй. - - -	—
56. Стрѣлокъ и змѣя. - -	117
57. Кротъ. - -	—
58. Дѣпка. - - -	—
59. Лепъ и клопъ. - -	118
60. Осель дерзноценный. - -	—
61. Хпала и хула. - - -	119
62. Угольщикъ. - -	—
63. Ученой и богачь. - -	120
64. Меналькъ и Палемонъ. -	—
65. Угадчикъ. - -	121
66. Ослопа кожа. - -	122
67. Стрежаза. - - -	123
68. Мореплапатели. - -	124

КНИГА III.

1. Сатиръ и гнусныя люди. -	129
2. Птаха и дочь ея. - -	131
3. Волкъ и козленокъ. - -	132
4. Солопей и кошка. - -	133

	Стран.
5. Котъ и мыши.	135
6. Пармской сыръ.	136
7. Волченокъ собакою.	137
8. Волкъ пастухопъ другъ.	138
9. Песъ нетерпящій нападенія.	140
10. Война за бабки.	141
11. Пѣни Адаму и Епѣ.	142
12. Попой календарь.	143
13. Надутый гордостью оселъ.	145
14. По трудахъ на покой.	146
15. Сѣкира.	147
16. Раздѣлъ.	148
17. Два оленя.	150
18. Двѣ крысы.	151
19. Змѣи, голопи и хвостъ.	152
20. Щастіе и сонъ.	153
21. Падушка и кафтанъ.	154
22. Высокомѣрный оселъ.	155
23. Высокомѣрная муха.	156
24. Заяцъ и черепаха.	157
25. Обезьяна и медвѣдь.	158
26. Солопей и кукушка.	159
27. Ослища и кобыла.	160
28. Ненадобное сѣно.	161
29. Арапъ.	162
30. Порча языка.	163
31. Лѣкарской слуга.	164
32. Криподогадливыя собаки.	—
33. Кораблекрушеніе.	165
34. Осада Византіи.	—
35. Двѣ козы.	166
36. Чурваны.	167
37. Летящая черепаха.	168
38. Чинолюбивая спинья.	169

	Стран.
39. Орелъ.	170
40. Ворона и пороненокъ.	—
41. Олимпу посвященныя деревья.	171
42. Прозьба Венеры и Минервы.	172
43. Любовь и дурачество.	—
44. Льдина и камень.	173
45. Отпускная.	174
46. Непреодолѣваемая природа.	—
47. Лисица и ёжъ.	175
48. Ружье.	176
49. Птичникъ и скворецъ.	—
50. Купшинъ.	177
51. Козленокъ.	178
52. Тѣленокъ,	—
53. Безмозглая голова.	—
54. Кружка.	179
55. Калигулина лошадь.	—
56. Стряпчій.	180
57. Сократовъ домъ	—
58. Пастухъ мореплаватель	181
59. Осужденникъ и левъ.	183
60. Истинна.	185
61. Надежда.	—
62. Вредъ.	186
63. Глупость.	187
64. Супружество.	—
65. Любовь.	188

КНИГА IV.

1. Прохожій и буря.	191
2. Змѣя и слонъ.	192
3. Лисица и кошка.	193
4. Заяцъ и лягушки.	194

		Стран.
5.	Александръ и Парменіонъ.	195
6.	Генрикъ IV. и пдопа.	—
7.	Пучокъ лучины.	196
8.	Змѣя согрѣтая.	—
9.	Шалунья.	197
10.	Медвѣдь танцопщикъ.	—
11.	Господинъ лжецъ.	198
12.	Нещѣста за столомъ.	199
13.	Слѣпой и безногой.	200
14.	Другъ нещѣжа.	201
15.	Паукъ и служанка.	—
16.	Красильщикъ и угольщикъ.	—
17.	Осьи быкъ.	202
18.	Собака на сѣнокосѣ.	—
19.	Жаръ и стужа.	203
20.	Возница пьяной.	—
21.	Французской языкъ.	204
22.	Арапское лѣто.	—
23.	Посолъ оселъ	205
24.	Дуракъ и часы.	—
25.	Цыганка.	206
26.	Братъ и сестра.	—
27.	Рабята и ракъ.	—
28.	Мужъ пьяница.	207
29.	Хпастунъ.	209
30.	Нопое лѣкарстпо.	210
31.	Лягушха.	211
32.	Мышь и быкъ	—
33.	Кошка.	212
34.	Совѣтъ боярской.	—
35.	Общая судьба.	214
36.	Мыши и котъ.	—
37.	Олень и собака.	—
38.	Сосна и хпоростина.	215

	Стран.
39. Йожъ и змѣя.	216
40. Ослѣпшая фортуна.	—
41. Посулы.	218
42. Посулы Ескулапію.	—
43. Кургузая лисица.	219
44. Портной и мартышка.	—
45. Пужлипая лягушка.	220
46. Лисица и йожъ.	—
47. Услужлипой комарь.	221
48. Тяжелой комарь.	222
49. Кукушка и ребята.	223
50. Сопа и зѣркало.	—
51. Отчаянная дропа,	224
52. Дерепенскія бабы.	225
53. Скупой и кружка.	226
54. Слѣпой и зрячій.	227
55. Жалостлипая дѣпушка.	—
56. Мышачья прозьба.	229
57. Дпороплыя птицы и куропатка.	—
58. Мидъ.	230

КНИГА V.

1. Пьяница трусъ.	233
2. Сопѣтъ родительской.	234
3. Больной и медикъ.	235
4. Выкупъ мужей.	236
5. Волосокъ.	238
6. Ворона и лиса.	240
7. Статуя.	241
8. Олень.	—
9. Заяцъ.	242
10. Война орлопъ.	—

	Стран.
11. Кулашной бой.	243
12. Топорище.	—
13. Клятпа мужняя.	244
14. Надгробіе.	245
15. Рецептъ.	—
16. Пітъ и богачъ.	246
17. Филинъ.	247
18. Ученой челопѣкъ и непѣжа.	—
19. Медпѣдь и пчела.	248
20. Пастушій сынъ и коза.	249
21. Есопъ.	—
22. Мальчишка и часы.	—
23. Геркулесъ.	250
24. Уборка голопы.	—
25. Пѣтухъ.	251
26. Астрологъ.	—
27. Воръ и старикъ.	252
28. Голуби и коршунъ.	—
29. Мздоимецъ.	—
30. Недостатокъ премени.	253
31. Перекормленная курица.	254
32. Мышь и устрица.	255
33. Иссея.	—
34. Голубь и голубка.	256
35. Трусъ.	257
36 Не основательное желаніе.	258
37. Лисица пъ опасности.	259
38. Золотыя яицы.	260
39. Горшки.	261
40. Поросячей крикъ.	262
41. Злая жена.	—
42. Коршунъ и солопей.	264
43. Супругъ и супруга.	—
44. Приданое.	265

	Стран.
45. Жена пѣ отчаяніи. - -	265
46. Спинья и конь. - - -	266
47. Страхъ и любопѣ. - -	—
48. Александропа слаша. - -	268
49. Собачья ссора. - - -	—
50. Наказаніе - - - -	269
51. Собаки и кладъ. - - -	270
52. Конь и оселъ - - -	—
53. Мужикъ и медпѣдь. - -	271
54. Мурапей и пчела. - - -	272
55. Ремесленникъ и купецъ. -	273
56. Боропъ и медпѣдь. - -	274
57. Коршуны и голуби. , -	—
58. Воякирь плясунъ. -	275
59. Мышь медпѣдемъ. - -	276
60. Прозьба мухи. - - -	277
61. Конь и оселъ. - - - -	278
62. Пѣитъ и уродъ. - - -	279
63. Пѣитъ и разбойникъ. - -	280
64. Учитель Поезіи. - - -	281
65. Тщетная предосторожность. -	282
66. Слѣпая старуха и лѣкарь. - -	283
67. Блоха. - - -	—
68. Единопластіе. - - -	284

КНИГА VI.

1. Шубникъ. - - - -	287
2. Дпѣ дочери подьячихъ. - -	—
3. Коршунъ пъ паплиныхъ перьяжъ. -	288
4. Наставникъ. - - -	289
5. Волкъ ставшій пастухомъ. - -	290
6. Два друга и медпѣдь. - -	291

		Стран.
7.	*Пьяной и судьбина.* - - -	293
8.	*Крестьянинъ и смерть.* - -	294
9.	*Муха и корета* - - -	295
10.	*Крынка молока.* - - -	—
11.	*Человѣкъ средняго пѣха и дитѣ его любопницы.* - - -	296
12.	*Мышь городская и мышь деревенская*	298
13.	*Кошка и пѣтухъ.* - - -	299
14.	*Орелъ и порона.* - - -	—
15.	*Конь и оселъ.* - - -	300
16.	*Прохожій и змѣя.* - - -	—
17.	*Аполлонъ и Минерва.* - -	301
18.	*Лисица и козелъ.* - -	302
19.	*Два рака.* - - -	303
20.	*Два живописца.* - - -	—
21.	*Волкъ и журавль.* - - -	305
22.	*Собака съ кускомъ мяса.* - -	—
23.	*Возгордѣвшаяся лягушка.* - -	306
24.	*Заяцъ и медвѣдь.* - - -	307
25.	*Волкъ, овца и лисица.* - - -	308
26.	*Соколъ и сова.* - - -	309
27.	*Нѣмчинъ и французъ.* - -	310
28.	*Мужикъ съ котомкой.* - -	311
29.	*Вдова пьяница.* - - -	312
30.	*Волкъ и рабенокъ.* - -	313
31.	*Пастухъ и сирена.* - -	314
32.	*Апѳля перьное число.* - -	315
33.	*Кокушка.* - - -	316
34.	*Секретарь и соперники.* - -	317
35.	*Пахарь и обезьяна.* - -	318
36.	*Отрекшаяся мира мышь.* -	319
37.	*Левъ и мышь.* - - -	—
38.	*Побѣжденный на картинѣ левъ.* -	321
39.	*Гора въ родахъ.* - - -	—

	Стран.
40. Лисица и виноградъ.	322
41. Деревенской праздникъ.	323
42. Турецкой выборъ жены.	325
43. Два попора.	327
44. Пѣтъ и жена.	328
45. Перьпой пѣтъ.	329
46. Коршунъ.	330
47. Кукушки.	331
48. Молодка въ горести.	—
49. Маскарадъ.	332
50. Попугай.	333
51. Коршунъ.	334
52. Парисовъ судъ.	335
53. Несмысленныя писцы.	336
54. Лисица и статуя.	338
55. Ворона.	339
56. Лошаки и поры.	340
57. Заяцъ и черпякъ.	—
58. Змѣя и пила.	341
59. Сказка 1.	342
60. Сказка 2.	343

САТИРЫ.

1. Пѣтъ и другъ его.	347
2. Крипой толкъ.	352
3. О благородствѣ.	356
4. О худыхъ ритмотворцахъ.	358
5. О худыхъ судьяхъ.	362
6. О Французскомъ языкѣ.	364
7. О честности.	366
8. О злословіи.	368
9. Наставленіе сыну.	369
10. Ода отъ лица лжи.	373

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ,

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ.

ЯСЛИЛ ЕЛЬ

КНЬЛУ ШЕЬВУЛ

ЧЛЕКСЧНЧЬЬЧ СЛЖЧЬОКОВЧ

ШЬЛЛЖ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ,

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ.

ПодЪ благословенною державою любезныя Матери ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Матери моего отечества, Избавительницы Россiйскаго народа и Воскресительницы МузЪ Россiйскихъ, должны Писатели ободряти сердца свои и мысли, и приносити жертву ГОСУДАРЯМЪ своимЪ и Отечеству, своими трудами. Сколько Притчи полезны, о томЪ уже всему свѢту извѢстно. А я только того хочу, чтобы мои Притчи заслужили себѢ достоинство

ство имени своего, и были угодны ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, и чтобы ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО ихъ благоволили съ тою приняти милостію, съ которою, Милостивѣйшій ГОСУДАРЬ, я, отъ ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, приниматься щастіе имѣю.

Александръ Сумароковъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Фебъ и Борей.

Съ Бореемъ былъ у Феба разговоръ,
Иль паче споръ,
Кто больше силъ изъ нихъ имѣетъ,
И больше властвовать умѣетъ.
Проѣзжій на конѣ: холодноватъ былъ часъ;
Накинулъ епанчу проѣзжій; крышка грѣетъ,
И есть у насъ
Указъ,
Во время холода тепляй прикрыться,
И никогда предъ стужей не бодриться;
Ее не побѣдишъ,
Себя лишъ только повредишъ;
Противу холода не можно умудриться.
Сказалъ Борей: смотри, съ проѣзжева хочу
Я здернуть епанчу,
И лишекъ на сѣдлѣ я въ когти ухвачу.
А Солнце говоритъ: во тщетной ты надеждѣ,
А естьли я хочу,
Такъ ету епанчу
Сниму я прежде;
Однако потрудися ты,
И здѣлай истинну изъ бреда и мечты.

Борей мой дуетъ,
Борей мой плюетъ,
И сильно подъ бока проѣзжева онъ суетъ,
Борей оретъ,
И въ когти епанчу беретъ,
И съ плечъ ее деретъ:
Толчки проѣзжій чуетъ,
И въ носъ, и въ рыло, и въ бока;
Однако епанча гораздо жестока:
Хлопочетъ,
И съ плечъ ийти не хочетъ.
Усталъ Борей,
И поклонился ей!
Вдругъ Солнце возсіяло,
И естество другой порядокъ восприяло;
Нигдѣ не видно тучь,
Вездѣ златой играетъ лучъ:
Куда не возведешъ ты взоры,
Ликуютъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы:
Проѣзжій епанчу долой съ себя сложилъ,
И снявъ о епанчѣ проѣзжій не тужилъ.
Репейникъ хуже Райска крина.
О чемъ я въ притчѣ сей, читатель, говорю?
Щедрота лютости потребняе Царю.
Борей Калигула, а Фебъ ЕКАТЕРИНА.

II.

Волкъ и Ягненокъ.

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
Однако въ низъ рѣки гораздо отступилъ;
Такъ пилъ онъ ниже;
И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,

Отколѣ токи водъ стремленіе влечетъ;
Извѣстно что вода всегда на низъ течетъ.
Голодной волкъ ягненка озираетъ;
Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ,
И мнитъ: не буду я съ ягнятками играть,
Не станетъ на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И птички для меня впослѣдніе пропѣли,
Не на зѣленомъ я скончаюся лугу.
Умру на семъ пещаномъ берегу.
Волкъ почалъ говорить: бездѣльникъ, какъ ты смѣешъ
Питье мое мутить,
И въ воду чистую мнѣ сору напустить?
Да ты жъ такую мать имѣешъ,
Которая ко мнѣ учтивства не храня,
Вчера блеяла на меня.
Ягненокъ отвѣчаетъ,
Что мать ево дней стритцать умерла;
Такъ волка не она ко гнѣву превела:
А токъ воды бѣжитъ на низъ онъ чаетъ;
Такъ волкъ ево опивокъ не встрѣчаетъ.
Волкъ третьею виной ягненка уличаетъ:
Не мни что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ,
Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли,
Что псы ево заѣли.
Такъ дядя твой иль братъ,
Иль можетъ быть и сватъ,
Бранилъ меня вчера, я ето знаю точно,
И говорю тебѣ я ето не нарочно.
Ягненковъ былъ отвѣтъ:
Всея моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ;
Лелѣитъ лишъ меня прекрасная пастушка.
А! а! вертушка,
Не отвертишся ты; вчера твоя пастушка

Блеяла на меня: комолыя рога,
И длинной хвостъ у етова врага,
Густая шерсть, копыты не велики;
Довольно ли тебѣ плутишка сей улики?
Пастушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
За то что на меня блеять она дерзаетъ,
А ты за то умри. Ягненка волкъ терзаетъ.

III.

Левъ и Дѣвушка.

Любовь сильняе всѣхъ страстей,
И слаще всѣхъ сластей;
Да худо что любовь частенько и обидитъ,
А ето отъ того, любовь не ясно видитъ,
И мучитъ насъ любовь гораздо иногда;
Любовной слѣпоты хранитеся всегда.
Влюбился левъ; и львовъ зразы побѣждаютъ,
И львицы любятся; они левятъ рождаютъ;
Такъ ето ничево;
Спросите вы въ ково:
Въ дѣвицу,
А не во львицу,
Влюбился левъ гораздо горячо.
Подставилъ дѣвкѣ онъ плѣчо,
Подставилъ спину,
И хочетъ онъ,
Суровый сей Плутонъ,
Прекрасную похитить Прозерпину.
Отъ нетерпѣнія левъ весь горитъ,
А дѣвка говоритъ:
Готова я въ твои возлюбленный мой когти,

Для цѣлованія твоихъ прелестныхъ губъ;
Да только я боюсь ногтей твоихъ и зубъ;
Ты вырви зубы вонъ, и вплоть отрежъ ты ногти,
Тогда душа моя,
Я вся твоя.
Къ прекрасной мысліи и сердцемъ прилепленный,
Чево не здѣлаетъ любовникъ ослѣпленный!
Гопювъ, сударыня, отвѣтствуетъ ей левъ,
Исполнити я то, любви твоей желая:
Разинулъ зевъ,
Любовію пылая,
И ноги протянулъ.
О естьли бы ты левъ тогда воспомянулъ,
Не потерявъ разсудка,
Что ето вить не шутка!
Исполнилъ онъ по прозьбѣ той,
И протянулъ поцаловаться губы,
А дѣвка говоритъ: постой,
Покамѣсть выростутъ твои, любовникъ, зубы,
И будешъ ты съ ногтьми опять.
А шесть ему сказалъ, нагнувъ колѣно:
Зубовъ, ногтей ужъ нѣгдѣ взять:
Прости, любезный зять:
И взявъ палено,
Сказалъ ему еще: домой пора,
И проводилъ ево паленомъ со двора.

IV.

Лягушка и Мышь.

И простота и злоба,
Приводятъ часто насъ на мѣсто гроба.

Воспой, о муза, ты дѣла,
Мнѣ, мыши и лягушки,
И какъ лягушка мышь въ болото завела,
И какъ погибли тамъ ихъ обѣ душки!
Лукавая звала
Лягушка, глупу мышку,
И наизустъ прочла ей цѣлу книжку,
Сплетая похвалу лягушечей странѣ,
И говоритъ: коль ты пожалуешъ ко мнѣ;
Такъ ты увидишъ тамъ, чево, ниже во снѣ,
Ты прежде не видала:
А я тебѣ, мой свѣтъ,
Тамъ здѣлаю обѣдъ,
Канова никогда ты сроду не ядала:
Увидишъ ты какъ мы ядимъ:
Въ питьѣ по горло мы сидимъ,
Музыка день и ночъ у насъ не умолкаетъ,
А кошка тамъ у насъ и лапъ не омокаетъ.
Прельстилась мышь и съ ней пошла,
Однако истинны не много тамъ нашла,
И стала съ ней прощаться:
Пора, дружечикъ мой,
Домой
Отселѣ возвращаться.
Постой,
Дружечикъ мой,
Лягушка говорила,
Я, душенька, тебя еще не поварила,
И вѣдай что тебѣ бѣды не приключу,
Лишъ только съѣмъ тебя; я мяса ѣсть хочу.
А мышь не заслужила дыбы,
И захотѣла рыбы:
Барахтается съ ней.
Скажи, о муза, мнѣ кончину дней,

И гостьи и хозяйки?
Летѣли чайки:
Одна увидѣла соперниковъ такихъ,
И ухватила ихъ.
Вотъ вамъ обѣимъ дыба,
А чайкѣ на обѣдъ и мясо тутъ и рыба.

V.

Дубъ и Тростъ.

Дубъ трости говорилъ · конечно тростъ,
Тебѣ, долгонько рость,
Быть равной крѣпости и вышины со мною:
Какою ты виною,
Прогнѣвала Боговъ, и столько ты слаба?
Бояринъ я, а ты раба.
Пускай вѣтръ сильный стонетъ,
Пускай реветъ и воетъ онъ:
Мнѣ столько жъ, какъ Зефиръ, ужасенъ Аквилонъ
И не погнетъ меня: а ты лишъ только тронетъ
Зефиръ поверхность водъ,
Нагнешся до земли, когда жъ разинетъ ротъ
Вѣтръ сильный на тебя, лишъ губы онъ посунетъ,
И хоть немножко дунетъ;
Падешъ и ляжешъ ты:
Ты образъ слабости, ты образъ суеты,
И видъ несовершенства:
Я образъ крѣпости, видъ вышняго блаженства.
Востала буря, трескъ
И блескъ
На горизонтѣ,
И превольненіе въ пространномъ понтѣ:

Внимаютъ вѣтра крикъ,
Дуброва и тростникъ:
Вѣтръ бурный съ лютымъ гнѣвомъ,
Дышитъ отверстымъ зѣвомъ,
Ярясь мчится съ ревомъ,
Сразится съ гордымъ древомъ:
Черезъ тростникъ летитъ
И весь тростникъ мутитъ:
Трость пала;
Такъ сила вѣтрова на воздухѣ пропала,
А онъ на гордый дубъ жестокость устремилъ:
Дубъ силенъ; но тово силъ вѣтра не имѣетъ,
А гнуться не умѣетъ:
Ударилъ вѣтръ, и дубъ тотчасъ переломилъ:
Крѣпчайша сила древо сшибла,
Дубъ палъ и дубъ погибъ, спѣсь пала и погибла.

VI.

Оселъ и Хозяинъ.

Всякъ дѣлай то что съ склонностію сходно,
Не то что лишъ угодно,
Но то что сродно.
Не плаваетъ медвѣдь въ Бальтійской глубинѣ,
Синица не несетъ въ Невѣ яицъ на днѣ,
Бѣлуга никогда не посѣщаетъ рощи,
И на дубу себѣ гнѣзда не вьетъ олень:
Луна во время свѣтитъ нощи,
А солнце въ день:
Труды всѣ разными вещами.
И у людей:
Тотъ кормитъ мужиковъ въ харчевнѣ щами,
Тотъ сѣномъ и овсомъ въ конюшнѣ лошадей:

Что къ стати то и краше.
Потребенъ пиву хмель, а папака на медъ,
Для бани жаръ, а въ погребъ ледъ,
Для чая сахаръ, масло кашѣ.
Какой то человѣкъ лелеилъ день и ночь
Собачку,
Любилъ ее какъ дочь,
И здѣлалъ ей потачку,
Ее любя,
Лизать себя.
Оселъ то нѣкогда увидѣлъ,
Работу тяжкую свою возненавидѣлъ,
И говорилъ онъ такъ:
Я долго былъ дуракъ,
И суетно трудился:
Вить я не подрядился,
И не подрядчикъ я:
Не терпитъ честь моя,
Чтобъ я не разсердился,
И чтобъ не возгордился,
И чтобъ еще служилъ,
И въ беспокойствѣ жилъ.
Я должности моей давно уже стыдился:
Отнынѣ буду я собачкѣ подражать,
Мешки кульки на мнѣ не станутъ разъѣзжать;
Не для безчестія оселъ на свѣтъ родился.
Вскочилъ, хозяина ногами охватилъ,
И высунувъ языкъ, оскаливъ зубы,
Кладетъ помѣщику большой языкъ на губы,
А онъ ево за то дубиной колотилъ.

VII.

Скупой.

Ни шелега въ машнѣ бѣдняшка не имѣлъ,
А воровати не хотѣлъ:
Занять не льзя; такія тутъ обряды,
Что надобны заклады,
Да росты ради барыша,
А у нево кафтанъ, рубашка, да душа,
Закладовъ нѣтъ, онъ терпитъ голодъ
И холодъ.
Мнѣ лутче смерть, бѣдняшка говоритъ,
И хочетъ отравиться;
Но ядъ не скоро уморитъ;
Пошелъ давиться.
Былъ домъ старинной развален,
Остатки только были стѣнъ:
Пошелъ туда бѣднякъ веревку вынимаетъ,
Къ кирпичью гвоздь наладя прижимаетъ,
И почалъ колотить:
Стѣна обрушилась, и выпало оттолѣ
Червонцовъ тысяча, иль можетъ быть и болѣ;
Бѣдняшку льзя всево теперь позолотить.
Бѣдняшка обомлѣлъ, въ весельи таетъ,
Червонцы тѣ хватаетъ,
Отъ радости дрожитъ,
И добычь ухвативъ домой бѣжитъ.
Пришелъ хозяинъ дома,
Обрушена стѣна,
А деньги не солома;
Другая имъ цѣна;
Скупова сердце ноетъ,
Скупой кричитъ и воетъ:
Сокровище мое! куда сокрылось ты?
Лишился я твоей на вѣки красоты.

Веселіе мое и свѣтъ мой! я съ тобою
Разстался, самою люпѣйшею судьбою;
Погибни жизнь моя.
Сокровище мое! съ тобой умру и я,
Не отмѣню сево я слова.
Скупой!
Веревка тутъ готова;
Пожалуй, лишнева не пой;
Однако онъ и самъ не много норовился,
И удавился,
Доволенъ только тѣмъ ко смерти приступилъ,
Что онъ веревки не купилъ.

VIII.

Кошка.

Привычку одолѣть гораздо трудно;
Природу одолѣть гораздо чудно.
Я нѣчто вамъ теперь объ етомъ предложу,
И басенку скажу.
Я кошекъ не люблю и кошечья языка;
А больше мнѣ всево противна ихъ музыка;
Но былъ какой то господинъ,
Хозяйкн не имѣлъ, и жилъ одинъ,
И кошку не въ издѣвку,
Любилъ какъ дѣвку;
Да кошка по ево не знаетъ говорить.
Просилъ боговъ, чтобъ кошку претворить,
Чтобъ кошка человѣкомъ стала,
И подъ алмазами какъ барыня блистала.
Исполнили они желаніе ево.
У кошки кошечья нѣтъ больше ни чево..

На кошкѣ фижбейная юбка,
Изъ китовыхъ усовъ,
Алмазы свѣтятся изъ волосовъ,
И ходитъ кошка будто шлюбка;
Да только по сухомъ пути;
Водой пешкомъ не льзя ийти:
У кошки не одинъ костей на юбкѣ ярусъ,
А юбка дуется въ погоду будто парусъ.
Насталъ ево желанія конецъ:
Женился нашъ на кошкѣ молодецъ,
И до приятнѣйша дошелъ часа и мѣста:
Онъ легъ, легла невѣста:
Вдругъ выбѣжала мышь. О рокъ! о случай злой!
Вскочила барыня за ней съ одра долой,
Пресеклась барину потѣшиться дорожка,
Вскочила барыня и стала кошка.

IX.

Кривая Лисица.

Хотя и должны мы всегда себя беречь;
Но можно ли во всемъ себя предостеречь?
Кто скажетъ можно;
Такъ ето ложно:
Не льзя никакъ,
Я смѣло говорю, что ето такъ.
Была лисица,
И отъ собакъ
Летала будто птица;
Не драться съ ними ей; она не львица,
Да имъ же по родству оиа сестрица.
Была замужняя она, или дѣвица,

Про то,
Не сказывалъ ни кто:
Могла вдругъ дѣвка быть, и баба и вдовица,
А попросту вдова;
Лишъ только сказано была она крива,
И подлинно была лисица такова.
Извольте басенки моей послушать:
Пришла къ рѣкѣ она,
Воды покушать.
Лисица не пила ни водки ни вина:
Въ струи воткнула носъ глубоко,
Къ водѣ оборотивъ свое кривое око,
Другое въ лѣсъ,
И говоритъ: не льзя ко мнѣ подкрасться, песъ,
Хотя бы влезъ
Въ тебя сабака бѣсъ,
А отъ воды лисица не потруситъ;
Мнѣ щука носа не откуситъ.
Напрасно ты лиса боялася собакъ:
Не той закрылась ты полою;
Съ воды стрѣлою
Убилъ тебя рыбакъ.

X.

Яйцо.

Когда снѣга не таютъ,
Рабята изъ нево шары катаютъ,
Сертятъ,
И шаръ вертятъ;
Шаръ больше становится:
Шарочикъ ихъ шарищемъ появится.

3365 9.3.43
М 2341/3

Да кто жЪ
На шарЪ похожЪ?
ЛожЪ
Что больше бродитЪ
То больше вЪ цѣну входитЪ:
Снѣжной шаришка будетЪ шарЪ,
А изолжи, товаришка товарЪ.
АхЪ! АхЪ! жена, меня околдовали,
КричитЪ мужЪ лежачи женѣ,
Я снесЪ яйцо: ни какЪ ты видѣлЪ то во снѣ;
Такія чудеса на свѣтѣ не бывали.
Я снесЪ яйцо, ахЪ жонушка моя!
УжЪ я
Не мужЪ твой, курица твоя.
Не молви етова съ сосѣдкой;
Ты знаешЪ назовутЪ меня еще насѣдкой.
Противно то уму,
ЧтобЪ я сказала то кому;
Однако скажетЪ;
Болкливой бабѣ чортЪ языка не привяжетЪ.
Сказала ей,
А та сосѣдушкѣ своей.
ЛожЪ ходитЪ завсегда съ прибавкой вЪ мирѣ:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало подЪ вечерЪ пять сотЪ яицЪ.
Назавтрѣ множество кЪ уроду,
Збираетсл народу,
И незнакомыхЪ лицЪ.
За чемЪ валитЪ народЪ ? валитЪ купить яицЪ.

XI.

Мышій судъ.

Нестолько страшенъ зайцамъ псарь,
Медвѣдь и волкъ щенятамъ,
Мерзвецъ и чортъ рабятамъ,
Ни челобитчикамъ бездушной секретарь,
Какъ кошка нѣкая въ большомъ мышей содомѣ,
Въ какомъ то домѣ,
Страшна мышамъ была.
Хотя она съ мышей подарковъ не брала;
Да только худо то что кожи съ нихъ драла,
И срѣзала ихъ съ кону.
Она рѣшила всѣ дѣла,
Не по мышачьему, по кошечью закону.
Стараясь отъ такихъ спастися мыши бѣдъ,
Хотѣли воевать, да пушекъ нѣтъ;
Не притронулися безъ рукавицъ къ крапивѣ;
Лишъ только здѣлали надъ кошкой судъ.
Была у нихъ мышъ грамотная тутъ,
Дѣлецъ и плутъ,
Въ приказѣ родилась и выросла въ архивѣ.
Пошла въ архиву красть;
Она съ рабячества любила ету сласть,
Подьяческую страсть,
И должно отъ нее все далѣ было класть:
Тетрадей натаскала,
Статейку приискала,
И предложила то;
А что?
Чтобъ кошку изловить, и навязать на шею
Ей, колоколъ тотчасъ;
Чтобъ имъ сохранными повѣсткою быть сею:
И говоритъ мышамъ: которая изъ васъ
Исполнитъ мой приказъ?

Отвѣтствовали всѣ ей на ето: не смѣю.
А я, сказалъ дѣлецъ, хоть мужество имѣю,
Да только кошекъ я ловити не умѣю.

XII.

Мартышка и Кошка.

Мартышка съ кошкою въ однихъ покояхъ жили,
И одному хозяину служили;
Да просто ни чево, хозяинъ, не клади;
Когда что стянуто, къ сосѣдямъ не ходи;
Мартышка все припрячетъ,
А кошка кушанье что ты ни ставь поѣстъ:
Не сыщешъ безъ замка отъ нихъ надежныхъ мѣстъ.
Частенько кошка къ сыру скачетъ,
И ловитъ сыръ;
Такъ часто у нее съ мышами миръ;
Сыръ мыши пожирняе;
Такъ стала кошка по смирняе.
Сидѣли нѣкогда приборщицы одни:
Увидѣли они,
Каштаны жарятся въ каминѣ.
Мартышка говоритъ: вотъ кошка случай нынѣ,
Тебѣ своимъ искуствомъ поблескать;
Помастери каштаны потаскать,
Отважся въ уголья ты лапу сунуть,
И по каштанцу клюнуть.
Проворница тотчасъ золу поразгребла,
И лапу вонъ; такъ лапы не ожгла,
Опять въ огонь, каштанъ не много потянула,
И лапу вонъ опять оттолѣ отпѣхнула,

Еще, еще, и разъ за разомъ такъ опять:
Пришла къ концу, каштанъ усилилась достать:
По томъ еще каштанъ, по томъ и два каштана,
И нацѣпляла ихъ оттолѣ съ полкармана.
Мартышка держитъ вѣрной щотъ
У кошки:
Что кошка вытащитъ, мартышка ето въ ротъ,
Не упуская крошки.
Служанка вдругъ вошла: повѣсили головки:
Каштаны были ловки.
Мартышкѣ сносно то; она сыта была:
А ты мышатница, ни ѣла, ни пила,
И пользы за свою чужія ты искала;
Каштаны не себѣ, мартышкѣ ты таскала.

XIII.

Лисица и Журавль.

Лисица журавля обѣдать позвала:
Въ обманъ ево вела.
Намѣрилась она принять ево учтиво,
Да чтобъ одной поѣсть,
А журавлю лишъ только здѣлать честь;
Не серце у лисы да горлушко спѣсиво.
Пожаловалъ журавль, обѣдъ готовъ.
Лисица говоритъ: извѣстна дружба наша;
Не надобно друзьямъ къ учтивству много словъ:
Покушай, для тебя, дружокъ мой, ета каша;
Да кашу ветюрила лисица на латокъ,
А носъ у журавля не очень коротокъ;
Не можно кушать;
Такъ ласковыхъ рѣчей пришелъ онъ только слушать;

Однако и журавль почтить умѣетъ дамъ,
И больше десяти кладя поклоновъ дюжинъ,
Зоветъ лису на ужинъ.
Лисица говоритъ: я свой поклонъ отдамъ:
Мы вѣрныя друзья, ты другъ, а я другиня,
Журавликъ, ты мнѣ князь, а я тебѣ княгиня.
Пошелъ журавль и мяса нарубилъ:
Не на латокъ поклалъ, куски въ бутылку вбилъ.
Пришла лисица: онъ ей кушанье поставилъ,
Въ бутылку всунулъ носъ, и носикъ позабавилъ.
Лисичью рту не льзя въ бутылку влесть;
Такъ ей не льзя и мяса ѣсть:
Въ бутыль зубовъ лисица не впихала,
И опустивъ ушки хвосточкомъ замахала.

XIV.

Блоха.

Минерва, вѣстно всѣмъ, Богиня не плоха:
Она боярыня, графиня, иль княгиня,
И вышла изъ главы Юпитера Богиня:
Подобно изъ главы идетъ моей блоха.
О Каллiопа, пой блохи ты къ вѣчной славѣ:
И возгласи ты мнѣ,
То что пригрезилось сей твари не во снѣ,
Но въ явѣ!
Читатели! блохой хочу потѣшить васъ,
Внемлите сей мой гласъ,
И уши протяните,
А тварь такую зря, меня воспомяните.
Была, жила блоха: не знаю какъ она,
Вскочила на слона.

Слона по томъ вели, на улицахъ казаться,
И на ногу съ ноги, сей кучѣ, подвизаться.
Вы знаете что зайца больше слонъ,
И не взойдетъ онъ жареный на блюдо:
И ежели когда прохаживается онъ,
Збѣгается народъ, смотрѣть на ето чудо.
Блоха моя
Народъ увидя,
И на слонѣ великолѣпно сидя,
Гордяся говоритъ: о коль почтенна я!
Весь миръ ко мнѣ бѣжитъ, миръ видъ мой разбираетъ,
И съ удивленіемъ на образъ мой взираетъ:
Судьба моя, довольна я тобой;
Я землю зрю, далеко, подъ собой,
И все животное я вижу подъ ногами!
Блоха на небесахъ, блоха равна съ Богами.
И почала блоха отъ радости скакать,
Скача съ слона упала,
Пропала,
И трудно новую Богиню намъ сыскать.

XV.

Спорщица.

Скажи, о муза, мнѣ, какой злой гнѣвъ жену
Принудилъ, объявить жестокую войну,
Противу своего возлюбленнаго мужа,
И глупость можетъ ли женѣ злой быти чужа!
Мужъ будетъ побѣжденъ; сунбурщица не трусь,
И здѣлай намъ надъ мужемъ шутку.
Поставили на столъ большую утку:
Жена сказала: ето гусь:

Не гусь, да утка то, мужъ держитъ ето твердо.
О сатана!
Кричитъ жена,
На что ли я съ тобой сопряжена.
Вся злобой внутренна моя разозжена.
Кричитъ безъ памяти, пылитъ немилосердо:
Коль ты ослѣпъ, я шлюсь на вкусъ,
Иль я тебѣ такой дамъ тузъ,
Что ты задремлешъ,
Коль гуся моево за утку ты приемлешъ.
Отвѣдалъ мужъ: душа! сокровище! мой свѣтъ:
Гусинова и запаха тутъ нѣтъ.
Бездѣльникъ ето гусь, я знаю ето прямо.
Пожалуй жонушка не спорь ты такъ упрямо:
Я шлюсь на всѣхъ людей, что утка то, не гусь,
И въ етомъ не запрусь.
Но чѣмъ окончилася шутка?
Жена ему дала туза,
И плюнула въ глаза.
Признался мужъ: на столъ поставленъ гусь не утка.

XVI.

Скупая собака.

Скупой былъ песъ, и былъ имѣніемъ доволенъ.
Недомогаетъ песъ, и сталъ гораздо боленъ.
На посѣщеніе приятели пришли,
И друга своево чудь жива ужъ нашли.
О смерти онъ умѣренно хлопочетъ,
И что на вѣкъ растанется съ гостьми.
Да со запасными себѣ костьми,
Разстаться онъ не хочетъ.

Бранитъ судьбу, что жизнь безмѣрно коротка.
Но чѣмъ она ему сладка?
Какое бѣдствіе ево поймало?
Онъ пищи множество имѣлъ;
Однако ѣлъ
Отъ скупости онъ мало.
Всегда ярясь кипѣлъ,
И ету пѣсню пѣлъ:
Прорву и разорву прохожему черева,
Схвачу и прохвачу немилосерда зева,
До серца, зубомъ я.
Изрядна жизнь твоя.
Приятели о немъ тужили.
А чтобъ они ему въ болѣзни послужили,
Гнилыя кости имъ даетъ,
Которыхъ не хранитъ, и коихъ хуже нѣтъ,
И кои въ бережи лежали много лѣтъ,
А о другихъ костяхъ не говоритъ ни слова.
Душа ийти изъ тѣла вонъ готова.
Собака говоритъ: не отступайте прочь,
Старайтеся, друзья, болящему помочь:
А естьли вы не сыты;
Такъ кости у меня въ землѣ для васъ зарыты,
И самыя свѣжія: лежатъ они - - - охъ! охъ!
Два раза охнулъ, и издохъ.

XVII.

Пиръ у льва.

Коль истинной не можно отвѣчать,
Всево полезняе молчать.

Съ боярами какъ жить, потребно ето вѣдать.
У льва былъ пиръ,
Пришелъ весь миръ,
Обѣдать.
Въ покояхъ вонь у льва:
Квартера такова
А львы живутъ не скудно;
Такъ ето чудно.
Подобны въ чистотѣ жилищъ они чухнамъ,
Или посадскимъ мужикамъ,
Которыя въ торги умѣренно вступили:
И откупами насъ еще не облупили,
И вмѣсто портупей имѣютъ кушаки,
А кратче такъ: торговы мужики.
Пришла вонь волку къ носу:
Волкъ ето объявилъ бесѣдѣ безъ допросу,
Что запахъ худъ.
Услышавъ левъ, кричитъ: бездѣльникъ ты и плутъ,
Худова запаха и не бывало тутъ:
И смѣютъ ли въ такія толки,
Входить о львовомъ домѣ волки?
А чтобы бредить волкъ напредки не дерзалъ,
Немножечко онъ волка потазалъ,
И для поправки наказалъ,
А именно на части растерзалъ.
Мартышка видя страшны грозы,
Сказала: здѣсь нарциссы, розы,
Цвѣтутъ.
Левъ ей отвѣтствовалъ: и ты такой же плутъ;
Нарциссовъ розъ и не бывало тутъ.
Напредки не сплетай ты лѣсти:
А за такія вѣсти,
И за приязнь,
Прими и ты доспойку казнь.
Преставился волчишка,
Преставилась мартышка.

Скажи лисица ты, хозяинъ вопрошалъ,
Какой бы запахъ намъ дышалъ,
Я знаю что твое гораздо чувство нѣжно;
Понюхай ты прилѣжно.
Лисица на етотъ вопросъ
Сказала: у меня залегъ севодни носъ.

XVIII.

Пряхи.

Не до издѣвокъ,
Бесѣдушкамъ тѣхъ дѣвокъ,
Которымъ должно много прясть,
И коихъ, сверьхъ того, позненько спати класть,
И коимъ, сверьхъ того, раненько просыпаться,
А льну никакъ не льзя всему перещипаться:
Какъ хочешъ такъ часы себѣ распоряди,
Ленъ вѣчно будетъ ростъ; такъ вѣчно и пряди.
Хозяйка нѣкая была гораздо люта,
И всякая у ней въ трудѣ была минута,
Вокругъ веретена;
Однако пряла не она;
Служанки пряли,
И столько пряли,
И столько спали,
Какъ я уже сказалъ.
Полбасни я въ заглавьи показалъ,
Полбасни къ ней придвину,
И раскажу оставшу половину.
Какъ солнушка стучится въ двѣри свѣтъ,
Извѣстно что тогда пѣтухъ поетъ.
Въ дому пѣтухъ былъ етомъ,
И передъ свѣтомъ

Во всю кричалъ пѣтухъ гортань : какорѣку.
Хозяйка взявъ клюку ,
Служанокъ ворошила ,
И пряхъ перекрушила ,
И изсушила :
И лѣто , и зима , и осень , и весна ,
У дѣвушекъ проходитъ безосна.
Пѣтухъ не виненъ ,
Что голосъ у нево не тихъ :
Пѣтухъ не лихъ ,
Пѣтухъ былъ чиненъ ;
Хозяища винна , безчинна и лиха ;
Однако дѣвушки убили пѣтуха.
По преставленіи пѣвца хозяйка злая ,
Клюкою тряхъ.
Еще и раняе будила пряхъ ,
Бояся опоздать , на дѣвокъ лая ,
Къ работѣ дѣвокъ посылая.
Хозяища кричитъ ,
Хозяища рычитъ ,
Клюку ко пряхамъ присусѣдя ,
А дѣвки , безъ пѣвца , побудку ту наслѣдя ,
Отъ волка убѣжавъ попали на медвѣдя.

XIX.

Львица въ горести.

Стрелокъ убилъ у львицы сына ,
Не львенка , да левка.
Довольно смѣлости у етова стрелка ;
Левъ сильная скотина ,
А мой убилъ дѣтина ,

Не поросенка,
Не львенка,
Левка.
Завыла львица,
Угрызла серце ей печаль:
Хотя сурова тварь, и люта ета птица;
Однако сына жаль;
ТакЪ серце ноетЪ,
А львица воетЪ.
Переглушила всѣхЪ, она крича, звѣрей.
ПришелЪ кЪ ней тигрЪ, и говорилЪ онЪ ей:
Послушай кумушка: мы то позабываемЪ,
Что мы чужихЪ рабятЪ подобно убиваемЪ:
Мнѣ мнится матерямЪ гораздо трудно несть,
Когда мы здѣлаемЪ и имЪ такую честь.
Не слышитЪ тигра львица,
А тигрЪ увѣщевалЪ: послушай ты сестрица,
Послушай мать,
Послушай бабушка: а львица
Не хочетЪ ни чево внимать.
Не умаляется у львицы жалобЪ мѣра.
БылЪ тигрЪ ученой человѣкЪ,
И рекЪ:
Читала ль ты, кума, Гомера,
О Иліонской ты читала ли войнѣ,
И о Пріямовой женѣ?
Подробно расказалЪ исторію Гекубы.
А львица вЪ ярости по прежнему кричитЪ,
И раздуваетЪ губы.
Простился сЪ нею тигрЪ, и на пути ворчитЪ,
Махая хвостЪ и рожу смуру:
Ни чѣмЪ не льзя ввести вЪ разсудокЪ ету дуру.
А я примолвлю то еще,
Что вЪ жалость о себѣ злодѣй влечетЪ во тщѣ,

И то скажу грубяй, чѣмъ кумъ куму тазаетъ:
Начто о сынѣ выть разбойница дерзаетъ,
Которая сама чужихъ дѣтей терзаетъ?

XX.

Мышь и Кошка.

XXI.

БояринЪ и Боярыня.

У мужика вЪ чуланѣ поставлены лукошки:
Забилася тутЪ мышь. Не устрашуся кошки,
Кричала мышь, бодрясь, подай ее сюда.
Отколѣ ни взялась, пришла она туда:
Насилу унесла геройка вЪ подполЪ ножки.
Коль ета притча не сладка,
ЛишЪ только для тово что очень коротка;
Во вкусЪ войти не льзя всево мнѣ свѣта:
Подолѣ ета:
БояринЪ былЪ, боярыня была,
Она всю вЪ домѣ власть вела:
Боярыня была немножечко упорна,
А попросту сказать была гораздо вздорна:
БояринЪ ѣлЪ, бояринЪ пилЪ, бояринЪ спалЪ;
А естьли отЪ труда усталЪ;
Для провожденія отЪ времени зѣвалЪ:
Сунбурщица болвана колотила,
А иногда и молотила.
Пришла кЪ нему незапно лѣнь,
Терпѣть побои всякой день;
Слугѣ кричитЪ: подай дубину Ванька;
Жена мнѣ вить не нянька;

Мужъ я а не она,
А ета сатана
Не нянька мнѣ жена,
И видно что у ней давно свербитъ спина.
А Ванька говоритъ: дубина здѣсь готова;
Да только, государь, держись боярска слова
Дубина вотъ; за ней ийти не въ лѣсъ.
Храбруетъ мой съ дубиной Геркулесъ.
Супруга слышала супружню грозу:
И взявъ большую лозу
Вошла къ нему, супругъ дрожитъ,
И въ сѣни отъ лозы съ дубиною бѣжитъ:
А чтобъ супружню спину
Полегче было несть,
И соблюсти боярску честь,
Онъ бросилъ и дубину.

XXII.

Солнце и Лягушки.

Разнесся въ нѣкоемъ болотѣ слухъ,
И возмутило всѣхъ лягушекъ духъ.
Лягушка каждая хлопочетъ:
Жениться солнце хочетъ.
Пошла за правду ложь,
И всякой бредитъ то жъ.
Какъ голоса числомъ дѣла въ судѣ рѣшатся,
И слухи такъ вершатся.
Болото истинны наполнилось по дно:
Забредили одно;
Такъ жители тово предѣла,
Велѣли сочинить екстрактъ изъ дѣла,

И подписали такъ,
Что будетъ солнца бракъ.
Помыслить было имъ о бѣдствѣ томъ ужасно.
Спасеніе себѣ стремяся испросить,
Лягушки вопіютъ на небо велегласно:
О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ Боги не гласить!
Умилосердитесь и обратите ухо!
Отъ солнца одного въ болотѣ стало сухо:
А естьли народитъ супружникъ новой чадъ,
Несносный жаръ насъ резнетъ,
Болото будетъ адъ,
И весь нашъ родъ изчезнетъ.

XXIII.

Отстрѣленая нога.

Слыхали ль вы пословицу когда:
Соколъ горитъ любовью къ соколихѣ,
Осетръ ко осетрихѣ,
Оселъ къ ослихѣ,
А ужъ къ ужихѣ?
Когда вы скажете мнѣ, да;
Такъ я скажу тогда:
Крестьянкѣ милъ мужикъ, а князь княгинѣ:
И въ старину, и нынѣ.
Такъ было то всегда,
Послушайте о чемъ моя раскаска.
Читали ль надпись вы у чернова орла?
Разказъ мой къ етому прибаска.
Война была:
У полководца въ ней ядро отшибло ногу,
Летѣло въ ту оно дорогу:

Другой щелчокъ дала,
Въ другую полѣтѣвъ дорогу,
Солдату въ ногу,
И ногу отняла.
Солдатъ имѣя злу судьбину,
Кричитъ: ой! ой!
Бранитъ онъ бой.
Другія говорятъ: пожалуй, братъ, не вой:
Пускай твоя нога пропала,
Полутче здѣсь твоей нога отпала:
А ты солдатъ простой.
Солдатъ отвѣтствуетъ: Фельдмаршала я ниже;
Но, ахъ! моя нога была ко мнѣ поближе.

XXIV.

Воръ.

Кто какъ притворствовать ни станетъ,
Всевидца не обманетъ.
На Русску стать я Федра превращу,
И Русскимъ образцомъ я Басню сплесть хочу.
Большую воръ купилъ себѣ свѣчу,
Чтобъ было красть ему средь ночи въ церкви видно:
Зажегъ предъ образомъ, и молится безстыдно.
Сперьва укравъ
Часовникъ,
И ставъ
Церковникъ,
Умильно чтетъ молитву онъ сію:
Услыши Господи молитву ты мою.
Предъ коимъ Образомъ свѣча ево згараетъ,
Предъ коимъ молится, сей Образъ обдираетъ,

И сколько могъ по томъ бездѣльникъ сей украсть,
И кражи той въ мѣшокъ покласть,
Съ тѣмъ онъ пошелъ домой: безъ страха спать ла-
жится,
Женѣ божится,
Что Богъ ему то далъ,
Благословя ево ловитву,
За умиленную молитву.
Бездѣльникъ! дѣло то Діяволъ созидалъ,
Который таковымъ злодѣямъ помогаетъ,
Какъ Божья благодать отъ смертныхъ убѣгаетъ.

XXV.

Старуха.

Въ деревнѣ женщина пригожая была,
И розѣ красотой подобною цвѣла.
Не возвращаются назадъ къ истокамъ воды,
Ни къ намъ прошедшія младыя наши годы:
Состарѣлась она; то долгъ природы,
И вышла на всегда красавица изъ моды:
Не ходитъ болѣе на пляску въ короводы;
Лишъ только пѣчь она старается тереть,
И кости грѣть,
Воспоминая дни своей минувшей славы,
И прежнія свои забавы.
Изъ етова теперь я басенку скраю.
Старуха на пѣчи лежала на краю,
Крехтѣла, кашляла, стонала;
Однако о любви еще воспоминала,
И захрапѣла въ мысли сей:
Тотчасъ, Морфей,
Представилъ ей

Любовника, такъ живо,
Какъ будто было то не лживо.
Старуха голову въ низъ пѣчи протянувъ,
Любовника поцаловать хотѣла,
И тушу въ радостномъ восторгѣ всю тряхнувъ,
Неволей съ пѣчи полетѣла,
Къ любовнику всѣ мысли устремивъ:
И умираючи, креспецъ переломивъ,
Ворчала: екую сварила баба брагу!
На край я пѣчи впредь поколь жива не лягу.
Старуха! умствовать полезняе тогда,
Доколѣ не пришла бѣда.

XXVI.

Воры и Оселъ.

Осла стянули воры:
Свели ево съ двора долой,
И на пути вступили въ разговоры,
Вести ль ево домой,
Или ту кражу,
Вести въ продажу.
Во спорѣ завсегда конецъ иль добръ иль худъ:
Добра выходитъ фунтъ, а худа цѣлый пудъ.
Изъ спора столько худа,
У добрыхъ лишъ людей,
И у судей,
А у воровъ выходитъ по три пуда.
У поединщиковъ разсудокъ ясно здравъ;
Кто болѣе колнетъ; такъ тотъ у нихъ и правъ.

А воры грубы;
Уставъ у нихъ таковъ:
Правъ тотъ у нихъ, который выбьетъ зубы.
Пришло до кулаковъ.
Воръ мимо шелъ, а два дерутся:
Качаетъ головой гдѣ силы ихъ берутся.
Кулачному не мнитъ коснуться ремеслу;
Да лѣзитъ на осла и говоритъ ослу:
Пора домой: пускай другъ друга повстрѣчаютъ,
И тщатся побѣждать:
Намъ долго ждать;
Они Комедію не скоро окончаютъ.

XXVI.

Два Пѣтуха.

Въ печали человѣкъ не вовсе унывай,
И лутчую ты жизнь имѣти уповай;
Выводитъ за собой приятность и ненастье,
Выходитъ иногда изъ бѣдства намъ и щастье.
Два были пѣтуха въ дому,
И много куръ: противно то уму,
Пустить безъ ревности къ супругѣ,
Любовника къ услугѣ;
Ревнивымъ пѣтухамъ
Пришло къ войнѣ прибраться,
Пришло, любовникамъ за дамъ,
На поединкѣ драться,
И за любовь
Избиться въ кровь.

Щелчковъ даютъ другъ другу тучу:
Одинъ другова съ мѣста збилъ,
И побѣдитель былъ.
Въ навозну отъ нево другой закрылся кучу.
А тотъ на кучу возлетѣлъ:
И чтобъ сосѣды,
Внимали гласъ ево побѣды,
Какореку, всѣмъ горломъ онъ запѣлъ;
Но вдругъ ево орелъ
Унесъ, изъ славныхъ дѣлъ,
А тотъ и живъ, и всей сералью овладѣлъ.

XXVIII.

Два Прохожія.

Шли два прохожія: нашелъ одинъ топоръ,
И на пути они имѣя разговоръ,
Вступили въ споръ:
Другой сказалъ: такъ мы нашли находку:
А тотъ отвѣтствовалъ: заткни себѣ ты глотку;
Находка не твоя,
Не мы нашли нашолъ то я;
Такъ стала быть находка та моя.
Пришли въ деревню: гдѣ топоръ вы братцы взяли,
Спросили ихъ:
Намъ надобенъ топоръ, и для ради самихъ.
Связали,
Какъ воровъ,
Съ дубьемъ бѣгутъ, со всѣхъ дворовъ,
И всѣ кричатъ: топоръ деревни етой,
Таковъ и едаковъ примѣтой.

По всей о топорѣ деревнѣ шумъ;
Крестьяня завсегда въ такихъ случаяхъ дружны.
Хозяинъ топора въ то время всѣмъ былъ кумъ,
Всѣ стали кумовья, и куму всѣ услужны,
А бабы всѣ кумы.
Прохожій, кто топоръ одинъ себѣ наслѣдилъ,
Не во единственномъ числѣ уже забредилъ,
И говорилъ: погибли братецъ мы:
А тотъ ему на то: заткни себѣ ты глотку;
Не я нашолъ находку:
И словъ, и такъ и сякъ, мой другъ, не изгибай.
Одинъ нашолъ топоръ, одинъ и погибай.

XXIX.

Учитель и Ученикъ.

Во время крайности къ словамъ не прилипай,
Да къ дѣйствію ступай.
Въ саду своемъ гулялъ учащихся мучитель,
А именно шалунъ несмысленной учитель.
Рабенку на бѣду,
Колодезь въ етомъ былъ саду.
Въ колодезь ученикъ попался,
И ужъ до пояса купался:
На смертномъ онъ одрѣ, безъ немощи, лежитъ,
Свиненкомъ онъ визжитъ,
Терзаясь ужасомъ и лютою тоскою,
За вѣшви дерева держась рукою.
Не любитъ Философъ
Рабячьихъ голосовъ,
И резвость ненавидѣлъ.
Какъ ето онъ увидѣлъ,

Журилъ ученика: тебя потребно сѣчь:
И сталъ ему вѣщать ученнѣйшую рѣчь.
Рабенокъ молитъ: вотъ, теперь меня ты молишъ.
А тотъ кричитъ еще въ колодезѣ стеня:
Пожалуй прежде вынь меня,
И послѣ говори что ты тогда изволишъ.

XXX.

Старой Мужъ и молодая Жена.

Былъ нѣкакой старикъ, и очень былъ богатъ,
Боярамъ былъ набитой братъ,
И зналася съ ними безъ препятства:
Куда они туда и онъ.
Живущему среди богатства,
Такой законъ.
Но все ему еще то было мало.
Чево жъ еще не доставало?
Довольно у нево
Всево;
Въ богатствѣ онъ до самой глотки.
Не достаетъ ему молодки;
Женился мой старикъ.
Былъ сѣдъ, надѣлъ парикъ;
Молодушка прекрасна.
Въ алмазахъ всякой день: въ день съ нимъ она согласна,
А ночью нѣтъ;
Старикъ безъ парика гораздо сѣдъ,
И тщетно онъ любви жену цалуя проситъ;
Жена ево имѣетъ за врага.
Она алмазы носитъ,
А онъ рога.

XXXI.

Злая Жена и отчаянный МужЪ.

Кто злій на свѣтѣ всѣхЪ, когда кто ето спроситЪ,
Иныя говорятЪ: илъ поварЪ, или псарь,
Иныя говорятЪ бездушной секретарь,
Которой истинну на рынокЪ носитЪ.
Иныя говорятЪ нѣтЪ зляе Сатаны;
Побольше онЪ дерзаетЪ;
ОнЪ духЪ терзаетЪ.
А я скажу: злій нѣтЪ на свѣтѣ злой жены;
ЧортЪ меньше бабы злой во злое мчится дѣло;
ОнЪ мучитЪ только духЪ; а та и духЪ и тѣло.
На вѣкЪ
Злой дѣвкѣ отдался какой то человѣкЪ.
Что дѣвкѣ отдался; какое ето чудо?
Злой дѣвкѣ отдался, гораздо ето худо
Женился; а она въ немЪ душу сокруша,
И тѣло мужне изсуша,
Имѣла ту находку.
Отчаянный супругЪ пускаетЪ рыло въ водку,
Которая ему перехватила глотку,
И здѣлала чахотку.
ХаронЪ ему кричитЪ: ступай ко мнѣ ты въ лодку:
Еще и не пришелЪ твоей кончины срокЪ;
Но лютая жена перемѣнила рокЪ.

XXXII.

Злая Жена и черти.

БылЪ домЪ,
И разнеслися слухи;
Что въ домѣ томЪ
ЖивутЪ нечисты духи,

Домъ пустъ;
Хозяинъ домъ оставилъ,
И только домъ чертями густъ.
О естьли бы кто домъ отъ етова избавилъ!
Однако избавленья нѣтъ:
А изъ чертей ни кто изъ дома вонъ нейдетъ.
Былъ мужъ, была жена, и были брани
У нихъ, безъ пошлины и безовсякой дани.
Жена была остра, и съ мужемъ зубъ о зубъ,
Жена была остра по Русски незговорна,
А по крестьянски вздорна:
А мужъ былъ тупъ,
По Русски, былъ тазать сожительницу скупъ,
А по крестьянски глупъ;
Но ужъ не до тазанья;
Пришло до наказанья:
Сталъ дюжъ
И мужъ:
Приговорилъ жену ко смерти,
И заперъ въ оный домъ; въ которомъ жили черти.
Пришелъ къ нему
Пустова дома прежній житель,
И говоритъ: тебѣ, я, другу моему,
Покорнѣйшій служитель:
А паче и тово; твоей женѣ,
За ваши милости ко мнѣ;
Діяволи твоей супруги испужались,
И разбѣжались.

XXXIII.

Два старика.

Дорогой не изъ доброй воли,
Шли два старинушки: купити идутъ соли.
Съ средины своево пути,
Увидѣли они въ дали, куда ийти,
Что небо потемнѣло.
Старинушки ворчатъ: худой сей день намъ вождь,
Худое ето дѣло,
Конечно будетъ дождь;
Ужасна туча набѣжала:
У стариковъ утроба вся дрожала.
Ворчатъ они: въ худой пошли мы часъ,
Изъ дома въ гости;
Промочитъ дождикъ насъ,
По самы кости.
Поближе подошедъ; увидѣли они,
Не тучу, гору,
И тучею гора казалась прежде взору;
Ворчатъ: худыя мы кони,
Гораздо мы устанемъ,
Поколѣ на гору не вспрянемъ.
Еще поближе подошли;
Со всѣмъ иное тутъ нашли:
Нашли не гору, и не тучу;
Да что жъ? навозну кучу.

XXXIV.

Пастухъ обманщикъ.

Пастухъ кричалъ не рѣдко: волки, волки:
А въ пастбахъ тѣ слова гораздо колки.

Збиралися воровъ на крикъ ево хватать,
А онъ збирался имъ смѣяться хахотать;
Убійства нѣтъ въ овцахъ и ни единой раны,
И не бывали тутъ разбойники тираны.
Но нѣкогда пришли и впрямъ они туда;
Пастухъ кричитъ всей силой и тогда:
Рабята, волки, волки;
Однако у рабятъ пошли иныя толки,
Рабята говорятъ:
Уже сто кратъ,
Дурачилъ насъ ты братъ,
А больше не обманешъ,
Хотя кричать ты три дни станешъ.
Пограбили разбойники овецъ;
Заплакалъ молодецъ.
Глупецъ!
Ты ложью забавлялся,
Имѣя тму удачь:
Довольно ты смѣялся;
Теперь поплачь.

XXXV.

Левъ, Корова, Овца и Коза.

Овца, коза, корова, лѣвъ,
Вступили, нѣкогда въ торговлю,
А именно, пошли на ловлю.
Единый только львовъ у нихъ ловцовый зѣвъ,
А тѣмъ ловцами быть не очень и способно;
Однако то удобно;
Такъ мелю я не вѣтръ,
А доказательство сей истинны мнѣ Федръ.

КЪ торговлѣ приступили,
ВЪ лѣсахъ оленя подцепили,
Хотя они лѣсовъ не откупили;
Львы съ роду ни чево на откупъ не берутъ;
И кожи со звѣрей безпошлинно дерутъ;
Но дѣло не о томъ, пора дѣлити звѣря:
На равны жеребья измѣря.

Левъ
Разинулъ зѣвъ,
И сталъ вѣщати имъ, а я скажу вамъ, како.

Тако:
Вы знаете, что левъ есмь азъ,
И лутче васъ:
Вы знаете, что силъ я больше васъ имѣю:
Вы знаете, что я у васъ отняти смѣю,
И сверьхъ того еще съ васъ кожи драть умѣю:
Понятно ль ето вамъ?
Они сказали всѣ: понятно ето намъ:
Имѣешъ ты четыре власти;
Такъ долженъ получить четыре ты и части.

XXXVI.

Пастухъ чванъ.

Собаку утащилъ медвѣдь у стада:
Пастухъ тому не радъ, и плѣнница не рада.
Не зналъ пастухъ, какой то воръ
Осмѣлился къ нему взойти на скотной дворъ;
Но то другія вѣдя,
Сказали про медвѣдя.
Намѣрился пастухъ медвѣдя погубить,
И взявъ дубину онъ пошелъ медвѣдя бить.

'дѣ кроется медвѣдь когда бъ я его вытеръ,
Досадуетъ, ворчитъ, и молитъ: о Юпитеръ!
Медвѣдя должно изрубить:
Медвѣдя я повергну мертва:
Яви лишъ ты ево: тебѣ, Юпитеръ, жертва
Геленокъ за его, изъ моево скота!
Медвѣдя видитъ: рѣчь и поступь ужъ не та:
Онъ рыцарство ногамъ, не сердцу повѣряетъ:
Отъ сильнаго врага, какъ можно, ускоряетъ.
И льется изъ очей героевыхъ рѣка:
Герой молитву повторяетъ:
Сулилъ теленка онъ, теперь сулитъ быка.

XXXVII.

Левъ состаревшійся.

Лишася силы левъ покою только радъ:
Сталъ старъ, однако былъ онъ прежде младъ,
И многимъ понаскучилъ,
А именно звѣрей, какъ былъ онъ молодъ мучилъ:
Терзалъ,
И кушать ихъ дерзалъ.
Отверсты двѣри,
Туда, гдѣ охаетъ и стонетъ онъ;
Безъ страха звѣри
Ко льву приходятъ, на поклонъ:
Отмщеніемъ алкаютъ,
И всѣ его толкаютъ.
Въ послѣдокъ левъ боится и овецъ,
И на конецъ,
По чреву томномъ и несытомъ,
Оселъ его копытомъ.

Осталось только льву терпѣти то, стѣня.
Меня,
Кто съ силой равну злость имѣетъ,
Конечно разумѣетъ.

XXXVIII.

Свинья, Овца и Коза.

Овца, коза, свинья, въ телѣгѣ,
Не вѣдаю когда,
Не вѣдаю куда,
Въ большой везутся нѣгѣ.
Скажите, говоритъ свинья, сестрицы мнѣ,
Видали ль ето вы хотя когда во снѣ,
И было ль то на свѣтѣ,
Что бъ ѣхала свинья въ каретѣ?
Сестры отвѣтствуютъ ей на етотъ вопросъ:
Возили такъ овецъ и козъ,
И насъ возили:
Одну доили,
Другую брили:
Не жарили и не варили.
Изрядно: ну, а я почто вошла въ чины?
Кому то хочется покушать вѣтчины.
Увы! увы! увы! увы! свинья визжала:
Я бъ лутче никогда въ каретѣ не ѣзжала.

XXXIX.

Мышъ и Слонъ.

Вели слона, и отовсюду
Збѣгается народъ.
Смѣется мышь: бѣгутъ, какъ будто къ чуду:
Чево смотрѣть, когда какой идетъ уродъ?
Не думаетъ ли кто, и я дивиться буду?
А онъ и чванится, какъ будто баринъ онъ:
Не кланяться ль тогда, когда тащится слонъ?
Сама я спѣсь имѣю ту же,
И знаю то, что я ни чѣмъ ево не хуже.
Она бы рѣчь вела,
И болѣ;
Да кошка бросилась не вѣдаю отколѣ,
И мыши карачунъ дала.
Хоть кошка ей ни слова не сказала:
А то что мышь не слонъ, ей ясно доказала.

XL.

Овца.

Былъ дождь; овечушка обмокла какъ лягушка:
Дрожитъ у ней тельцо и душка,
И шуба вся на ней дрожитъ;
Сушиться надлежитъ;
Овца къ огню бѣжитъ.
Ахъ! лутче бъ ты овца день цѣлый продрожала,
И отъ воды къ огню безумка не бѣжала.
Спросила ль ты, куда дорога та лежала?
Какую прибыль ты нашла?
Въ поварню ты зашла.
То подлинно что ты немного осушилась;

Да шубы ты лишилась.
КЪ чему, читатель сей расказъ?
Я цѣлю вить не въ бровь, я цѣлю въ самой глазъ:
Зайди съ челобитьемъ когда въ приказъ.

XLI.

Шершни.

Шершни на патаку напали,
И патаку поколупали.
Застала ихъ хозяйка тутъ,
И тварь которая алкала:
Хозяйка всю перещелкала.
Не дологъ былъ хозяйкинъ судъ.
Хозяйка истинна, а выкулупки взятки,
Шершни подьячія, которы къ деньгамъ падки.

XLII.

Паукъ и Муха.

Паукъ обѣдать позвалъ муху;
Обѣда мухѣ нѣтъ;
Хозяйску только брюху,
Изъ мухи, сталъ обѣдъ.
Безчестной лицемѣритъ,
Безумной безъ разбору вѣритъ.
А я скажу, по старинѣ,
Пословицу приятну мнѣ:
Когда къ водѣ придешъ отвѣдай прежде броду;
Ворвешся безъ того по самы уши въ воду,

XLIII.

Жуки и Пчелы.

Прибаску
Сложу,
И сказку
Скажу.
Невѣжи жуки,
Вползли въ науки,
И стали пашаку пчелъ дѣлать обучать.
Пчеламъ не вѣкъ молчать,
Что ихъ дурачатъ;
Великой шумъ во ульй начатъ.
Спустился къ нимъ съ Парнасса Аполлонъ,
И жуковъ онъ,
Всѣхъ выгналъ вонъ,
Сказалъ: друзья мои, въ навозъ отсѣль подите;
Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите,
Да вы же скаредствомъ и пашаку вредите.

XLIV.

Сова и Ріемачъ.

Расхвасталась сова:
Въ ней вся отъ гордости и злобы кровь кипѣла,
И вотъ ее слова:
Я первa изо птицъ въ сей рощѣ пѣсни пѣла,
А нынѣ я, за то, пускаю тщетный стонъ;
Попѣвъ я выбита изъ етой рощи вонъ:
За сладко пѣніе я бѣдство претерпѣла.

Отвѣтствовалъ совѣ, какой то Стихоткачъ,
Несмысленной Риѳмачъ:
Сестрица! я себѣ такую жъ часть наслѣдилъ,
Что первый въ городѣ на Риѳмахъ я забредилъ.

XLV.

Обидчикъ и Ангелъ.

По смерти каково, коль я скажу; совру:
Приди меня спросить, тогда когда умру.
Предъ Ангела предсталъ обидчикъ мерзкой,
И здѣлалъ сей вопросъ, гораздо смертнымъ дерзкой,
И говорилъ: душа моя всякъ часъ дрожитъ,
Коль намъ на страшный судъ востати надлежитъ,
И всю надежду я, на Вышняго ослабилъ;
Окрадывалъ Царя, и ближняго я грабилъ.
Какъ камень у меня на сердцѣ страхъ лежитъ.
Коль будетъ мертвымъ воскресенье;
Такъ я покаяся, полкражи возвращу,
И впредь во воровствѣ умѣренъ быть хочу;
Потребно мнѣ спасенье.
Небесный житель не смолчалъ,
И отвѣчалъ:
По смерти,
Каковъ на свѣтѣ ты, злодѣевъ таковыхъ,
Берутъ, бездѣльникъ, черти:
А что съ нимъ дѣлаютъ, спроси о томъ у нихъ.

XLVI.

Соболья шуба.

Богатство хорошо имѣть;
Но должно ль имъ кому гордиться смѣть?
Въ собольей дурака я шубѣ видѣлъ,
Который всѣхъ людей, гордяся, ненавидѣлъ.
Въ комъ много гордости, извѣстно то, что тотъ;
Конечно, скотъ,
И питла етова, въ народѣ, самъ онъ проситъ.
Носилъ ту шубу скотъ,
И скотъ и нынѣ носитъ.

XLVII.

Здоровье.

Кому въ чемъ есть ущербъ и вредъ;
Безъ отвращенія другому бѣдъ;
Такъ то намъ дѣлати безумно.
Когда питье мы шумно,
За здравіе излишно пьемъ;
Какую дѣлаемъ другому пользу тѣмъ?
Въ томъ суетно ему здоровья ожидаемъ:
Свое лишъ только повреждаемъ.

XLVIII.

Коловратность.

Собака кошку съѣла,
Собаку съѣлъ медвѣдь,
Медвѣдя, зѣвомъ, левъ принудилъ умереть,
Сразити льва рука охотничья умѣла,

Охотника ужалила змѣя,
Змѣю загрызла кошка
Сія
Вкругъ около дорожка.
А мысль моя,
И видно намъ неоднократно,
Что все на свѣтѣ коловратно.

XLIX.

Прохожій и Собака.

Гдѣ множество собакъ, трудненько тамъ пройти.
Поранилъ песъ прохожева, въ пути.
Стараясь умягчить прохожій ему рану,
Въ крови своей кусокъ далъ хлѣба онъ тирану;
Сказалъ какой то Инократъ:
Коль песъ ково ужалитъ,
Такъ его боль умалитъ.
Сказалъ ему Есопъ шедъ мимо: слушай братъ:
Впредь будешъ отъ собакъ ужаленъ ты, сто кратъ,
Коль едакъ раны облегчаешъ:
Мнѣ кажется что ты не рану излѣчаешъ,
Да пса кусаться обучаешъ.
А я скажу, вотъ такъ:
Дуракъ!
Не подчивай, да бѣй, ты, бѣшеныхъ собакъ.
Сказалъ во притчахъ Федръ, ругаяся тобою:
Влечетъ во злѣ успѣхъ другихъ ко злу съ собою.

L.

СторожЪ богатства своего.

Скупой не господинЪ, но только стражЪ богатства.
Скупой скажи мнѣ ты свой сонЪ:
Не грезится ль тебѣ, нейти изЪ свѣта вонЪ?
Не зришЪ ли смерти ты имѣніемЪ препятства?
СказалЪ пѣвецЪ АнакреонЪ,
Что тщетно тотЪ богатство собираетЪ,
Который такЪ равно, какЪ бѣдный умираетЪ.
Вспомни ты, что краткій вѣкЪ
ПредписанЪ намЪ судьбою,
И что раждаяся умрети человѣкЪ,
Во гробЪ не понесетЪ имѣнія съ собою.
А я къ тому веду здѣсь рѣчь,
Что мы рождаемся ль имѣніе стеречь,
И новы отЪ того, всякЪ часЪ, имѣть боязни.
Жесточе, вЪ Адѣ, нѣтЪ твоей безумецЪ казни.
И что глупяй тебя?
БездѣльниковЪ, по смерти,
ТерзаютЪ, вЪ Адѣ, Черти:
А ты стараешся терзати самЪ себя;
Ты ДьяволЪ самЪ себѣ, тиранЪ себѣ безЪ спору.
У Федра Притча есть: лисица роя нору,
Прорылась глубоко,
И вЪ землю забрела, гораздо далеко:
Нашла сокровище, подЪ стражей у дракона,
По Моліерову у Гарпагона,
По моему у дурака,
Который отлежалЪ, на золотѣ, бока.
ФедрЪ инако раскаску скончеваетЪ:
А я скажу: драконЪ на златѣ почиваетЪ,
ЛежитЪ во тьмѣ и спитЪ, проснувшися зѣваетЪ,
И на златомЪ одрѣ вЪ нещастьи пребываетЪ.

LI.

Пустынникъ.

Въ пустынѣ мужъ почтенный жилъ,
И добродѣтели примѣромъ онъ служилъ.
Всѣ видѣли ево незлобива и смирна,
Вездѣ о немъ носилася хвала.
Какой то человѣкъ привелъ ему вола,
Гораздо жирна.
Увидѣлъ ето воръ,
И захотѣлъ вола къ себѣ втащить на дворъ.
Настала ночь: пошелъ на ловлю воръ къ пустынѣ,
И ставъ заранье гордъ,
Идетъ и мнитъ: поѣмъ говядинки я нынѣ.
Въ пути попался вору чортъ:
Не о говядинѣ тотъ мыслитъ,
И не вола идетъ ловить;
Идетъ пустынника давить,
И ужъ ево въ убитыхъ числитъ.
Извѣстно то что чорту, въ вѣкъ,
Противенъ доброй человѣкъ,
И что взаимственна въ душахъ подобныхъ служба;
Издревле у чертей съ ворами дружба.
Другъ другу объявивъ намѣренье они,
Спѣшатъ туда прийти до разсвѣтанья дни;
Чтобъ дѣло въ темнотѣ рѣшилось,
И безпрепятственно желанье совершилось.
Пришли,
Вола нашли.
Воръ чорту говоритъ: я стану приниматься,
Съ говядиной ломаться.
А чортъ на то, она сыра и замичитъ;
Вить быкъ не завсегда когда онъ живъ молчитъ;
Пустынника разбудитъ:
А онъ легко разсудитъ,

Что ворЪ вола здѣсь удитЪ.
Постой, покамѣсть я пустынника словлю,
И удавлю.
ВорЪ ево примѣчаетЪ,
Что гнется не кЪ ево то больше сторонѣ,
И отвѣчаетЪ
Сатанѣ:
Постой, и дай свести вола ты прежде мнѣ:
И мнитЪ: когда чортЪ двѣрью грянетЪ;
УслышавЪ шумЪ, пустынникЪ встанетЪ,
И пастухамЪ разбой во окошко закричитЪ:
А волЪ хотя и замичитЪ;
ПустынникЪ на постелѣ,
Не свѣдаетЪ обЪ етомЪ дѣлѣ.
Не соглашаются вступили вЪ спорЪ:
Шумитъ и чортЪ, шумитЪ и ворЪ.
УслышавЪ шумЪ пустынникЪ мой проснулся:
И только лишЪ очнулся,
КричитЪ разбой,
ПустынникЪ мой
И пастуховЪ вЪ окошко созываетЪ.
Обрушился чортЪ вЪ адЪ:
ВорЪ высунувЪ языкЪ, бѣжитЪ, зѣваетЪ.
Поймали, и ему назадЪ,
Веревкой, руки прикрѣпили:
А послѣ ею же и шею прицѣпили.

LII.

Змѣя подъ колодой.

Змѣя лежала подъ колодой,
И вылезть не могла:
Не льстилася свободой,
И смерти тамъ себѣ ждала.
Мужикъ дорогой
Шелъ:
Въ судьбѣ престрогой.
Змѣю нашелъ.
Змѣя ево не укусила;
Не льзя.
Слезя,
Ево просила;
Прежалостно стѣня:
Пожалуй мужичокъ, пожалуй вынь меня!
Мужикъ сей прозьбы не оставилъ,
Змѣю отъ пагубы избавилъ,
Къ лютѣйшему врагу усердіе храня
О щедрая душа! о мужъ благоразсудный!
А попросту, болванъ уродина пречудный!
Змѣю ты спасъ.
На что? чтобъ жалить насъ.
Змѣя шипитъ, и жало
Высовываетъ вонъ;
Тгухнулъ гораздо онъ,
И серце задрожало.
Змѣя бросается яряся на нево,
И за большую дружбу,
Спремится учинить ему большую службу.
Вертится мой мужикъ, всей силой, отъ тово,
Хлопочетъ,
И со змѣею въ судъ ийти онъ хочетъ.

Бѣжала тутъ лиса, и говоритъ имъ: я
Судья;
Скажите братцы смѣло,
О чемъ у васъ такой великой шумъ,
И ваше дѣло:
Я все перевершу, и приведу васъ въ умъ.
Мужикъ отвѣтствовалъ: мои тебѣ доводы,
Что вынулъ я ее изъ подъ колоды,
И пекся оживить,
Она меня, за то, печется умертвить.
Змѣя отвѣтствуетъ: я тамъ опочивала,
И въ страхѣ смертномъ я, тамъ лежа, не бывала,
Такъ будто онъ меня отъ смерти свободилъ,
Что отнялъ мой покой и дерзко разбудилъ.
Судья змѣѣ сказалъ, не высунь больше жала,
И прежде покажи мнѣ то, какъ ты лежала;
Такъ я изъ етова полутче разберу,
И здѣлаю тобой, крестьянину кару.
Впустилъ мужикъ туда змѣю обратно.
Судья змѣѣ сказалъ: опочивай приятно,
А ты, дружечикъ мой,
Поди домой.
Изъ канцеляріи, со смертна бою,
Мужикъ зоветъ
Лису съ собою,
И говоритъ: мой свѣтъ!
Поди ко мнѣ обѣдать,
И куръ моихъ отвѣдать;
За благодѣтель я твою,
Впущу судью,
Въ мой курникъ: пѣтухи тамъ, куры и цыплята.
Хотя мала тебѣ такая плата.
Чево достойна ты не льзя и говорить,
Да не чѣмъ больше мнѣ тебя благодарить.

Пошла лисица съ нимъ, ей ето нравно,
И не противенъ тотъ лисицѣ разговоръ:
Наѣстся тамъ она преславно.
Пришла къ нему на дворъ,
И въ курникъ: только лишъ вошла туда лисица,
Крестьянинъ говорилъ: дражайшій мой судья!
Послушайка сестрица,
Голубушка моя,
Простися съ братцомъ ты, съ своимъ любезнымъ
свѣтомъ,
А милость я твою усердно заплачу:
У насъ по деревнямъ безъ шубы ходятъ лѣтомъ;
Такъ шубу я съ тебя содрать хочу;
Теперь тепло; такъ я не виненъ въ етомъ.
И взявъ обухъ
Онъ вынулъ изъ сестры однимъ ударомъ духъ.

LIII.

Олень.

Олени такъ какъ мы, животнаго же роду,
Такую же имѣютъ моду,
Что пьютъ они, да пьютъ одну лишъ только воду;
Къ рѣкѣ прибѣгъ испить олень.
Въ водѣ уьидѣлъ онъ свою оленью тѣнь.
И тму ногамъ онъ дѣлалъ пѣнь,
И говорилъ: судьбы и щедры всѣмъ и строги,
Прекрасныя даны мнѣ роги,
И самы пакостны съ собой таскаю ноги.
Песъ гончій текъ ему во слѣдъ;
Не хочетъ мой олень такихъ себѣ бесѣдъ,
Бѣжитъ; не милъ ему сосѣдъ.
Въ минуту въ лѣсъ ушолъ онъ резвыми ногами:
Въ лѣсу цепляется рогами,

И мѣдлитъ на бѣгу онъ ети́ми врагами.
Видна изъ басни сует̀а,
Когда за лутчее почтется красота,
Что лутча наша часть не та.

LIV.

Собака и Воръ.

Старой обычай и давная мода,
Были бъ ворота всегда на крѣпи.
Въ домѣ, всегда, у приказнова рода,
Песъ, на часахъ, у воротъ на цѣпи.
Дворникъ забывшись не заперъ колитки;
Слѣдственно можно втереться во дворъ.
Въ вымыслахъ мудрыя остры и прытки:
Входитъ мудрецъ тутъ, а именно воръ.
Ластится, ластится льстецъ, ко собакѣ,
Бросилъ ей жирнова мяса кусокъ:
Песъ разсердясь закричалъ будто въ дракѣ:
Рвешся напрасно нахалъ а не въ прокъ:
Воръ подкупити меня предпримаешъ,
Хочешъ прибраться ты къ нашимъ крохамъ.
Вѣрна подарками пса не сломаешъ;
Я не повинна приказнымъ грѣхамъ.
Знаю сево я привѣтства причину;
Взавтрѣ пожалуй, да въ день а не въ ночь.
Мясо снеси къ моему господину;
Онъ до подарковъ поболѣ охочъ.

LV.

Филлида.

Горько плакала Филлида,
Очи простирая въ понтъ,
Изъ ея въ которомъ вида
Скрылся вѣчно Демофонтъ.

Тѣ брега гдѣ съ ней простился,
Гдѣ любимъ онъ ею былъ,
Сей невѣрный позабылъ,
И назадъ не возвратился.

Много изъ любви забавы,
И веселія течетъ;
Но любовь лишая славы,
Часто бѣдствіе влечетъ,
Не ввѣряйте вы прекрасны,
Не подумая сердецъ:
Берегитесь на конецъ,
Какъ Филлида быть нещастны.

LVI.

КомарЪ.

Какой то нѣгдѣ шолъ обозъ:
Клячонка на гору тянулась,
Везла она тяжелой возъ,
И стала, больше не тронулась.

Сердясь какъ будто на жену,
ЛишЪ только больше погоняетъ,
КричитЪ извощикЪ, ну, ну, ну,
И клячѣ палкой лѣнь пѣняетъ.

Ни съ мѣста конь; гора трудна,
Трудняй извощикова клика,
А кляча возъ везетъ одна,
Поклажа на возу велика.

ВЪ нутри у клячи адской жаръ,
А на спинѣ морская пена,
А на возу сидитъ комарЪ,
И мнитъ: горчай я клячѣ хрена.

Вся тягость мыслитъ отъ него;
У комара вить есть догадка;
Скочилъ онъ для ради того,
И говоритъ, ступай лошадка.

Конецъ I. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Терпѣніе.

Терпѣнье хорошо, объ етомъ я не спорю,
Нравоучителей не съ кѣмъ я симъ не ссорю.
Но мѣра есть во всемъ,
Подобно какъ и въ немъ.
Былъ нѣкакой скупой, иль былъ домостроитель,
И за расходами подробный былъ смотритель:
Имѣлъ онъ лошадь иль коня:
Какою шерстью, то едино для меня.
Буланая ль была, гнѣдая, иль иная,
Пусть лошадь будетъ вороная.
Случилось цѣлой день хозяину не ѣсть,
И было то ему не очень тяжко несть.
Умняе, мыслитъ онъ, я сталъ поживъ подолѣ.
Хоть лошадь я свою, сказалъ онъ, и люблю;
Но сѣна и овса я много тѣмъ гублю;
Ни сѣна ни овса не дамъ коню я болѣ,
А лѣтомъ я пущу гулять лошадку въ полѣ:
Я цѣлой день не ѣлъ, однако я вить живъ,
Пробыть безъ корму льзя, мой вымыселъ нелживъ:
Терпѣнье никогда не сокращаетъ вѣка,
А лошадь крѣпче человѣка.

Постится лошадь день: живаль она? жива.
Збылися, говоритъ, збылись мои слова,
Изряденъ опытъ мой, изрядна и догадка.
Еще постится день: жива ль моя лошадка?
Жива: я вѣдалъ то;
И кормъ терять на что?
Постится день еще: хозяинъ тѣмъ доволенъ.
Скажите: живъ ли конь? конь живъ, да только боленъ.
Не можно, говоритъ, животному найтись,
Которо бы могло безъ скорби обойтись.
Постится день еще: легла лошадка въ стойлѣ,
Не мыслитъ болѣе о кормѣ, ни о пойлѣ.
Скажите: живъ ли конь? живъ но чудь дышитъ.
Не всяка, говоритъ, скорбь жизни насъ лишитъ.
Конечно то припадки,
Холодной лихорадки.
Постится, день еще, и покидаетъ свѣтъ.
Скажите: живъ ли конь? коня ужъ больше нѣтъ.
Хозяинъ закричалъ, конюшему прегрозно:
Дай корму ты коню: теперь сударь ужъ позно.

II.

Старикъ со своимъ Сыномъ и Оселъ.

Одинъ то такъ, другой то инако зоветъ;
На свѣтѣ разны нравы,
На свѣтѣ разны правы;
Но все ли то ловить, рѣкою что плыветъ.
Кто хочетъ,
Пускай хлопочетъ,
Пускай хахочетъ,
Хула не ядъ,
А безъ вины ни кто не попадется въ адъ:

Хулитель ко всему найдетъ себѣ привязку.
Я къ етому скажу старинную вамъ сказку:
Ни года, мѣсяца не помню, ни числа;
Какъ велъ мужикъ дорогою осла.
Съ крестьяниномъ былъ сынъ, мальчишка лѣтъ десятка;
Но то одна догатка;
Я въ зубы не смотрѣлъ: да я жъ не коновалъ,
И отъ роду въ такой я школѣ не бывалъ.
Мужикъ былъ старъ и съ бородою:
Съ какой? съ сѣдою.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: идутъ пѣшками,
А есть у нихъ оселъ, ослы вы видно сами.
Не празденъ сталъ оселъ,
Крестьянинъ на нево полезъ и сѣлъ:
Безъ шпоръ крестьянинъ былъ, толкалъ осла пятами.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: конечно братъ ты шуменъ,
Или безуменъ;
Самъ ѣдешъ ты верьхомъ,
А мальчика съ собой волочишъ ты пѣшкомъ.
Мужикъ съ осла спустился,
А мальчикъ на осла, и такъ и сякъ,
Не знаю какъ,
Вскарабкался взмостился.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: на глупость ето схоже,
Мальчишка помоложе;
Такъ лутче онъ бы шелъ, когда бъ ты былъ уменъ,
А ты бы ѣхалъ старой хренъ.
Мужикъ осла еще навьючилъ,
И на нево себя и съ бородою взрючилъ,

А парень таки тамъ:
Не будетъ ужъ теперь ни кто смѣяться намъ;
Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ то сердечно:
Конечно,
Я мышлю такъ и самъ,
Ни кто смѣяться ужъ не станетъ;
Извѣстно то давно, что серце не обманетъ.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: старикъ и въ грѣхъ не ставитъ,
Что такъ осла онъ давитъ,
А скоро сѣдока и третьяка прибавитъ.
Удачи нѣтъ: ни кто не хочетъ похвалить;
Не лутче ль на себя мужикъ осла взвалить?

III.

Оселъ во львовой кожѣ.

Оселъ одѣтый въ кожу львову,
Надѣвъ обнову,
Гордиться сталъ,
И будто Геркулесъ подъ оною блисталъ.
Да какъ сокровищи такія собираютъ?
Мнѣ сказано и львы какъ кошки умираютъ,
И кожи съ нихъ здираютъ.
Когда престависа свирѣпый левъ;
Не страшенъ левій зѣвъ,
И гнѣвъ;
А противъ смерти нѣтъ на свѣтѣ обороны;
Лишъ только не такой по смерти львамъ обрядъ:
Насъ черви какъ умремъ ядятъ,
А львовъ ядятъ вороны.

Каковъ сталъ гордъ оселъ, на что о томъ болтать?
Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянемъ
На мужика,
И почитати станемъ
Мы въ немъ откупщика,
Который продавалъ подовыя на рынкѣ,
Или у кобака,
И послѣ въ скрынкѣ
Богатства у нево великая рѣка,
Или ясняй сказать, и Волга и Ока,
Который всѣмъ тѣснитъ бока,
И плаваетъ какъ муха въ крынкѣ,
Въ пространномъ морѣ молока,
Или когда въ чести увидишъ дурака,
Или въ чину урода,
Изъ сама подла рода,
Котораго пахать произвела природа.
Ворчалъ,
Мичалъ,
Рычалъ,
Кричалъ,
На всѣхъ сердился:
Великій Александръ толико не гордился.
Таковъ сталъ нашъ оселъ:
Казалося ему что онъ судьею сѣлъ.
Пошли поклоны, лѣсти,
И объ ослѣ вездѣ похвальны вѣсти:
Разнесся страхъ,
И все передъ осломъ земной лишъ только прахъ.
Недѣли въ двѣ, поклоны
Передъ осломъ,
Не стали тысячи, да стали милiоны,
Числомъ:

А все изъ далѣка поклоны тѣ творятся;
Прогнѣвавшія льва не скоро помирятся;
Такъ долгъ пѣвдитъ уму:
Не подходи къ нему.
Лисица говоритъ: хотъ левъ и дюжъ дѣтина,
Однако вить и онъ такая же скотина;
Такъ можно подойти и милости искать:
А я то вѣдаю какъ надобно ласкать.
Пришла и милости просила,
До самыхъ до небесъ тварь подлу возносила,
Но вдругъ увидѣла, всѣ лѣсти тѣ пропѣвъ,
Что то оселъ, не левъ:
Лисица заропгала,
Что, вмѣсто льва, осла всемъ сердцемъ почитала.

IV.

Безногой Солдатъ.

Солдатъ, которому въ войнѣ отшибли ноги,
Былъ отданъ въ монастырь, чтобъ тамъ кормить его,
А служки были строги,
Для бѣднова сево.
Не могъ тамъ пищею нещастливый ласкатьея,
И жизни былъ не радъ.
Оставилъ монастырь безногой сей солдатъ:
Ногъ нѣтъ; поползъ, и сталъ онъ по миру таскатьея.
Я дѣло самое преважное имѣлъ,
Желая чтобъ ни кто тогда не зашумѣлъ,
Весь мозгъ, колико я его имѣю въ тѣлѣ,
Былъ въ етомъ дѣлѣ,

И голова была пуста:
Солдатъ ползя съ пустымъ лукошкомъ,
Ворчалъ передъ окошкомъ:
Дай милостинку кто мнѣ, для ради христа:
Подайте ради бога:
Я цѣлый день не ѣлъ, и наступаетъ ночь.
Я злился и кричалъ: ползи негодной прочь,
Куда лежитъ тебѣ дорога:
Давно тебѣ пора безногой умирать,
Ползи, и не мѣшай мнѣ въ шахматы играть.
Ворчалъ солдатъ еще, но ужъ не предомною,
Передъ купеческой ворчалъ солдатъ женою.
Я выглянулъ въ окно,
Мнѣ стало то смѣшно,
За что я сперьва злился,
И на безногова я смотря веселился:
Ийти ко всенощной была тогда пора,
Купецкая жена была уже стара,
И очень богомольна,
Была вдова и деньгами довольна;
Она съ покойникомъ въ подрядахъ кладъ нашла:
Молиться пѣша шла;
Но не отъ бѣдности; да что колико можно,
Жила она набожно:
Всѣ дни, ей, пятница была и середа,
И мяса въ десять лѣтъ не ѣла никогда:
Дни съ три уже не напивалась водки,
А сверьхъ того всегда
Перебирала чотки:
Солдатъ и ей о пищѣ докучалъ,
И тожъ ворчалъ:
Защекотило ей ево ворчанье въ ухѣ,
И жалокъ былъ солдатъ набожной сей старухѣ,
Прося чтобъ бѣдному полушку подала:
Заплакала вдова, и въ церковь побрела.

Работникъ цѣлый день копалъ изъ ряды,
На огородѣ гряды,
И встрѣтившись нещастному сему,
Что выработалъ онъ все отдалъ то ему.
Съ ползущимъ воиномъ работникъ сей свидѣтель,
Въ какомъ презрѣніи прямая добродѣтель.

V.

Подьяческая дочь.

Не ложно,
Что можно,
Себя по виду обмануть,
И тварью тварь почесть иною:
Случилось нынѣ то со мною;
Не на прямой попалъ я путь.
Кокетку видѣлъ я въ подьяческой бесѣдѣ,
У регистратора бывъ въ праздникъ на обѣдѣ.
Я самъ не вѣдаю, какъ я туда зашелъ,
А то еще чудняй: кокетку тутъ нашелъ:
Кокетствовать не въ модѣ,
Подьяческой породѣ.
И помнится нигдѣ тово въ указахъ нѣтъ,
Чтобъ имъ носить корнетъ:
Льзя имъ чепецъ носить; треухъ, а по приволью,
И шапку иногда соболью:
Къ уборамъ едакимъ приказныхъ женщинъ лопъ:
И можно имъ носить кумачну тѣмногрѣю,
Отъ самыхъ пятъ по шею;
А на етой корнетъ и флеровой салопъ.
По благородному она всю рѣчь варила,
Новоманерными словами говорила:

Казалося что въ ней была господска кровь:
То фрукты у нее, что въ подлости морковь.
Тутъ сидя не пила ни кислыхъ щей ни квасу:
И спрашивала, гдѣ промыслить ананасу.
Кавришки сахарной кусочки клала въ ротъ,
И знала то что ето цуккербротъ.
По модѣ нынѣшней не къ стати все болтала,
Не къ стати хахотала.
Играть хошѣла и въ трисетъ,
Да троекъ нѣтъ;
Подьячія изъ картъ тѣ карты выбираютъ;
Понеже ни въ трисетъ ни въ ломберъ не играютъ.
Нахлюставшись писцы о взяткахъ стали врать,
И что де подлежитъ за трудъ и кожу драть,
Не только брать:
За то ругаютъ насъ, да ето намъ издѣвка:
При сихъ словахъ вздохнула дѣвка,
Во всю девичью мочь,
И отошла зардѣвшись прочь.
Она подьяческая дочь:
Блаженной памяти ея родитель грѣшенъ;
За взятки онъ повѣшенъ;
До взятокъ былъ охочъ;
И грабилъ день и ночь.
Животъ ево остался весь на рынкѣ;
Однако деньги всѣ остались ей въ скрынкѣ.

VI.

Болванъ.

Былъ выбранъ нѣкто въ Боги:
Имѣлъ онъ голову, имѣлъ онъ руки, ноги,

И станъ ;
Лишъ не было ума на полполушку ,
И деревянную имѣлъ онъ душку :
Былъ идолъ , по просту болванъ :
И зачали болвану всѣ молиться ,
Слезами предъ болваномъ литься ,
И въ перси бить :
Кричатъ : потщися намъ , потщися пособить !
Всякъ помощи великой чаетъ :
Болванъ тово
Не примѣчаетъ ,
И ничево
Не отвѣчаетъ :
Не слушаетъ болванъ рѣчей ни отъ ково ,
Не смотритъ какъ жрецы машны искусно слабятъ ,
Передъ ево пришедшихъ олтари ,
И деньги грабятъ ,
Такимъ подобіемъ , какимъ , секретари ,
Въ Приказѣ ,
Подъ несмотреніемъ несмысленныхъ судей ,
Збираютъ подати въ карманъ себѣ съ людей
Не помня что о томъ написано въ указѣ.
Потратя множество и злата и сребра ,
И невидавъ себѣ молебщики добра ,
Престали кланяться уроду ,
И бросили болвана въ воду ,
Сказавъ : не отвращалъ отъ насъ ты зла :
Не могъ ко щастію ты намъ пути отверсти !
Не будетъ отъ тебя , какъ будто отъ козла ,
Ни молока ни шерсти.

VII.

Одноколка.

Отцы сей Притчи вы не забывайте,
Рабятамъ воли не давайте.
Какой то былъ въ деревнѣ дворянинъ,
У дворянина сынъ:
Мальчишка былъ изнѣженъ,
Резвиться былъ прилѣженъ,
Не знаетъ онъ аза,
Въ глаза,
И что гроза,
И что лоза,
И что слова которы дѣтямъ колки.
Родитель резвости дитятины сносилъ.
Дитя просилъ,
Поѣздить, нѣкогда, у тяти одноколки,
А править самъ хотѣлъ:
И выпросивъ ее, кататься полетѣлъ:
Едва конемъ мальчишка правитъ,
Свиней собакъ и кошекъ давитъ.
Мяученье, лай, визгъ во всей деревнѣ той,
Во всей деревнѣ шумъ. Кричатъ ему: постой,
На право, въ лѣво, прямо;
Однако конь, упрямо,
Какъ хочетъ такъ бѣжитъ,
И какъ изволитъ скачетъ.
Мальчишка плачетъ,
Мальчишка мой дрожитъ,
Дитя мое визжитъ,
Въ дитяти сердце ноетъ,
Мальчишка воетъ,
И возжи, не учивъ онъ кучерскихъ наукъ,
Пустилъ изъ рукъ,

А конь, оттоле,
Бѣжитъ на чисто поле.
Мальчишка мой, стѣня,
Не держитъ ужъ коня,
Конь быстръ, имѣетъ онъ копыты не лѣнивы,
Съ колесами, пахать по хлебу жолты нивы.
Конь былъ нахалъ,
И нивы онъ своимъ узоромъ распахалъ,
Давъ нивамъ рыцарскую сѣчу.
Попалася потомъ гора коню на встрѣчу,
Глубокой подъ горой былъ долъ и темной лѣсъ:
Летитъ мое дитя съ небесъ,
Раздулась у коня со гривой хвостъ и холка:
Прости лошадушка, дитя и одноколка.

VIII.

Дельфинъ и Невѣжа хвастунъ.

Когда бъ невѣжи то побольше разбирали,
Какъ должно говорить; они бы меньше врали.
Какой то человѣкъ,
Въ какомъ то морѣ тонетъ,
Окончеваетъ вѣкъ,
Кричитъ и стонетъ.
Сплетенъ такой расказъ,
Что будто жестоко Дельфины любятъ насъ:
Немножко должно мнѣ теперь полицемѣрить,
Расказу етому и я хочу повѣрить:
Хочу;
Я пошлины за то въ казну не заплачу.
Дельфинъ стенящаго спасаетъ,
И на спину къ себѣ бросаетъ:

Мой всадникъ по морю гуляетъ на конѣ.
Скажи ты мнѣ,
Въ какой родился ты странѣ,
Дельфинъ ево спросилъ: мой всадникъ отвѣчаетъ!
Родился тамо я, а тамъ и тамъ бывалъ,
Что вѣдомо ему, тово не забывалъ,
И Географіи Дельфина научаетъ.
Дельфинъ ево спросилъ: въ Москвѣ бывалъ ли ты,
Во обиталищи дѣвичей красоты?
Въ расказы всадникъ мой гораздо углубился,
Москвы не зналъ,
Однако о Москвѣ вздыхая вспоминалъ,
И говоритъ: онъ тамъ со многими любился.
Дельфинъ ево спросилъ: извѣстна ли тебѣ
Въ Россіи Волга? да, я щастья тамъ и болѣ
Въ любви имѣлъ себѣ.
Цвѣтовъ колико въ полѣ,
Толико тамъ
Прекрасныхъ дамъ.
Москвы сей городъ больше вдвое,
А можетъ быть и втрое.
На тѣ слова
Дельфинъ отвѣтствуетъ проворному дѣтинѣ:
А етотъ городъ, ты со мной въ которомъ нынѣ,
Въ которомъ путаетъ безмозгла голова,
И волги больше вдвое,
А можетъ быть и второе,
А во стенахъ сихъ мѣстъ
Толико много дамъ, колико въ небѣ звѣздъ.
Сбросилъ со спины Дельфинъ сево дѣтину,
И говорилъ еще:
Я спасъ тебя вотщѣ;
Мы возимъ на себѣ людей, а не скотину.

IX.

Волкъ и Собака.

Приятняй города гораздо лѣтомъ лѣсъ.
Въ прекрасны Майски дни былъ тамъ нежирный песъ
А я не знаю прямо ,
Прогуливался ль тамо ,
Иль пищи онъ искалъ ;
Хотя въ лѣсу и густо ;
Захочется ль гулять когда въ желудкѣ пусто ?
Насилу ноги песъ отъ голоду таскалъ ;
Конечно пищею онъ тамъ себѣ ласкалъ :
Не много надобно на ето толку ;
Однако дождался песъ новыхъ бѣдъ ,
Достался на обѣдъ
Онъ самъ , голодну волку :
Пришелъ собакѣ той изъ свѣта вонъ отъѣздъ.
Хоть песъ не жиренъ ,
Однако волкъ и кости ѣстъ.
Собака знаетъ то , что волкъ не смиренъ ,
И что изрядной онъ солдатъ ,
И что хоть онъ безъ латъ ,
Коґда надуетъ губу ,
Не скоро прокусить ево удобну шубу.
Пса волкъ привѣтствуетъ : здорово сватъ :
Не хочешъ ли ты , братъ ,
Барахтаться со мной , и силъ моихъ отвѣдать ?
Поймалъ собаку волкъ , и хочетъ пообѣдать.
Собака говоритъ : пусти меня домой ,
И называется она ему кумой ,
Любезной куманекъ , пусти сударикъ мой ,
Пусти меня домой :
Изволь послушать ,
Пусти меня и дай еще ты мнѣ покушать !
Въ дому у насъ великой будетъ пиръ ,
Зберется къ намъ весь миръ ;

Такъ я остатками стола поразжирѣю,
И куманьку на кушанье созрѣю.
Приди ты послѣ къ намъ,
А я живу вотъ тамъ.
Песъ правду говоритъ, волкъ ето видитъ самъ.
Поѣхала домой кума, оставивъ куму
Надежду и веселу думу.
По времени тамъ онъ стучался у воротъ;
Но дѣло то пошло совсѣмъ на оборотъ;
Воротникъ былъ въ три пуда
Песъ;
Тяжелъ тотъ волку вѣсъ;
Боялся волкъ мой худа,
И утекалъ оттоль, большею рысью, въ лѣсъ.

X.

Два скупыя.

Два друга выдавать монеты были тупы,
А попросту гораздо были скупы,
И говорили такъ: вить деньги не вредятъ,
Хоть ихъ и не ядятъ:
Науки и умы мѣшковъ не побѣдятъ.
Систему ету я и самъ приемлю.
Зарылъ одинъ изъ нихъ червонцовъ кучу въ землю,
Другой увѣдалъ то; такъ дѣло шло на ладъ,
Сыскати кладъ:
Порыть лишъ только смѣло;
Хотя безсовѣстно то дѣло;
Однако въ воровствѣ утѣха есть и сласть,
А совѣсть у скупыхъ со всѣмъ другою статью:
Лежитъ она въ мѣшкахъ и за печатью.

Ограбить и окрасть,
У нихъ геройска страсть.
Пускай безчестно то, пускай немилосердо,
И для ради тово хранится совѣсть твердо,
У таковыхъ людей:
Они и спятъ на ней.
Червонцы скаредъ мой повыбрилъ,
И дружне золото подшибрилъ,
А тотъ ево подозрѣвалъ,
Обычай вѣдая наперстниковъ подробно;
Съ нимъ купно прежде воровалъ
Онъ самъ, подобно,
И говорилъ ему, я взавтрѣ расточу,
Оставша золота, другую половину,
Когда погибшава обратно не подвину:
А естьли я свои червонцы возврачу;
Я инде ихъ заколочу,
И скрою,
И со оставшими я, тамъ то, ихъ зарою:
Вотъ такъ то здѣлать я хочу.
Оскалилъ и на тѣ червонцы смрадникъ зубы,
И лижетъ губы,
И мнитъ: такъ я тебя не едакъ поучу:
Я кучку у тебя и ету ухвачу.
Украдены обратно
Зарылъ червонцы онъ,
А тотъ ихъ вырылъ вонъ,
И говорилъ ему: рой яму ты стократно;
Однако вѣрь ты мнѣ, не збудется твой сонъ,
И что хотя ты всю вселенную изрыщешъ.
Напредки моего и шелега не сыщешъ.

XI.

Черепаха.

Болтаньемъ мы добра во вѣки не найдемъ,
И часто только имъ мы въ пагубу идемъ.
Намѣрилася черепаха,
Изъ царства Русскова зѣвать:
Въ пути себѣ не видя страха,
Въ Парижѣ хочетъ побывать.
Не говоритъ уже по Русски,
И вретъ и бредитъ по Французски.
Съ ней больше о Руси ни кто не говори,
И только ето ври:
Парижъ, Верзалья, Тюльери.
Ее всегдашнія о Франціи погудки,
И путешествіе увѣдали двѣ утки,
И говорятъ ей такъ: въ пути тебѣ потѣть;
Не лутче ли въ Парижъ, мадамъ, тебѣ летѣть,
А мы тебѣ летѣть поможемъ:
Ты знаешъ, черепахъ конечно мы не гложемъ,
И не для нашей ты родилася яды;
Такъ мы не здѣлаемъ, мадамъ, тебѣ бѣды,
А намъ во Францію извѣстны всѣ слѣды.
Согласна съ ними черепаха,
И стала птаха;
Да какъ она летитъ? а вотъ:
Ей утки дали палку въ ротъ,
И понесли ту палку,
Подобно какъ порчезъ иль нѣкую качалку,
И говорятъ; молчи, лети и домъ неси;
Но пташичка не помолчала,
И закричала:
Превосходительство мое на небеси.
Но только лишъ уста свои разверзла птаха,
Оторвалась она: летѣла къ верьху птаха,
А къ низу черепаха.

Изъ спаленки своей шага не выходя,
Летѣла въ облака, и небо находя;
Но отъ нескромности, свои разшибла латы,
Носъ, рыло и палаты.

XII.

Олень и Лошадь.

Опасно мѣстію такой себя ласкать,
Которой больше льзя нещастія сыскать.
Съ оленемъ конь имѣлъ войну кроваву.
Оленю удалось побѣдоносца славу
И лавры получить,
А именно коня гораздо проучить.
Возносится олень удачною судьбою,
Подобно какъ буянъ удачною борьбою,
Или удачею кулачна бою,
Иль будто Ахиллесъ,
Какъ онъ убилъ Гектора.
Отъ гордости олень изъ кожи лѣзъ.
Такая то была на чистомъ полѣ ссора,
Съ оленемъ у коня.
А конь мой мнитъ: пускай олень побилъ меня:
Я ету шутку,
Оленю отшучу.
И отплачу,
Имѣетъ конь догадку,
И ищетъ сѣдока.
Сыскалъ, подставилъ конь и спину и бока:
Взнуздалъ сѣдокъ коня и осѣдлалъ лошадку,
А конь ему скакать велитъ,
Оленя обрести сулитъ,
И полной мѣстію духъ конской веселитъ.

Сѣдокъ ружье имѣетъ,
Стрѣлять умѣетъ.
Исполнилося то чего мой конь хотѣлъ,
Сѣдокъ оленя налетѣлъ,
И въ цѣль намѣря,
Подцапалъ онъ рогата звѣря.
Побѣду одержавъ конекъ домой спѣшитъ;
Однако онъ къ уздѣ крѣпохонько пришитъ.
Лошадку гладятъ и ласкаютъ;
Однако ужъ коня домой не отпускаютъ,
И за узду ево куда хотятъ таскаютъ.
Конишка мой въ ярмѣ,
Конечикъ мой на стойлѣ,
А по проспу въ тюрьмѣ,
Хотъ нужды нѣтъ ему ни въ кормѣ и ни въ пойлѣ.
Стрѣлокъ лошадкина соперника убилъ,
А конь сей мѣстію свободу погубилъ,
И только подъ сѣдломъ, хозяина, поскачетъ,
О прежней вольности воспомнитъ и заплачетъ.

XIII.

Мужикъ и Кляча.

Имѣя умъ,
И много думъ,
Природу мы поносимъ,
Когда о таковыхъ дѣлахъ мы Бога просимъ
И дѣлаемъ молитвой шумъ,
Помоществуемы тщась быти небесами,
Какія мы дѣла исполнить можетъ сами,
Везла тяжелой кляча возъ,
Мужикъ на ней возилъ навозъ,

Клячонка съ силою везетъ товаръ союзно;
Однако на возу гораздо грузно,
А по дорогѣ грязь.
Мужикъ, ярясь,
Рукою дѣлаетъ размахи,
И палкою даетъ лошадкѣ шахи.
Конь мучится, и кровь течетъ изъ конскихъ латъ.
Шахалъ, шахалъ мужикъ, и далъ лошадкѣ матъ.
Онъ руки къ небу воздѣваетъ,
И Геркулеса призываетъ:
Великій Геркулесъ возри ты къ сей странѣ,
И помоги навозъ ты клячѣ везть и мнѣ!
Кричитъ мужикъ и кланяется въ ноги,
Валяяся въ грязи среди дороги.
Низшелъ тотчасъ
Съ Олимпа гласъ:
Навозу никогда, дуракъ, не возятъ Боги;
Однако я
Твой возъ подвину:
Сними, свинья,
Съ телеги грузу половину.
Исполнилъ то мужикъ,
Работая и плача.
Прошелъ мужичій крикъ,
И попащила возъ умученная кляча.

XIV.

Олень и дочь ево.

Не хвастай рыцарь мочью,
Вздымая усъ,
И бредь, не намъ, себѣ объ етомъ ночью,
Когда ты трусъ.

Оленька нѣкогда родителя спросила:
Скажи, мнѣ батюшка, на что оленю сила,
И столько рогъ;
Коль только отъ однихъ ему спасенье ногъ?
Когда увидишъ ты собаку,
Начни когда съ ней драку;
Почто тебѣ дрожать,
И прочь бѣжать?
Олень отвѣтствуетъ: то правда, мнѣ и стыдно,
Что храбрости моей не видно,
И часто размышляъ я такъ:
Иль я дуракъ,
Зубатъ и я, да яжъ еще рога имѣю:
Ногъ столькожъ и у пса, коль я считать умѣю:
И нѣтъ у пса копытъ;
Такъ ето мнѣ немалой стыдъ,
Что бѣгаю прочь я и драться съ нимъ не смѣю.
Собачей сынъ ты песъ:
Такъ бѣгай отъ меня на предки самъ ты въ лѣсъ.
Не думай ты что я теленокъ;
Или что честь моя лишъ только отъ коленокъ.
Бездѣльникъ сукинъ сынъ! такія ли рога,
Не поразятъ камолова врага?
Не уступлю я впредь тебѣ ни двухъ ступеней:
Не станешъ больше ты въ лѣса гонять оленей.
Я больше отъ тебя не изогну коленей;
Но слова, дочка, я здержати не могу:
Услышу только лай, забудусь и бѣгу.

XV.

ЕсопЪ и БуянЪ.

БеспутноЙ человѢкЪ вЪ Есопа бросилЪ камень,
Хотя ему ЕсопЪ не здѢлалЪ ни чево:
БеспутстваЪ, младости и глупости то пламень.
БываетЪ и у насЪ буянство таково.
БуянЪ, старинный петиметерЪ;
Лишь только вЪ немЪ инова рода вѢтерЪ.
По модѢ куромша, ЗефирЪ,
И любитЪ онЪ спокойствіе и мирЪ.
Старинной куромша Борею всѣмЪ подобенЪ;
БурлитЪ, свиститЪ, и злобенЪ.
БлагоуханенЪ самЪ любовный вѢтерокЪ,
Благоуханной розы ищетЪ.
ДругоЙ, кЪ возлюбленной на срокЪ,
На иноходцѢ рыщетЪ,
И точно какЪ Борей оретЪ и свищетЪ.
МнѢ мнится не ПерсеЙ ли онЪ,
А путь великой вЪ маломЪ
На одноколкѢ тотЪ, и будто АполлонЪ,
Лишь только сЪ опахаломЪ.
НѢтЪ, ето купидонЪ,
Ко ПсихѢ ѣдетЪ онЪ.
А тотЪ летитЪ конечно не вЪ бесѢду,
ЛетитЪ избавить Андромеду.
А мой ПерсеЙ,
Безвиннова обидитЪ,
И глупости своей не видитЪ,
Приятности имѢя вЪ неЙ.
ЕсопЪ ему копѢйку давЪ: за трудЪ тебѢ заплата,
СказалЪ,
И указалЪ
Ему боярина на улицѢ богата,

И говориль: швыркни въ нево;
Онъ дастъ тебѣ побольше моево.

XVI.

Обѣщаніе.

Сулить и не держати слов.
Исторія не нова,
Кто едакъ посулитъ,
Тотъ суетной меня надеждой веселитъ:
Открытымъ образомъ, безстыдно, лицемѣритъ.
А на конецъ ему ни кто не вѣритъ.
И даже ни чево
На свѣтѣ нѣтъ ево.
Какой то человѣкъ во время бури въ морѣ,
Когда скончается не пагубой то горе,
На жертву посулилъ десятка два воловъ;
Но естьли жертва вся отъ сихъ лишъ только словъ;
Такъ можно посулить полсотни и слоновъ.
Отъ бури онъ избавленъ,
И жертвовать оставленъ;
Однако ни овцы на жертву не даетъ,
И прежней пѣсенки онъ больше не поетъ.
Морскія вѣтры усмирѣли,
И больше не ворчатъ,
А жертвенны воды гораздо разжирѣли,
Они же и мичатъ.
Конечно боги,
Противъ сево срамца, по правдѣ стали строги,
И объявить ему послали сонъ,
Что сыщетъ онъ,

Вотъ тамъ и тамъ, подъ нѣкою осиной,
Котора такова и такова то миной,
Червонцовъ милiонъ.
Найти награду,
Идетъ посульщикъ мой ко кладу.
Но что онъ тамъ нашелъ?
Къ разбойникамъ зашелъ.
Разбойники ево въ минуту изловили,
Ограбили и удавили.
Осина отъ того листочки шевелитъ,
Всегда въ качанiи листки ее бываютъ,
Хотя Зефиры почиваютъ.
Но что осина намъ велитъ,
И что она вѣщаетъ?
Безъ исполненiя бездѣльникъ обѣщаетъ.

XVII.

Орлиха, Веприха и Кошка.

Гнездо на деревѣ свила въ дуплѣ орлиха,
Въ низу гнездо имѣла тутъ веприха,
А посреди,
Гнездо имѣла кошка.
Гнездо напереди,
Да позади,
Да посреди;
Такъ стало три лукошка.
Птенцы въ лукошкахъ тѣхъ,
А у птенцовъ и матки тутъ у всѣхъ.
Не ѣла съ роду кошка,
Ни орлятъ,
Ни вепрятъ;
Такъ вышедъ изъ лукошка,

Орлихѣ говоритъ:
Не отлучайся ты; веприха поморитъ
Твоихъ орлятокъ.
А послѣ то жъ веприхѣ говоритъ:
Не отлучайся ты; орлиха поморитъ
Твоихъ вепрятокъ.
Присягою обѣимъ утвердивъ,
Что сей доносъ неложивъ.
Другъ друга устрашился,
Не выходили матки вонъ;
Но живота отъ голоду лишася,
Птенцовъ оставили безъ оборонъ,
А кошка,
Орляпъ,
Вепрятъ,
Достала два лукошка.
Читатель: памятуй, сударь,
Что пакостной смутникъ, негоднѣйшая тварь.

XVIII.

Молодой Сатиръ.

Иззябъ младой Сатиръ,
И мнитъ оставить миръ;
Не льзя съ морозомъ издѣваться.
Куда отъ стужи той дѣваться?
Дрожитъ,
Бѣжитъ,
И какъ безумной рыщетъ,
Согрѣться мѣста ищетъ,
Найти себѣ наслѣгъ,
И къ шалашу прибѣгъ.

Тутъ жилъ пастухъ; и сталъ пастухъ Сатира грѣп
Сталъ руки отдувать,
Сатиръ мой сталъ зѣвать:
Не мыслитъ больше умереть.
И вмѣсто что бы жизнь морозу въ жертву несть,
Себя погибшимъ числить,
О жизни сталъ онъ мыслить,
И захотѣлъ онъ ѣсть.
Когдабъ онъ ѣсть хотѣлъ по смерти, былобъ чудо,
А ето ничево.
Тотъ подчивалъ ево,
Далъ корму своево,
И каши положилъ Сатиру онъ на блюдо.
Что дѣлать? каша горяча,
И сжется какъ свѣча.
Пастухъ на блюдо дуетъ,
И кашу ложкою въ уста Сатиру суетъ.
Сказалъ Сатиръ мича:
Прошелъ мой голодъ;
Пора теперь домой
Прости хозяинъ мой.
Я смышлю, хоть и молодъ,
Что страшны тѣ уста, въ которыхъ жаръ и холод

XIX.

Раненой.

Есть люди, кои такъ себѣ самимъ
Необычайно лицемѣрятъ,
Что ясной истиннѣ не вѣрятъ,
Какъ ихъ ни увѣряй, и что ни скажешъ имъ,
И что еще чудняй ни чувствіямъ своимъ.

Не басню я скажу, исторію открою,
И притчу изъ нее сострою.
Когда Полтавска брань была,
И збили Шведовъ мы и съ мѣста и съ дороги
Судьбина воину нещастье навела:
Пробили тамъ изъ насъ кому то ноги.
Пришелъ, по брани той.
Къ нему знакомой въ гости,
И говоритъ ему: пріятель мой,
Я слышалъ, у тебя въ рукахъ пробиты кости.
Въ ногахъ отвѣтствовалъ больной.
Въ рукахъ, я знаю прямо,
И слышалъ тамъ и тамо.
Больной отвѣтствовалъ: мнѣ лутче можно знать,
И руку сталъ рукой въ увѣрку поминать.
Не вѣрится тому: я знаю прямо,
И слышалъ тамъ и тамо.
Тотъ руки оголилъ, и обѣ показалъ,
А тотъ ему сказалъ:
Во всемъ такъ войскѣ рѣчь, а я не лицемѣрю
И на прямки скажу, что я тебѣ не вѣрю.

XX.

Лисица и Терновной кустъ.

Стоялъ терновой кустъ.
Лиса машейничать обыкла,
И въ плутни вникла:
Науку воровства всю знаетъ наизустъ,
Какъ сынъ собачій,
Науку о крючкахъ,
А попросту безсовѣстной подьячій.
Лисицѣ ягоды прелестны на сучкахъ,

И дѣлаетъ она въ терновникъ лапой хватки,
Подобно какъ писецъ примается за взятки.
Терновной кустъ,
Какъ ягодой, такъ шильемъ густъ,
И колится; лиса ярится,
Что промыселъ ее безъ добычи варится.
Лисица говоритъ терновнику: злодѣй!
Всѣ лапы искололъ во злобѣ ты своей.
Терновникъ отвѣчалъ: бранись какъ ты изволишъ:
Не я тебя колю, сама себя ты колишъ.
Читатель! знаешъ ли къ чему мои слова?
Каковъ терновной кустъ, Сатира такова.

XXI.

Кобель и Сука.

У кобеля взяла, для нужды, сука ларь.
Просила такъ: пожалуй, государь,
Пусти меня въ нево, на время,
Поколь мое пройдетъ беремя,
А самъ ты выйди вонъ.
Не грубіянъ былъ онъ:
Она брюхата;
Къ ее услугамъ хата.
Почтенье къ дамамъ онъ имѣлъ,
И какъ на свѣтѣ жить, онъ ето разумѣлъ.
Благополучно тутъ на свѣтъ пошли щенятки,
И ползуютъ рабятки;
Пора квартеру покидать;
Да проситъ и она, и сыновья, и дочки,
У кобеля, отсрочки;
Учтивый кавалеръ отсрочку долженъ дать.

Еще, еще, и такъ давно прошло беремя;
Споялицѣ съѣзжать давно съ квартеры время.
Вздурили на конецъ отсрочкою ево.
Ступайте, говоритъ, изъ дома моево.
А сука ужъ не такъ хозяина встрѣчаетъ,
И на прямки ему, не выйду, отвѣчаетъ:
Поди ты прочь,
А мнѣ отсрочь,
И помни, позабывъ пустыя враки,
Что стали ужъ мои щенки теперь собаки.

XXII.

Левъ и Оселъ.

Тщеславный, хвастуя, устами устрашаетъ,
И серце только тѣмъ въ удачѣ утѣшаетъ:
Герой себя дѣлами украшаетъ,
Побѣдой возвышаетъ.
Левъ нѣкогда звѣрей хотѣлъ пужать,
Принудить ихъ дрожать,
И изъ лѣсу бѣжать,
Чтобъ было ихъ найти удобно,
И приказалъ ослу кричати злобно.
Трусливъ оселъ, когда дерется илъ молчитъ,
И очень яростенъ, когда кричитъ:
Тогда онъ храбростью подобенъ Ахиллесу.
Надулся мой оселъ и сталъ оселъ мой гордъ,
Кричитъ какъ чортъ,
И крикомъ гонитъ вонъ звѣрей оселъ изъ лѣсу.
Такова не было тамъ страха никогда.
Львовъ кончился обѣдъ. Или мой крикъ напрасенъ,
Льву вапязь говорилъ? довольно ль я ужасенъ?

Мнѣ мнится то что я и льву опасенъ.
А левъ отвѣтствовалъ ему на ето: да:
Клянусь тебѣ дружокъ я такъ колико честенъ,
Что естьли бъ не былъ ты толико мнѣ извѣстенъ;
Страшился бы Самсонъ и я тебя тогда.

XXIII.

Два Крадуна.

Два были молодца, и оба крадуны.
Они ища себѣ припаса,
У повара полтиврили часть мяса:
А повара не каллуны;
Который виноватъ дѣтина, знать не можно.
Они подьячеспимъ божились образцомъ,
И запирался етолли крѣпко въ томъ,
Что ето ложно.
Свидѣтель Богъ тому что мяса я не кралъ,
Одинъ божился такъ, и присягнулъ я смѣю.
Свидѣтель Богъ тому, я мяса не имѣю,
Другой божился такъ. Одинъ то мясо кралъ,
Другой покражу бралъ;
Однако насъ признаться совѣсть нудитъ,
Что Богъ не по крючкамъ насъ судитъ.
Крючками какъ ни говорить,
Не можно клятвы разорить;
Божба не въ словѣ,
Въ какой бы ни была обновѣ:
И кто клянется такъ,
Не можетъ совѣстнымъ назватьея онъ никакъ.

XXIV.

Волки и Овцы.

Не вѣрь безчестнаго ты миру никогда,
И чти врагомъ себѣ злодѣя завсегда.
Съ волками много лѣтъ въ побранкѣ овцы жили:
Съ волками, наконецъ,
Установленъ миръ вѣчный у овецъ.
А овцы имъ собакъ закладомъ положили.
Одной овцѣ волкъ братъ, той дядя, той отецъ;
Владычествуетъ вѣкъ у нихъ Астреи въ полѣ,
И сторожи овцамъ не надобны ужъ болѣ.
Перемѣнился нравъ и волчье естество.
А волки давъ овцамъ отраду,
Текутъ ко стаду,
На мирно торжество.
Не будетъ отъ волковъ овцамъ худыхъ судьбинокъ,
Хотя собакъ у стада нѣтъ;
Однако Римляня, Сабинокъ,
Уносятъ на подклѣтъ.
Грабительски серца наполнилися жолчью;
Овечье стадо все пошло въ поварню волчью.

XXV.

Голова и члѣны.

Члѣнъ члѣну въ обществѣ помога,
А общій трудъ ко щастію дорога.
Послушайте, какой былъ нѣкогда совѣтъ!
Сказала голова желудку: ты, мой свѣтъ,

Изрядно работаешъ:
Мы мучимся, а ты глотаешъ.
Что мы ни накопимъ; стремишся ты прибрать,
И наши добычи стараешся сожрать.
Какой бояринъ ты, чтобъ мы тебѣ служили?
Всѣ члѣны, весь совѣтъ желудку извѣщалъ:
Мы твердо положили,
Что бъ, такъ какъ ты живешъ, и мы покойно жили.
Но что послѣдуетъ? желудокъ истощалъ,
И въ гробъ пошелъ: а при ево особѣ,
Увянувъ купно съ нимъ подобно какъ трава,
Всѣ члѣны, и сама безмозгла голова,
Покоятся во гробѣ.

XXVI.

Рыбакъ и Рыбка.

Попалось рыбаку, на рыбной ловлѣ, въ руки,
Изъ нѣвода полщуки;
Однако рыбы часть не такова;
У ешова куска и хвостъ и голова;
Такъ ето штучка,
А именно была не щука то, да щучка.
Была гораздо молода;
Однако въ нѣвода
Заходитъ и щенокъ, да только лишъ не сучей,
Но жителей воды, а здѣсь попался щучей.
Рыбакъ былъ простъ, или сказать ясняй, рыбакъ
Былъ нѣкакой дуракъ.
Щучонка бросилъ въ воду,
И говорилъ онъ такъ:
Къ предбудущему году,

Рости и вырости, а я тебѣ явлю,
Что я прямой рыбакъ, и щукъ большихъ ловлю.
А я скажу: большая въ небѣ птица,
Похуже нежели въ рукѣ синица.

XXVII.

Мужикъ и Блоха.

Мы часто ето примѣчаемъ,
Что дерзко божеству скучаемъ,
Судьбу винимъ,
И мнимъ
Искати полнаго блаженства,
Среди несовершенства,
Какъ будто слабому удобно естеству,
Быть равнымъ божеству.
Тѣмъ, кое существо и временно и тлѣнно,
Блаженство полное не можетъ быти плѣнно,
Хотя существовать намъ Богъ опредѣлилъ,
И много своего намъ щастья удѣлилъ.
Кричитъ мужикъ, къ Олимпу, велегласно,
И преужасно,
Какъ будто свѣтъ
Падетъ.
О чемъ, на высоту, ужасный гласъ бросаетъ?
Блоха ево кусаетъ.
Кричалъ, изъ кожи лѣзъ:
О сильный Геркулесъ!
Довольно ты себя прославилъ:
Но, ахъ! почто сію злу Гидру ты оставилъ?
Мужикъ, не лутче ли молчать,
А не кричать,
И въ едакой бѣдѣ Олимпу не скучать?

XXVIII.

Заяцъ.

Толкнулъ какой то льва рогами звѣрь:
За то скотинѣ всей рогатой,
Нещастіе тепѣрь,
И ссылка платой.
ВЪ приказъ
Пришелъ о томъ указъ.
Готовъ осмотрѣ, и высылка готова.
Ступай, не говори ни слова,
И понесите вонъ отсель тѣла,
Рога и души.
Великой зайцу страхъ та ссылка навела;
Рогами мнитъ почтутъ въ приказѣ зайчьи уши.
До зайца тотъ указъ ни въ чемъ не надлежитъ;
Однако онъ какъ тѣ подобно прочь бѣжитъ.
Страхъ зайца побѣждаетъ:
А заяцъ разсуждаетъ:
Подьячій лютъ,
Подьячій плутъ:
Подьяческія души,
Легко пожалуютъ, въ рога большія уши:
А ежели судьи и судъ
Меня оправятъ;
Такъ, справки, выписки одни меня задавятъ.

XXIX.

Рѣка и Лужа.

Въ какой то нѣкогда странѣ,
Пресильная востала буря:
Отъ вѣтра, отъ дождя проѣзжій очи щуря,
И отъ воровъ бѣжа, пріѣхалъ на конѣ,
Къ великой лужѣ,
И думаетъ, рѣка сто кратъ та моря хуже.
Такой былъ шумъ:
У всадника смутился умъ;
Передолбомъ рѣка, а за спиною воры;
Потребны мысли скоры,
И самы кратки зборы,
Рѣку переплывать,
Когда не хочетъ онъ въ послѣдніе зѣвать.
Не плылъ ни конь, ни онъ, и ѣхалъ онъ исправно,
Рѣка
Не глубока,
И родилась недавно.
Настала тишина опять,
А воры отъ нево не отстаютъ на пядь.
Къ прямой пріѣхалъ онъ рѣкѣ и ко глубокой;
Но бури нѣтъ жестокой,
И никакой; вода тиха;
Проѣзжій говоритъ: ты рѣчка не лиха;
Безъ трепета въ тебя я, рѣченька, бросаюсь,
И безъ препятствія спасаюсь:
Что ты, что чистой лугъ, мнѣ ето все одно;
Но всадникъ мой пошелъ и съ лошадью на дно.
Отъ тихости ни кто злодѣйскія не труситъ:
Которой лаетъ песъ, не скоро тотъ укуситъ.

XXX.

Ворона и Лисица.

Ворона сыромъ овладѣла,
Ворона добычью воронья ремесла,
Кусочикъ сыру унесла,
И на дубу сидѣла,
Во рту ево державъ,
Ни крошички еще ево не пожлевавъ.
Лисица скалитъ зубы,
И разѣваетъ губы,
Со умиленіемъ взираючи на сыръ,
И говоритъ: весь миръ
Тебя ворона хвалитъ:
Я чаю что тебя не много то печалитъ:
И подлинно то такъ;
Являетъ то твой зракъ.
Прекрасная ты птица
Я прямо говорю, какъ добрая лисица:
Какія ноженьки! какой носокъ!
Какія перушки! да ты жъ еще пѣвица:
Мнѣ сказано, ты пѣть велика масперица.
Раскрыла дура ротъ, упалъ кусокъ.
Лисица говоритъ: прости сестрица,
И помни, матка, то, каковъ у лѣсти сокъ.

XXXI.

Есопъ и Кощунъ.

Есоповъ господинъ гостей когда то ждалъ
На ужину къ себѣ: приказъ Есопу далъ,

Чтобъ было кушанье поранѣе готово,
И столъ великъ.
Есопъ обыкъ
Внимать и исполнять господско слово,
И отвѣчалъ ему: исполню, государь:
И взявъ фонарь,
Бѣжалъ, сыскать огня, колико стало мочи,
Не дожидаясь ночи.
Свѣчу зажегъ,
Обратно бѣгъ:
Кощунъ ему попался,
И въ смѣхѣ утопался,
Какъ рыба въ немъ купался,
И говорилъ: ослу ты знать родня:
Куда съ свѣчей бѣжишъ средь бѣлова, ты, дня.
На дерзку отвѣчалъ Есопъ ту рѣчь упрека:
Бѣгу сыскати человѣка.
А я отвѣтствую! кощунъ, не путай вракъ,
Коль дѣла ты не знаешъ.
На что съ упреками о томъ напоминаешъ?
Есопъ уменъ, а ты дуракъ.

XXXII.

Львица и Лисица.

Хотя бъ трудился весь ты вѣкъ,
Не знавъ отдыха ни предѣла,
Большой не будешъ человѣкъ,
Безъ важнаго ты дѣла.
Не величайтеся трудами никогда;
Но славою труда.

Втвердила спесь лисицѣ:
Сказати львицѣ,
Превозношу себя:
Полутче я тебя,
Рождаешъ по левенку
Ты, въ цѣлый годъ,
А я не по лисенку;
Мой лутче плодъ.
А львица отвѣчала:
Ты бъ лутче помолчала,
Не тратя словъ:
Раждаю менше я, да я рождаю львовъ.

XXXIII.

Протоколъ.

Укралъ подьячій протоколъ:
А я не лицемѣрю,
Что етому не вѣрю.
Впадетъ ли въ таковой расколъ,
Душа, такова человѣка!
Подьячія тово не дѣлали въ вѣкъ вѣка.
И можетъ ли когда имѣть подьячій страсть:
Чтобъ сталъ онъ красть!
Нѣтъ я не лицемѣрю,
Что етому не вѣрю;
Подьяческа душа,
Гораздо хороша.
Да правда говоритъ гораздо краснорѣчно:
Увѣрила меня что было то конечно:
У правды мало вракъ;
Не спорю было такъ.

Судья тово приказа,
Былъ доброй человѣкъ;
Да лишъ во весь онъ вѣкъ,
Не выучилъ ни одново указа.
Однако осудилъ за протоколъ,
Подьячева на колъ.
Хоть ето строго,
Да не гораздо много.
Мнѣ жалко только то: подьячій мой,
Оттоль, не принесетъ полушички домой.
Подьячій, нѣсколько, въ лицѣ перемѣнялся,
И извинялся,
На милосердіе судью маня,
И говорилъ: попуталъ чортъ меня.
Судья на то: такъ онъ теперь и оправдался.
Я право етова, мой другъ, не дожидался.
За протоколъ,
Ево поймать, и посадить на колъ.
Однако ты судья, хоть городъ весь изрыщешъ,
Не скоро чорта сыщешъ;
Пожалуй справокъ ты не умножай,
Да етова на колъ сажай.

XXXIV.

Судъ.

Жилъ, былъ судья мартышка,
И слѣдственно имѣлъ мартышкинъ и умишка.
Судья дай толкъ,
Сказалъ такъ волкъ,
Лисица заорала,
Украла,

Овцы кусокъ,
Безъ сожалѣнья,
Изъ волкова имѣнья;
Такъ дай ей сокъ.
Лисица не молчала,
И отвѣчала:
Клянусь тебѣ судья,
Что отъ роду нигдѣ не крала мяса я.
Прогнѣвалася вся судейская утроба:
Кричитъ судья: вы лжете оба,
Лишъ тѣмъ утруждена судейская особа:
Я съ вами болѣе не говорю:
Подите къ моему секретарю:
Въ землянкѣ онъ живетъ во срубѣ,
Берлугу онъ пасетъ,
И лапу въ ней сосетъ,
И лѣтомъ, и зимой, въ медвѣжей ходитъ шубѣ.

XXXV.

Бочка.

Въ гостяхъ я нѣкогда сидѣлъ одинъ,
Лишъ дома былъ тово со мною господинъ:
Тутъ не было ни дамъ, и ни людей ученыхъ;
Такъ стали говорить о яблокахъ моченыхъ.
Хозяинъ спрашивалъ хочу ли ихъ я ѣсть:
Пожалуй я сказалъ, а онъ велѣлъ принесть.
Полсотни принесли на блюдѣ превеликомъ:
Хозяинъ удержалъ дурачество то крикомъ:
Журилъ,
И говорилъ:

НамЪ надобна гора, а вы несете кочку;
ВонЪ, вонЪ, и лутче всю сюда внесите бочку.
СталЪ шумЪ,
Мы слышимЪ то, да мы заговорились:
ВдругЪ двери наснѣжь растворились:
Пришло мнѣ въ умЪ,
НейдетЪ ли въ обручахЪ, иль жонка чья, иль дочка.
Конечно въ обручахЪ, да только бочка.

XXXVI.

Свѣча.

ВЪ великомЪ польза, польза въ маломЪ,
И все потребно что ни есть;
Но разна польза, разна честь:
СолдатЪ не можешЪ ты равняться съ генераломЪ.
Свѣча имѣла разговорЪ,
Иль паче спорЪ:
СЪ кѣмЪ? съ солнцемЪ: что она толикожЪ бѣлокура,
И столько жЪ горяча.
О дерзская свѣча!
Великая ты дура,
И солнцу говоришЪ: свѣтло ты въ день,
А я свѣтла въ ночную тѣнь.
Гораздо меняе въ тебѣ безумка жиру,
И меняе въ тебѣ гораздо красоты;
Избушкѣ свѣтишЪ ты,
А солнце свѣтитЪ миру.

XXXVII.

Кисельникъ.

Гороховой кисель мужикъ носилъ,
И конопляно масло:
Кисель носить ево желаніе погасло;
Такъ ето ремесло кисельникъ подкосилъ;
Маленекъ отъ нево доходъ; ему потребно
Другое, и другимъ онъ началъ торговать,
А именно: онъ началъ воровать:
Такое ремесло гораздо хлѣбно.
Замаранная масломъ тварь,
Зашла въ олтарь.
Неповинуяся ни Богу ни закону,
Укралъ изъ олтаря кисельникъ мой Икону,
И другу своему онъ ето говорилъ:
А тотъ ево журилъ:
Кафтана твоево не можетъ быти гаже;
Ты весь отъ масла будто въ сажѣ;
Пристойно ль въ олтарѣ въ такой одеждѣ красть?
Не менше я тебя имѣю ету страсть,
И платьице почище я имѣю,
Да я изъ Олтаря украсть не смѣю.
Кисельникъ отвѣчалъ: не знаешъ ты Творца,
Отъемля у меня на Вышняго надежду:
Не смотритъ Богъ на чистую одежду;
Взираетъ онъ на чистыя серца.

XXXVIII.

Мостъ.

Трудненько торговать,
Полегче воровать.

Мужикъ казенной мостъ на откупъ канъ то вытеръ:
Прохожимъ трудности на несъ онъ состо пудъ:
А сверьхъ того всегда казенной мостъ былъ худъ.
Къ рѣкѣ пришелъ соколъ, да щука, да Юпитеръ:
Испорченъ мостъ,
И только голова осталася да хвостъ;
Не льзя черезъ рѣку перебираться:
Досадно, а не льзя съ купцомъ богатымъ драться:
А етотъ ябѣдникъ, по Русски ето, плутъ,
И позабылъ со всѣмъ давноременной жгутъ,
По Русски кнутъ.
Соколъ на воздухъ, щука въ воду,
И стали на другомъ прохожи берегу.
Юпитеръ не такова роду,
И мыслитъ: я летать и плавать не могу:
Стоитъ задумавшись: посадской примѣчаетъ,
Что мысли у нево гораздо глубоки,
Поглубже и рѣки:
Иль инако сказать, гораздо далѣки,
Подалѣ берега другова той рѣки:
А по Юпитерски, толико высоки,
Колико до небесъ отъ моста и рѣки.
О чемъ ты думаешъ? Юпитеръ отвѣчаетъ
Откупщику: я думаю о томъ,
Что мнѣ на васъ давно пора бросати громъ.

XXXIX.

Воля и Неволя.

Сказалъ песъ волку: волкъ,
Конечно у тебя несвѣжъ гораздо толкъ;
Ты только рыщешъ,
И корму ищешъ:

А я о кормѣ не тужу;
Служи какъ я служу;
Мнѣ жаль тебя толико видя нища.
Не едакая мнѣ дается пища,
Какая у тебя.
Я взавтрѣ буду у себя;
Приди ко мнѣ откушать.
Приятно въ голодѣ такія рѣчи слушать.
Пришелъ, и видитъ онъ собаку на крѣпи:
Во ожерельи песъ, однако на цѣпи.
Оборотясь мой волкъ уходитъ осторожно.
Обѣдъ былъ тотъ вотщѣ.
Бѣжитъ оттолѣ волкъ, бѣжитъ колико можно,
И прежней пищею питается еще.

XL.

Противуестественникъ.

Былъ нѣкой человѣкъ:
Такова не было враля подъ небесами,
И чудесами
Наполнилъ вѣкъ.
Являлися ему гораздо часто черти.
Противъестественникъ, какъ мы, подверженъ смерти.
О лютая печаль!
Скончался враль:
Ходилъ купаться,
Воды излишно почерпнулъ,
Хлѣбнулъ,
Сталъ пьянъ, заснулъ,
Не могъ проспаться.

То свѣдала жена,
И въ верьхъ рѣки за мужемъ рыщетъ,
Повыше гдѣ тонулъ, утопша мужа ищетъ,
И говоритъ она:
Противу естества, ему казались черти;
Рѣка его несетъ конечно въ верьхъ по смерти.

XLI.

Бубны.

Услышанъ барабанный бой жестокой,
Въ близи, и на горѣ высокой:
Война была въ низу, стоялъ тутъ ратный станъ:
Тронулся и въ долу подобно барабанъ.
Къ ружью къ ружью, кричатъ, блюдя команду строгу,
И бьютъ вездѣ тревогу.
Но все сраженье то безъ крови обошлось:
Нашлось,
Въ верьху рабята были,
И въ бубны били.
Смотря изъ далѣка, не правь и не вини,
И скоръ не будь въ отвѣтѣ:
Знай вещи инаки въ дали очамъ на свѣтѣ,
Какъ подлинны они.

XLII.

Хромая Лошадь и Волкъ.

Храмова волкъ коня увидѣлъ: вотъ, мой свѣтъ,
Себѣ сказалъ, тебѣ обѣдъ:

Скажися ты ему, что докторъ ты и лѣкарь,
И сверьхъ того еще аптекарь.
Сказался такъ, и мнитъ лѣчить коня.
А конь ему сказалъ: не трогай ты меня;
Я конь гораздо грубой:
И въ зубы далъ ему щелчокъ:
Еще примолвивъ то: прости волчокъ
Беззубой,
То зная каковы кони,
И помни что лѣчить умѣютъ и они.

XLIII.

Лисица и Кошка.

Сказала кошкѣ такъ лисица:
Скажи ты мнѣ сестрица,
Ты кормишься мышами, въ домѣ здѣсь,
Вѣкъ весь,
А за ето тебя раби, рабыни, хвалятъ,
И никогда не опечалятъ,
А я мой другъ,
Не знаю чемъ прогнѣвала я слугъ,
И похвалой себѣ ужъ больше не ласкаю,
Что дуръ,
Я куръ
Таскаю,
Какъ я сюда приду, встаетъ великой шумъ.
О чемъ шумятъ, не вображу я въ умъ:
Бѣгутъ ко мнѣ для драки,
И люди, и собаки.

XLIV.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Кто Притчи презираетъ,
И пользы въ нихъ не зритъ,
И ни чево себѣ изъ нихъ не избираетъ,
О людяхъ таковыхъ Федръ ето говоритъ:
Пѣтухъ нашелъ зерно жемчужно:
Оно ему не нужно;
Куда ево дѣвать?
На шею онъ ево не хочетъ надѣвать.
Невѣжѣ Федръ ума не умножаетъ.
Невѣжа умъ, пѣтухъ жемчугъ уничтожаетъ.

XLV.

Лисица и Орехъ.

Сія вамъ Притча то друзья напоминаетъ,
Глупецъ ученія печется убѣгать,
И то пренебрегать,
Чево онъ самъ не знаетъ,
И тѣ дѣла дерзаетъ поносить.
Которыхъ онъ не можетъ раскусить,
И все то кажется ему бездѣлка.
Орехъ беззубая находитъ бѣлка,
И въ ротъ:
Помучилась, не раскусила,
И выплюнувъ, орехи поносила:
Какой негодной плодъ!

XLVI.

Верблюдъ.

Когда безумца чтутъ;
Не умъ причиною, другое нѣчто чтутъ.
Верблюдъ гордиться сталъ; верблюда звали въ гости,
Въ господской домъ.
Отъ гордости крикъ, шумъ, содомъ,
И заплясали всѣ въ верблюдѣ кости.
Идетъ
Въ обѣдъ:
И мысли у верблюда
Поѣсть ему съ серебренова блюда.
Онъ только то себѣ старался вобразить;
Однако стали тамъ навозъ на немъ возить.

XLVII.

Свинья и Волкъ.

Свинья въ родахъ; и у свиней
Рождаются рабятка.
А по свиному поросятка.
Лежатъ они при ней,
И молоко сосутъ у матери свинятка.
Пришелъ къ ней волкъ,
Безъ гнѣва,
И въ двери хлева
Толкъ:
И говоритъ родильницѣ какъ другу:
Какую мнѣ велишъ явить себѣ услугу?

А я служить готовъ, моя въ чемъ только мочь.
Свинья отвѣтствуетъ сама ему какъ другу:
Коль хочешъ мнѣ явить услугу,
Поди отселѣ прочь.

XLVIII.

Левъ притворившійся больнымъ.

Левъ болѣнъ,
А въ истиннѣ не болѣнъ онъ,
И былъ доволенъ,
Что здѣланъ имъ законъ,
Ийти къ нему на посѣщенье,
Всѣ звѣри, восприять послѣднее прощенье.
Лисица не пришла къ нему;
Причиною тому,
Что множество звѣрей къ нему въ лѣсъ темный входитъ,
И ни одна душа оттолѣ не выбродитъ.

XLIX.

Лисица и Курятникъ.

Въ курятникъ тощая лисица въ щель пролезла;
Куръ тма изчезла;
Куръ бьетъ,
Куръ ѣстъ, и кровь курячью пьетъ.
Покушавъ, вонъ лисица поспѣшаетъ;
Да брюхо вылезть ей мѣшаетъ.

Каковъ лиса обѣдъ?
Попалась лиса въ охабку,
Хозяину на шабку.

L.

Крокодилъ и Собака.

На той рѣкѣ, слыветъ котора Нилъ,
Пила собака, пилъ
И крокодилъ:
А пивъ собакѣ говорилъ,
Сердечушко мое, подвинься къ крокодилу.
Она отвѣтствуетъ ему:
Сердечушко мое, противно то уму,
Чтобъ я охотою пошла въ могилу.

LI.

Олень и Овца.

Въ займы просилъ олень себѣ сѣнца:
Пожалуй, говоритъ, сударыня овца,
Ссуди меня, и дай мнѣ сѣна два три пука,
А я отдамъ тебѣ, въ томъ волкъ тебѣ порука:
Отдамъ тебѣ на срокъ.
Она отвѣтствуетъ: такой урокъ,
Не для овцы; у волка зубы строги,
А у тебя гораздо резвы ноги.

LII.

Судно въ морѣ.

Погибнетъ судно въ морѣ,
И вскорѣ
Оно,
Въ послѣдній разъ застонетъ,
Пойдетъ на дно,
Потонетъ.
Тутъ нѣкто на кормѣ у кормщика спросилъ:
Корма иль носъ потонетъ прежде.
Отвѣтъ ему: въ кормѣ осталось болѣ силъ.
А тотъ сказалъ на то: я смерти жду въ надеждѣ,
Хоть жизни не спасу;
Мой врагъ на кораблѣ въ носу.

LIII.

Старикъ и Оселъ.

Старикъ осла когда то пасъ:
Въ тотъ часъ
Услышалъ шумъ; была война въ близи; гадатель
Легко узналъ, подходитъ непріятель.
Старикъ мой сѣлъ,
Не мѣдля, на осла: ступай оселъ;
Оселъ непремѣняетъ
Походки, и тогда.
Старикъ ослу пенлетъ,
И палкою осла нещадно погоняетъ.
Рабѣетъ и кричитъ: бѣги; пришла бѣда.

Оселъ отвѣтствуетъ: какой бѣжать напасти?
Начто потребно мнѣ бѣжать?
Во чьей ни буду власти,
Бременъ моихъ ни кто не можетъ умножать.

LIV.

Собаки и Костъ.

Въ дѣлахъ безумныя напрасно ждутъ успѣха;
Намѣренія ихъ достойны только смѣха.
Псы видѣли, въ рѣкѣ большая костъ лежитъ:
Взять легче костъ, рѣку мнятъ выпить надлежитъ,
Рѣку хлебаютъ,
Водою пучатся, распучась погибаютъ.

LV.

Воробѣй.

Смѣялся воробѣй,
Въ когтяхъ орла онъ зайца видя:
Бѣжать умѣй,
Ты смерти ненавидя.
А ястребъ ту насмѣшку прекратилъ:
Насмѣшника подобно ухватилъ.

LVII.

СтрѢлокъ и ЗмѢя.

Глазами голубя стрѣлокъ осѣтилъ,
И только изъ ружья въ нево намѣтилъ,
Змѣя въ травѣ бѣду клубя,
Въ нево пустила жало.
Змѣя тебѣ, при томъ, сказати надлежало:
Другова незамай храни себя.

LVII.

КротЪ.

Земля разверзла ротъ:
Изъ норки выползъ кротъ.
Читатель,
Когда ты славныхъ дѣлъ быть хочешъ почитатель;
Изъ устъ моихъ крота исторію внемли!
Кротъ выползъ изъ земли,
Изъ темной вышелъ ночи,
Слепыя вынесъ очи,
Поползалъ онъ, и въ норку влезъ.
Кротъ былъ не зорокъ,
Ни солнца, ни луны не видѣлъ, ни небесъ.
Невѣжи выползли конечно всѣ изъ норокъ.

LVIII.

ДѢвка.

Вдругъ дѣвка на рѣкѣ мывъ платье зарыдала,
И въ тяжкой горести объ етомъ разсуждала:

Какъ замужемъ родитъ, иль сына, или дочь,
А что носила во утробѣ,
Увидитъ то во гробѣ.
Вообрази себѣ ты дѣвка перву ночь!
Повеселяе дѣвка стала,
И вдругъ захахотала.
Не плачь, не хахочи, дружечикъ мой;
Да платье мой!

LIX.

Левъ и Клопъ.

Клопъ дерзкой льва кусалъ,
И вмѣсто яда, вонь на льва бросалъ.
Поиманъ клопъ: трепещетъ онъ отъ страха,
И думаетъ: не будетъ больше праха,
На свѣтѣ, моево;
Однако левъ не раздавилъ ево,
Сказавъ ему! клопы мной вѣчно не попрутся:
Ты вѣдай то, что львы съ клопами не дерутся.

LX.

Оселъ дерзновенный.

Здорово братъ, сказалъ оселъ, когда то, льву.
Левъ думаетъ: я такъ тебя не назову:
И мнитъ: никакъ оселъ рѣхнулся.
Однако левъ
Не вшелъ во гнѣвъ,

Лишъ только усмѣхнулся,
И думалъ: естьли бъ ты поблагородняй былъ;
Такъ ты бы ету рѣчь конечно позабылъ,
И съ нею бы ты, въ вѣкъ, ко мнѣ не припехнулся,
То вѣдая тогда,
Что братомъ левъ ослу не будетъ никогда.

LXI.

Хвала и Хула.

Указовъ истинны когда молва не въ силу;
Пустой лишъ только звукъ, и громкая хвала,
И громкая хула.
Не знаю кто сказалъ, какому то зоилу:
Меня ты хулишъ другъ возлюбленный всегда,
А я тебя хвалю всегда;
Однако намъ ни кто не вѣритъ никогда.

LXII.

Угольщикъ.

Когда худа родня, такія же сосѣды,
Такія же друзья, такія же бесѣды;
И чистыя серца чернятся иногда.
Не сообщайтеся съ плутами никогда!
Гдѣ угольщикъ живетъ, тамъ черныя собаки,
И бѣлыя, въ дому, всѣ цвѣтомъ одинаки.

LXIII.

Ученой и БогачЪ.

Разбило судно;
Спасаться трудно;
Жестокой вѣтрЪ, жесточе какЪ палачЪ;
Спаслись однако тутЪ, ученой и богачЪ.
Ученой разжился, богатой въ горѣ.
Наука въ головѣ, богатство въ морѣ.

LXIV.

МеналькЪ и ПалемонЪ.

МеналькЪ и ПалемонЪ пасли стада въ долинѣ,
Не зная что любовь;
Не загорѣлась ихЪ еще сей страстью кровь,
И думали они лишЪ только о скотинѣ.
Исмена близко тутЪ своихЪ овецЪ пасла,
И въ сѣть любовную Меналька занесла.
ГоритЪ, печалится, горитЪ МеналькЪ и страждетЪ:
Не столько, въ жаркій день скотина пити жаждетЪ,
КакЪ страстью жаждетЪ онЪ.
Уже ево овецЪ лелеитЪ ПалемонЪ;
МеналькЪ о стадѣ не печется;
По всякой часЪ къ Исменѣ мчется
БылЪ долженЪ узы онЪ молчанья разорвать,
Любовь открыть, и что любовь истолковать.
Колико говоритЪ любовна страсть приятна,
Когда серца къ утѣхѣ распалитЪ,
Толико горестна, когда она развратна:
Меня ни что не веселитЪ:

Страдаю при тебѣ, терзаюся заочно:
А естьли взглянешъ ты, когда,
Приятно на меня, хотя и ненарочно,
Отъ радости, тогда,
Я внѣ себя бываю,
И все на свѣтѣ забываю;
Но вдругъ пускаю стонъ,
Что то пустой былъ сонъ.
И только гдѣ твои ступали ноги,
Мнѣ милы тѣ драгая и дороги.
Ты мнѣ
Всеночно видишся во снѣ.
Я часто мыслію тебя милую,
И сладостно горю,
Съ тобою говорю,
Тебя цѣлую.
Молчи коль то любовь; во злую
Вошла уже я страсть.
О лютая напасть!
Я чувствую страсть ону.
Меналькъ! я ето все имѣю къ Палемону.
Сей учитъ, насъ,
Разказъ,
Чтобъ мы поменше врали,
И не наладивъ струнъ на скрыбкѣ не играли.

LXV.

Угадчикъ.

Отъ лютаго судьи не можно зберечись,
И тщетно бѣдному о томъ печись;

Не будетъ никогда конецъ ему успѣшенъ.
Страшняе дьявола неправедной судья,
Покамѣсть не повѣшенъ.
Объ етомъ басенка моя.
Такое было дѣло:
Угадчикъ осужденъ,
Открыть угадку зрѣло,
А ежели не такъ, умрети принужденъ.
Угадчикъ передъ судъ пришелъ, безъ страха, смѣло,
И думаетъ: за то мнѣ смерти не видать;
О чемъ помышлю я, удобно отгадать.
Судья послѣдуя злодѣйскому уставу,
Имѣвъ людей казнить великую забаву,
Взялъ ласточку въ кулакъ, и вотъ ево слова:
Скажи мнѣ, ласточка мертва, или жива:
А думаетъ онъ такъ, когда тотъ мертва скажетъ;
Такъ живу онъ ее угадчику покажетъ:
А ежели, живой, угадчикъ объявитъ;
Такъ онъ ее въ рукѣ сожметъ и умертвитъ.
Угадчикъ отвѣчалъ: жива ль она, иль мертва,
Ты лютый человѣкъ, а я злой смерти жертва.

LXVI.

Ослова кожа.

Былъ оселъ, и всякой день
Отъ хозяевъ былъ онъ битъ, часто погоняли,
Подъ бременемъ за лѣнь,
Всякой часъ они ему палкою пѣняли.
Умеръ сей нещастный звѣрь,
Окончалъ онъ бѣдну жизнь и труды несносны:
Успокоился теперь;
Но хозяева ему и по смерти злосны,

И не помня прежнихъ ранъ,
Какъ бивали по спинѣ, въ голову и въ рожу,
Продали на барабанъ,
Доброва работника, за работу кожу.
Пересѣкся вѣкъ вотщѣ,
Чтобъ избавиться ослу, палокъ и убоя:
И по смерти бьютъ еще,
Часто палками ево, посреди покоя.
Отлучася суеты,
Естьли бъ чувствовалъ ты боль; въ злой бы въ вѣкъ
былъ долѣ;
Преблагополученъ ты,
Что не чувствуешъ оселъ ты побоевъ болѣ.
Всѣхъ минется тварей вѣкъ:
Что родится, то животъ смертью заключаетъ;
Будь доволенъ человѣкъ,
Что твои конечно смерть суеты скончаетъ.

LXVII.

Стреказа.

Въ зимнѣ время, подаянья
Проситъ жалко стреказа,
И заплаканны глаза,
Тяжкова ея страданья,
Представляютъ видъ.
Муравейникъ посѣщаетъ,
Люту горесть извѣщаетъ,
Говоритъ:
Стражду;
Сжалься, сжалься муравѣй,
Ты надъ бѣдностью моей,
Утоли мой алчъ и жажду!

Разны муки я терплю:
ГолодЪ,
ХолодЪ
День таскаюсь, ночь не сплю.
ВЪ чемЪ трудилася ты вЪ лѣто?
Я скажу тебѣ и сто:
Я вспѣвала день и ночь.
Коль такое ваше племя;
ТакЪ лети отсель ты прочь;
Поплясати время.

LXVIII.

Мореплаватели.

Встала буря, вѣтры дуютЪ,
Тучи помрачили свѣтЪ,
Воды, разьярясь, волнуютЪ,
Море плещетЪ и реветЪ.

*

КорабельщикиЪ стонаютЪ,
И вЪ отчаяньи кричатЪ:
Что зачать они не знаютЪ:
Мачты ломяться, трещатЪ.

*

ВарутЪ настала перемѣна,
Возвратилась тишина,
Скрылася сѣдая пѣна:
Усмирѣла глубина.

*

Зря желанія успѣхи,
Страхъ и горесть погубя,
Мореплавцы средь упѣхи,
Отъ веселья внѣ себя.

*

Научимся симъ ненастьемъ,
Внѣ себя не быть когда;
Въ жизни щастье со нещастьемъ
Премѣняется всегда.

Конецъ II. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ПРИТЧИ

КНИГА ТРЕТІЯ.

I.

Сатиръ и гнусныя Люди.

Сквозь темную предъ окомъ тучу,
Взгляни читатель ты
На свѣтски суеты!
Увидишъ общаго дурачества ты кучу;
Однако, для ради спокойства своево,
Пожалуй, никогда, не шевели ево;
Основанна сія надъ страшнымъ куча адомъ,
Наполненна различнымъ гадомъ,
Покрыта ядомъ.
Съ великимъ пастухи въ долинѣ были стадомъ.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда, для человѣка,
Текли часы златова вѣка,
Когда еще наукъ премудрость не ввела,
И въ свѣтѣ истинна безъ школъ еще цвѣла,
Какъ не былъ чинъ еще достоинства свидѣтель,
Но добродѣтель:
И словомъ я скажу, вотъ ето на конецъ:
Реченны пастухи вчера пасли овецъ.
По всякой день у нихъ была тревога всяка:
Вздоръ, пьянство, шумъ и драка,

И словомъ такъ:
Изъ паства здѣлали они себѣ кабакъ:
Во глодку,
И въ брюхо, и въ бока,
На мѣсто молока,
Цѣдили водку,
И не жалѣлъ ни кто, ни зубъ, ни кулака,
Кабашной нектаръ сей имѣючи лѣкарствомъ,
А бѣшеную жизнь имѣвъ небеснымъ царствомъ.
Отъ водки голова болитъ;
Но водка сердце веселитъ:
Молошное питье не диво;
Ево хмельняй и пиво;
Какое жъ имъ питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чево инова имъ копить?
Въ лѣсу надъ домомъ симъ Сатиръ жилъ очень близко,
И тварію ихъ онъ презрѣнною считалъ,
Что низки такъ они, живутъ колико низко.
Всегда онъ видѣлъ ихъ, всегда и хахоталъ,
Что нѣтъ ни чести тутъ, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира,
И бьютъ сево,
Безъ милосердія, невинна Демокрита.
Не видитъ помощи Сатиръ ни отъ ково;
Однако Панъ пришелъ спасти Сатира бита:
Сатира отнялъ онъ, и говорилъ имъ Панъ:
За что подѣлали ему вы столько ранъ?
Напредки меньше пѣйте;
А что смѣялся онъ, за то себя вы бѣйте.
А ты, въ передъ, мой другъ,
Ко наставленію, не дѣлай имъ услугъ;
Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.

II.

Птаха и дочь ея.

Какая то во ржи жила на нивѣ птаха,
А съ нею дочь ея жила:
На нивахъ жатва ужъ была;
Такъ жительницамъ симъ то было не безъ страха:
И прежде нежели зачнутъ ту ниву жать,
Имъ должно отъѣзжать:
Въ другое мѣсто перебраться;
Чтобъ имъ со жателми на жатвѣ не подраться.
Мать вышла вонъ на часъ, не вѣдаю куда,
И дочкѣ говоритъ: когда
Придетъ хозяинъ нашъ на ниву:
Имѣй головку нелѣниву,
Ты дочь моя тогда:
Послушай что онъ скажетъ,
И что слугамъ прикажетъ.
Какъ мать пріѣхала домой по томъ,
Кричала дочь объ етомъ дѣлѣ:
Ахъ, матушка моя, пора, пора отселѣ:
Оставимъ етотъ домъ:
Пора, пора отселѣ;
Хозяинъ приказалъ друзей на жатву звать,
И взавтрѣ станутъ жать;
Пора душа моя отселѣ отъѣзжать.
Мать ей отвѣтствуетъ: не бойся радость;
Не искусилася твоя о дружбѣ младость;
Не будутъ жать, ей, ей!
Друзья не жали;
На нивѣ не было друзей;
Тому причина та: друзья не пріѣзжали.
Поотлучилась мать,
Вѣля рабенку тутъ молву внимать.

Хозяинъ приходилъ: ихъ хочетъ домъ ломать,
И звать послалъ родню; вить ихъ не нанимать.
Дочь то же говоритъ какъ матушку встрѣчаетъ:
А матушка ей то же отвѣчаетъ:
Севодни и вчера слова у нихъ одни.
Во учрежденномъ дни,
На нивѣ не было родни;
Родня не пріѣзжала,
И хлѣба не пожала.
Поотлучилась мать,
Вѣля рабенку тутъ молву внимать.
Пріѣхала обратно мать;
Пришло репортовать:
Съ дѣтьми и со слугами,
Хозяинъ взавтрѣ хлѣбъ намѣрился пожать,
И говорилъ: сожнемъ мы братцы хлѣбъ и сами.
Мать ей отвѣтствуетъ, то мня распоряжать:
Когда хлѣбъ хочетъ самъ уже хозяинъ жать;
Пора душа моя отселѣ отъѣзжать.

III.

Волкъ и Козленокъ.

Козленка волкъ поймалъ и растерзати хочетъ:
Козленокъ не хлопочетъ,
То вѣдая, что волкъ несклонной молодецъ,
И мыслитъ: ну теперь пришелъ ужъ мой конецъ.
Единымъ жизни онъ довольствовался лѣтомъ,
И разлучается со свѣтомъ.
И говорилъ онъ такъ:
Когда слезами весь ево кропился зракъ,
И всѣ дрожали члѣны:
Простите рощицы и вы луга зѣлены,

Прекрасныя цвѣтки и быстрыя струи:
Простите на всегда товарищи мои;
Въ сей часъ я всѣ свои
Забавы позабуду,
И съ вами на лугахъ я прыгать ужъ не буду.
А хищникъ говоритъ: попрыгай и у насъ,
Какъ прыгаютъ у васъ.
Отвѣтствуетъ козленокъ:
До прыганья ли мнѣ въ прегорестный сей часъ;
Отъ страха не могу подняти и колѣнокъ.
Волкъ пѣсню затянувъ козленка веселитъ,
И передъ смертію плясать ему велитъ.
Услышавъ волчій вой къ разбойнику для драки
Бѣгутъ; отъ стадъ собаки.
Волкъ инако запѣлъ:
А именно въ зубахъ собачьихъ захрипѣлъ.
О естьли бъ такъ всегда стѣсненный свобождался,
А утѣснитель такъ по волчью награждался!

IV.

Соловей и Кошка.

Не на зѣленой вѣткѣ,
Пѣлъ нѣгдѣ соловей, но въ золоченой клѣткѣ.
Межъ пѣнья своево,
Взираетъ изъ окошка.
Влюбилася въ нево,
Хозяйска кошка;
Послушать пѣсенъ подошла,
И мыслитъ: я обѣдъ хорошенькой нашла.
Подшедша говоритъ: пречуднова ты нрава,
Любезный соловей:
Я ето говорю по совѣсти моей;
Когда твоя вся слава,

И вся твоя забава,
Въ поиманьи сидѣть.
Онъ ей отвѣтствовалъ: куда себя мнѣ дѣть,
Когда моя нещастна доля?
А въ протчемъ можетъ ли приятна быть неволя?
У кошки на умѣ обѣдомъ овладѣть;
Такъ кошка похвалы свободѣ начинаетъ,
И живо соловью ее напоминаетъ:
Вообрази себѣ ты ясны небѣса,
Потоки быстрыя, зѣленыя лѣса,
Луга цвѣтами испещренны,
Рукою естества безъ злата ухищренны:
Воспомни въ воздухѣ сладчайшій аромать:
Шахъ, шахъ дала ему, и скоро будетъ матъ.
Задумалася птичка:
Безъ пѣсенъ соловей таковъ же, какъ синичка;
Но кошкѣ въ пѣсняхъ нужды нѣтъ;
Потребенъ ей обѣдъ.
Хотя хозяина я симъ и позамаю;
А клѣтку разломаю,
Лети ты вонъ мой свѣтъ,
Такъ кошка говоритъ: и вонъ ево зоветъ.
Сей дружеской совѣтъ,
Ни мало не опасенъ;
Пѣвецъ на то согласенъ.
Что жъ было на конецъ?
Пѣвецъ
Оставя свой разсудокъ,
Изъ клѣтки къ ней въ желудокъ.

V.

Котъ и Мыши.

Былъ котъ и взятки бралъ:
Съ мышей онъ кожи дралъ,
Мышей гораздо мучилъ,
И столько имъ наскучилъ,
Чиня всегда содомъ,
Что жительство мышей, а именно тотъ домъ,
Казался жителямъ симъ каторгою лютой;
Свирѣпой тотъ
Мучитель, котъ,
Десятка по два ихъ щелкалъ одной минутой.
Ненасытимый котъ и день и ночь алкалъ,
И цѣлу армію мышей перещелкалъ.
Вся помочь имъ отъ ногъ; однако худы танцы,
Въ которыхъ можно захрамать:
А можетъ быть еще и ноги изломать;
Зарылись на конецъ они въ подполье въ шанцы;
Чтобъ котъ не могъ ихъ болѣе замать:
И ни одна оттолѣ не выходитъ;
Ни мышачья хвоста котъ больше не находитъ,
И тщетно разѣваетъ ротъ:
Постится котъ:
Прошли котовы хватки;
Простите взятки!
Подьячій! знаешъ ты,
Какъ мучатся коты,
Которы ни чево содрать не могутъ болѣ,
И сколько тяжело въ такой страдати долѣ.
Сыскалъ мой котъ себѣ подъяческой крючокъ:
Умыслилъ дать мышамъ онъ новенькой щелчокъ,
И задними онъ гвоздь ногами охватилъ,
А голову спустилъ,
Какъ будто онъ за то, что грѣшенъ,
Повѣшенъ,

Являя, что мышамъ уже свободной путь:
И льстится мой мышей подъячій обмануть.
Не слышно болѣе разбойникова шуму;
Такъ мыши здѣлали въ подкопѣ думу,
Не отступилъ ли прочь герой:
И изъ коллегіи всѣ выступили въ строй:
И чтя кота не за бездѣлку,
Выглядываютъ только въ щелку
Увидѣли, что котъ ихъ живъ,
И лживъ;
Ушли назадъ крича: по прежнему котъ бѣшенъ,
По прежнему съ насъ котъ стремится кожи драть,
И взятки брать,
Хотя ужъ и повѣшенъ.

VI.

Пармской сыръ.

Рогата спутника лиса увидѣвъ мира,
Почла ево остаткомъ сыра.
Но гдѣ тогда была луна?
Была въ колодязѣ она;
Извѣстно то, что на небо не вспрянешъ,
А въ ямѣ спутницу старухину достанешъ.
Взманилъ кусокъ лису,
И говоритъ она: легохонько оттолѣ
Я ето унесу:
Сіятельнѣйшій сыръ! уже въ моей ты волѣ:
А я
Нижайшая услужница твоя.
Начто ей мѣдлить болѣ?
Лисица, въ мигъ,
Въ колодязь прыгъ;

Но боги здѣлали незапно сыръ водою,
Колодязь ей бѣдою.
Что хочешъ вымышлять изволь;
Не вылѣзешъ оттоль.
Лисица силится и скачетъ,
Лисица мучится и плачетъ:
Не сырны тамъ ей дни; мокроядѣнье, постъ;
Лисица опустила хвостъ:
Лиса страдаетъ,
И смерти ожидаетъ;
Но и въ отчаяньи нашла лисица толкъ.
Шелъ мимо волкъ:
Лисица говоритъ: изволишъ ли обѣдать,
И сыру пармскова дражайшій кумъ отвѣдать?
Ужъ я симъ кушаньемъ насытила себя:
А что осталося; такъ ето для тебя.
Развѣсилъ уши волкъ и губы,
И скалитъ зубы.
Сіяетъ сыръ въ очахъ у волка и въ умѣ;
Прыгнулъ дражайшій кумъ къ возлюбленной кумѣ.
Изъ волка кумушкѣ кумъ лѣсенку поставилъ:
Куму избавилъ:
Кума оттолѣ вонъ:
А онъ
Оттолѣ вылетѣть ни выпрянуть не можетъ,
И пармской сыръ еще по нынѣ тамо гложетъ.

VII.

Волченокъ собакою.

Волчонка взялъ пастухъ и выростилъ ево,
У стада своево.
Волчокъ овцамъ добра желаетъ,
И на волковъ по песью лаетъ;

Тому причина та, что сталъ онъ вѣрный рабъ;
Причина вѣрности, волчокъ гораздо слабъ:
А ясно объявить не въ скользь, но точнымъ толкомъ:
Волченокъ нашъ волчокъ; еще не сталъ онъ волкомъ.
Теперь онъ братъ овецъ:
Какъ выростетъ со всѣмъ, такъ будетъ имъ отецъ;
Однако въ дѣлѣ колкомъ,
Не прямо вѣдомъ мнѣ предбудущій ихъ рокъ;
Такъ трудно прорѣкать: да я жъ и не пророкъ,
Но молвлю на угадъ: волкъ, чаю, будетъ волкомъ:
А подлинно сказать конечно не могу:
А ежели скажу; такъ можетъ быть солгу.
Волкъ выросъ, спитъ пастухъ когда то крѣпко ночью,
А волкъ собрався съ мочью,
Ужъ дѣлаетъ не такъ:
Сперьва зарѣзалъ онъ, товарищей, собакъ,
И принялся за стадо,
Скотъ рѣжа какъ Троянъ подъ Троей Ахиллесъ:
По томъ нашъ волкъ пастушье чадо,
Подъ лаврами пустился въ лѣсъ,
И тамъ побѣдоносно скачетъ:
Пастухъ проснувься плачетъ.
Поплачь дуракъ,
А въ предки изъ волковъ не дѣлай ты собакъ!

VIII.

Волкъ Пастуховъ другъ.

Былъ волкъ и былъ пастухъ:
У волка былъ не волчій духъ:
Являли такъ ево притворны виды:
Не здѣлаетъ обиды,

Волкъ етотъ ни кому;
Пастухъ повѣрился ему,
Какъ вѣрну другу своему.
Пастухъ мой съ волкомъ ладитъ,
И друга своево спасая отъ сабакъ,
Въ пастушье платье рядитъ,
И ходитъ иногда съ нимъ онъ и на кабакъ,
И ловко съ волкомъ подпиваетъ;
Такъ мой пастухъ и пьянъ бываетъ,
И пѣсни голосомъ онъ волчьимъ попѣваетъ:
Высоко мѣрою музыку онъ беретъ,
И горло все деретъ:
Вспѣвая по бурлацки:
А по просту сказать: вспѣваетъ по дурацки,
И по разбойничью кричитъ:
Всю улицу встревожить онъ рачитъ.
Волкъ лѣстью и обманомъ,
Съ безмозглымъ за стаканомъ,
И другъ и сватъ
И братъ.
Средь ночи нѣкогда пришли они ко стаду:
Пастухъ гребетъ ко сну, а волкъ ко кладу:
И хитрый мой ловецъ,
Десятка полтара, а можетъ быть и болѣ,
Зарѣзалъ тутъ овецъ,
И ихъ перетаскалъ съ квартеры по неволѣ.
Проснувшися пастухъ увидѣлъ волчью лѣсть:
А гдѣ дѣвался волкъ легко то было свѣдать;
Пошелъ обѣдать.
Казался честенъ волкъ; какая въ волкѣ честь!

IX.

Песъ нетерпящій нападенія.

Не знаю какъ зашодши въ лѣсъ,
Съ волками жилъ какой то песъ.
Что волчье естество суровенько и гнѣвно,
Извѣстно ето намъ;
Мой песъ съ волками тамъ,
Грызется повседневно.
Хоть шерсть у волка и густа;
Однако песъ до ребръ волковъ въ лѣсу хватаетъ,
И ребры у волковъ считаетъ,
И волчьи тамъ кишки какъ нитки онъ мотаетъ:
Иной волкъ тамо безъ хвоста,
Иной безъ уха,
Иной безъ бока, иль безъ брюха;
А все тому причина песъ,
Который тамъ коробитъ лѣсъ,
Какъ Трою Ахиллесъ;
Однако песъ не виненъ,
И чиненъ;
Не тронетъ ни ково,
Когда не трогаютъ ево:
А ежели кто тронетъ;
Застонетъ,
И закричитъ,
И побычачью зарычитъ:
Заплачетъ:
И можетъ быть еще о трехъ ногахъ поскачетъ.
Вездѣ о псѣ молва,
И въ волчьемъ обществѣ поносныыя слова,
Что онъ сосѣдей гложетъ,
И что почти ни съ кѣмъ ужиться онъ не можетъ.
Повсюду волки то звонятъ,
И пса бранятъ;

Бездѣльникъ волкъ по ихъ примѣтѣ:
Но что написано у пса на нихъ во отвѣтѣ?
Безъ васъ я былъ бы всѣхъ смирняе псовъ на свѣтѣ:

X.

Война за бабки.

Два въ бабки мальчика играли:
И бабки заорали:
Къ войнѣ за бабки собрались,
И подрались
Когда рабятки подурили;
Довольно, чтобъ отцы рабятокъ пожурили:
Или съ отеческой грозой,
Посѣкли ихъ лозой;
Но чадолюбіе отцамъ не то твердило;
Оно болвановъ разсердило:
И думаютъ они: вотъ то дитя мое,
А то твое;
И слѣдственно мое мнѣ мило:
Твое постыло.
И чтутъ судящія родители уставъ,
Изъ книги самой знатной,
Хотя и непечатной,
Кто мнѣ миляй, такъ тотъ и правъ.
Одинъ взялъ мальчика чужова,
Другой другова:
Тотъ выдралъ пукъ волосъ и подписалъ указъ,
Крича: не трогай насъ.
Другой, не говоря ни слова,
У мальчика вонъ вышибъ глазъ.
За гривы и отцы другъ у друга берутся:
Судьи дерутся:

Хоть были на судѣ не сходны въ голосахъ;
Однако сходно трутся,
И руки одново ихъ мнѣнья въ волосахъ.
Другъ друга плотно жали:
Сосѣды прибѣжали.
Взбѣсились братцы вы, сосѣды говорятъ.
Сосѣды ихъ мирятъ;
Но что за миръ; одно дитя хохолъ поправитъ,
А глаза въ лобъ ни кто другому не поставитъ!

XI.

Пѣни Адаму и Евѣ.

Женѣ крестьянинъ говорилъ,
Иль паче праотцевъ предъ нею онъ журилъ:
Когда бы Адамъ и Ева!
Не скушали плода съ заказаннава древа;
Я жилъ бы какъ хотѣлъ,
И надъ сохою бы трудяся не потѣлъ:
Бранитъ Адама,
И кавалеръ и дама.
Услыша господинъ Адаму брань,
И что поетъ мужикъ женѣ несвойску дрянь,
Крестьянина зоветъ боярскихъ щей отвѣдать:
И мужа и жену къ себѣ зоветъ обѣдать.
Готовъ покрытый столъ
Поставленъ на столѣ младой нѣжнѣйшій волъ:
А попросту тѣленокъ,
Который только чудь лишъ вышелъ изъ пѣленокъ;
Индѣйка, утка, гусь, бораній съ кашей бокъ,
Свинья капчона,
И съ курицей пирогъ:
Яичница, дрочена,

Курдюкъ ордынскія овцы,
Щи, потрохъ и рупцы.
Наѣлся мой мужикъ; да ето и не чудо;
Вотъ ето только худо:
Одно закрыто блюдо:
И раскрывать ево
Не вѣлено, ни для ради чево.
На единѣ какъ вѣрну другу,
Супруга говоритъ супругу:
Посмотримъ муженекъ, какое ѣство тутъ.
Ахъ, жонушка, не льзя; за ето такъ толкнутъ,
Что мы не скоро встанемъ:
И развѣ отъ дубины вспрянемъ.
Однако, муженекъ и душенька моя!
Иль баринъ нашъ ворожея?
Когда ему о томъ ни кто изъ насъ не скажетъ;
Такъ чемъ онъ то докажетъ?
И впрямъ такъ жонушка: а крышка не крѣпка;
Печати, нѣтъ на ней и нѣтъ на ней замка.
Раскрылась крышка:
А тамъ сидѣла мышка,
И выскочила вонъ;
Прешелъ мужикъ законъ.
Стола боярскава мышонокъ не забудетъ;
Однако ужъ назадъ не будетъ.

XII.

Новой календарь.

Порядокъ естества умѣетъ Богъ уставить,
И въ естествѣ Себя великолѣпно славить.

КЪ Юпитеру принесъ крестьянинъ календаръ,
И расписалъ подробно,
Ко хлѣбородію для года что способно:
Когда потребенъ дождь, сушь, холодъ, жаръ.
Онъ книжку ту подноситъ,
И проситъ,
Чтобъ было только то лишъ ради нивъ ево.
Юпитеръ отвѣчалъ: я самъ тово
Не здѣлаю, опричъ тебя ни для ково;
Я больше разума имѣю,
И здѣлать календаръ полутче я умѣю:
А ежели когда бываетъ онъ и худъ;
То тайна естества и праведенъ мой судъ.
Крестьянинъ етому не вѣритъ:
Вотъ такъ то, мыслитъ онъ, Юпитеръ лицѣмѣритъ.
Когда бы въ небесахъ между боговъ я жилъ;
Со всѣмъ бы естество не такъ расположилъ;
Всегда бъ была весна, всегда цвѣли бы розы,
И не было бъ зимы;
На что морозы?
И въ вѣкъ бы не пахали мы:
Не молвилъ бы тогда прикащикъ: вы лѣнивы:
И хлѣбъ давали бъ намъ несеянныя нивы.
А ето что за свѣтъ!
Весь годъ покою нѣтъ.
Рождались бы собой домашнія потребы:
Съ горохомъ пироги, печоны хлѣбы:
А я бы на пѣчи нетопленой потѣлъ:
И гусь бы жареной на столъ ко мнѣ летѣлъ.
Настало: кончилось ево желанно лѣто:
А здѣлалось вотъ ето:
Не возвратилися въ деревню сѣмена:
И съ нивъ мужикъ пожалъ ихъ только имена.

XIII.

Надутый гордостью ОселЪ.

ОселЪ везЪ дровни: вЪ нихЪ стоитЪ большой кумирЪ,
Збѣгается весь мирЪ;
Безумныя народы,
Противу разума и чувствія природы,
Зовутъ ево владыкой и отцомЪ,
И господомЪ творцомЪ:
На землю падая, вЪ громогласномЪ крикѣ,
ТворятЪ моленіе вселенныя владыкѣ.
Ни кто и намѣкнуть тово тогда не могЪ,
Что ѣдетЪ то не БогЪ;
За ето мудреца не палкой приударятЪ;
Изжарятъ;
Кому захочется пропасть?
Мала у разума: у силы больше властЪ.
КричатЪ и мудрецы, не только прочи люди:
О Творче милостивЪ ко твари вѣчно буди!
ПрисвоилЪ тутЪ оселЪ себѣ тотЪ весь поклонЪ,
И думаетЪ, БогЪ онЪ:
КричитЪ: я, я вселенной обладатель,
Земли и небеси создатель,
И блага всякаго податель.
Не долго былЪ оселЪ вЪ претяжкой сей винѣ;
Ударили ево дубиной по спинѣ,
И глупому ослу то ясно показали,
И доказали,
СломивЪ дубиной гордый рогЪ,
Что онЪ оселЪ не БогЪ.

XIV.

По трудахъ на покой.

Жила, была вдова: а у вдовы былъ сынъ,
И только былъ одинъ:
Рабенокъ лѣтъ десятка.
Любила сына матка,
На свѣтѣ болѣе всево,
И нѣжила ево.
У малова была извадка:
Иль, можетъ быть, и страсть:
Охотникъ былъ онъ красть.
Накралъ у тетушекъ чепцовъ и шапокъ:
А на конецъ укралъ у матери подкапокъ:
О всемъ извѣстна мать;
Однако мать
Не хочетъ мальчика замать:
А я бъ велѣлъ ему всѣ ребры изломать.
Ужъ мальчикъ мой дѣтина;
Не шапки на умѣ у мальчика, скотина;
Барана стибрилъ онъ, по томъ быка: она
Не трогаетъ ево; стяни хотя слона;
Но сколь та гадина велика,
Толика,
У кражи едакой огромна и прилика:
Да тамъ же крѣпкой караулъ:
А то бъ дѣтина мой слона конечно здулъ.
И то прискучилось дѣтинѣ;
Не мыслитъ больше о скотинѣ;
Сосѣдни клѣти сталъ ломать:
О всемъ изъѣстна мать;
Однако мать
Не хочетъ сына позамать.
Прискучилось ему по кражамъ увиваться;
Въ разбойники пошелъ дѣтина добиваться:

Трудился долго тамъ дѣшина мой:
И лѣзитъ на покой.
Рыдаетъ мать и сына обнимаетъ;
И жалостно ево ко сердцу прижимаетъ.
Прощаяся съ ней сынъ, отгрызъ у дуры носъ,
При вѣчной говоря разлукѣ,
Любезной матери, негодной етой сукѣ;
Причина ты, что я повѣсою возросъ.

XV.

Сѣкира.

Рубилъ мужикъ дрова у самыя рѣки,
Въ которой воды глубоки:
Упалъ топоръ на дно: мужикъ надъ нимъ страдаетъ:
И плачетъ и рыдаетъ;
Потерянъ день: пройдетъ дрова рубить пора:
Да жаль и топора;
Безъ денегъ етова ни кто не дастъ на рынкѣ;
Хотя для дровъ,
Да на воровъ
И много топоровъ:
А денегъ у нево гораздо мало въ крынкѣ.
Меркурій сжалився приходитъ на рѣку,
И обѣщаетъ мужику,
Что онъ по дну рѣки порыщетъ,
Сѣкиру сыщетъ:
И мужику
Онъ сиру,
Златую подаетъ сѣкиру.
Кричитъ мужикъ: сѣкира не моя:
Даетъ серебряну: и ета не моя.

Даетъ желѣзную: вотъ ето то моя,
И ету упустилъ на етомъ мѣстѣ я:
Я злата и сребра и въ домѣ не имѣю,
И лгати не умѣю:
Не всякъ такъ честно говоритъ:
Меркурій за ето ему и тѣ даритъ.
Другой увидѣвъ то, въ рѣку топоръ кидаетъ,
И такъ же какъ и тотъ рыдаетъ,
И золотой сѣкиры ожидаетъ.
Меркурій говорилъ нахальну мужику:
Искати топора ты самъ поди въ рѣку.

XIV.

Раздѣлъ.

Съ великимъ малому имѣть опасно дружбу:
Загаркали: походъ, война, идутъ на службу;
Но кто герои тѣ? оселъ, лисица, левъ:
И разъяряются геройски души.
Ружье лисицѣ хвостъ, ослу большія уши,
А льву ужасный зевъ:
Изъ зева смерть и гнѣвъ:
Взоръ люта звѣря блещетъ,
И лѣсъ
Трепѣщетъ:
Не Геркулесъ,
Во кожѣ львиной:
Съ разбойничей дубиной,
Приходитъ ко лѣсамъ;
Во львиной кожѣ левъ туда приходитъ самъ:
И кто ни встрепится нещадно всѣхъ караетъ,

Имѣя брань:
И собираетъ
Дань.
По добычи домой пустился,
СЪ побѣдой возвратился:
И коихъ онъ звѣрей геройски одолѣлъ,
Ослу велѣлъ
Дѣлити, на три части.
Оселъ мой знаетъ то давно,
Что должно раздѣлять наслѣдіе равно;
СЪ ословой стороны былъ сей дѣлежъ безъ страсти:
А сверьхъ того еще указы такъ велятъ;
Дѣлятъ;
Но части не исправны;
Причина, что всѣ равны.
Прогнѣвался мой левъ и заушилъ осла,
Сказавъ: ты етова не смыслишъ рѣмесла,
И кои правила въ дѣльбѣ со мною главны.
Оселъ: охъ, охъ!
И вдругъ издохъ.
А левъ велѣлъ лисѣ дѣлить находку:
Не хочется лисѣ ийти во львову глодку;
СЪ овинъ едину часть и часточку съ кулакъ,
Лисица положила,
И другу удружила.
Кто, левъ спросилъ, тебя училъ дѣлити такъ,
Что ты мнѣ едакъ услужила?
Лиса туда сюда хвостишкомъ верть,
Отвѣтспвуетъ ему: ослова смерть.

XVII.

Два Оленя.

Какія способы найти
Чтобъ лужу перейти,
И что бы въ ней со всѣмъ не замараться?
Чрезъ лужу два хотятъ оленя перебраться:
Одинъ по краюшкамъ лѣпился какъ ни будь,
И замарался онъ; однако лишъ чудь, чудь;
Не только у нево остались чисты роги,
Не только тѣло, да и ноги,
Отъ сей проселошной дороги,
И замаралися одни у ногъ пороги,
Которы по просту копытами зовутъ:
Ихъ крѣпки бошмаки копытами слывутъ.
Другой олень хохочетъ,
И лужу перейти другимъ порядкомъ хочетъ:
Ругается, кричитъ: изгаженъ ты свинья:
Не едакъ перейду, сватъ, ету лужу я:
И безовсяка страху,
Съ размаху
Скокъ,
Со всѣхъ четырехъ ногъ:
Не видно болѣе оленьей легкой туши;
Мой врютился олень по самы въ лужу уши,
И свату навязавъ пустыхъ на шею пѣнь,
Насилу выдрался изъ лужи мой олень:
И послѣ брани,
Изъ лужи вылѣзъ онъ какъ вышелъ онъ изъ бани
И свѣжъ и чистъ,
Какъ послѣ дождика весной зѣленой листъ.

XVIII.

Двѣ Крысы.

Сошлись на кабакѣ двѣ крысы,
И почали орать:
Бурлацки пѣсни пѣть и горло драть,
Вокругъ поставленной тутъ мисы,
Въ котору пиво льютъ,
И изъ которыя подъ часъ и много пьютъ.
Осталося немного пива въ мисѣ:
Досталося то пиво крысѣ:
Довольно нектару одной и мало двумъ;
Одна берешъ на умъ:
Лишуся етой я забавы,
Когда сестра моя пренебрежетъ уставы,
И выпьетъ некпаръ весь она,
Одна,
До дна:
Въ приказахъ я бывала,
И у подьячихъ я живала;
Уставы знаю я:
И говорила ей: голубушка моя!
Ты кушай радость воду,
И почитай во мнѣ дружечикъ воеводу;
Вить я ево:
А про хозяина, сестрица, твоево,
Не только слуха,
Да нѣтъ и духа,
И пиво выпила до суха:
А мѣрою съ два брюха.
Сестра ворчитъ, и говорила такъ:
Такой бесѣдой впредь не буду я ласкаться,
И на кабакъ,
За воеводскими я крысами таскаться.

XIX.

Змѣи, голова и хвостъ.

Простымъ довольствуйся солдатъ мундиромъ,
Коль быть тебѣ не льзя, дружечикъ, командиромъ;
Въ велику можетъ честь,
Великой только умъ отечество вознесть:
А голой чинъ рождаетъ только лѣсть;
Ползя правою,
Змѣинъ поссорился хвостъ люто съ головою,
И говоритъ: не все тебѣ меня водить:
Изволишъ иногда сама за мной ходить;
Какое право ты имѣешъ,
Сестрица и дружечикъ мой,
Что ты меня таскать какъ дѣвка юбку смѣешъ?
А ежели змѣѣ лежитъ уставъ такой;
Таскайся же и ты подобно такъ за мной.
Бранилися и помирились:
Договорились,
По перемѣнкѣ впредь,
Диктаторскую власть имѣть.
Въ диктаторствѣ хвоста все время темны ночи,
И ни чево,
Въ диктаторствѣ ево,
Не видятъ никогда диктаторскія очи.
Въ правленіе то всѣ кривымъ путемъ идутъ,
И шествуя путемъ негладкимъ смерти ждутъ:
Лѣсъ, камни голову щелкая раздробили:
А съ ней и самово диктатора убили,
Не зрѣвша на пути ни солнца, ни небесъ.
Деревья, каменья, разбойники то были,
И безъ труда слѣпова погубили:
Не спасся бы слѣпой отъ нихъ и Геркулесъ,
Ни заяцъ бы слѣпой отъ нихъ не удалился;
Но въ когтяхъ къ нимъ конечно бы ввалился.

Слѣпому каменья враги, и врагъ и лѣсъ.
Скончалася змѣя; диктаторъ съ стула слѣзъ.

XX.

Щастіе и Сонъ.

Хвалился нѣкогда ему сонъ данной частью,
И сильною своею властью,
Расказывая щастью,
Что онъ простова мужика,
И дурака,
Въ боярской чинъ поставилъ,
Прославилъ,
И золота ему кадушекъ пять наплавилъ.
Всево довольно онъ имѣлъ:
Не зная азбуки и грамотѣ умѣлъ,
И славою во всей подсолнечной гремѣлъ:
А лутче и всево: любовницу имѣлъ,
Прекраснѣйшую саму:
Такую даму,
Какихъ десятна нѣтъ у насъ и на Руси.
Нагнувшися предъ нимъ покорствуй и труси,
И милости себѣ у идола проси.
Имѣлъ еще болванъ повадку,
Когда ково не взлюбитъ онъ,
Тому содѣлать тяжкій стонъ,
А иногда и лихорадку.
А щастіе даетъ
Такой ему отвѣтъ:
Во брѣдѣ истинны ни на полушку нѣтъ:
Что здѣлалъ ты мой свѣтъ,

Я здѣлалъ сама, и слово въ слово то же;
Но дѣйствіе мое гораздо подороже;
То истинна была:
И даръ мой только смерть едина отняла.
Сонъ на ето сказалъ: обѣимъ имъ мѣчталось;
Да твой болванъ то все по жизни позабылъ,
Какой бояринъ онъ на свѣтѣ етомъ былъ:
А мой болванъ тово по снѣ не позабылъ,
Какой бояринъ онъ на свѣтѣ етомъ былъ;
Такъ лутче, что хотя то въ памяти осталось.

XXI.

Падушка и кафтанъ.

Падушка и кафтанъ имѣли разговоръ:
Кафтанъ велъ ету рѣчь: хозяинъ мой, мой взоръ
Веселъемъ наполняетъ;
Живетъ въ успѣхахъ онъ и щастіе пляѣняетъ;
Куда ни-войдемъ мы, тотъ часъ
Хорошій столъ, хороши вины:
И изъ тово, что ставятъ передъ насъ,
Не можемъ мы ни съѣсть, ни выпить половины;
Какая лутче жизнь! компаній ты имѣй
Куда ни-придешъ тучи:
Червонцевъ кучи:
Лишъ карты разумѣй:
И за большимъ стаканомъ,
Большимъ хозяинъ мой мнѣ кажется и паномъ.
А ежели когда съ красавицами онъ;
Онъ точной Купидонъ:
Галантеріи, екипажи,
Лакеи, егеры и пажи:

Ухвачено то все боярскою рукой:
И райской чувствуетъ душа ево покой.
Отвѣтствуетъ падушка:
Не такова, мой другъ, ево покойна душка:
Я знаю лутче то:
И, можетъ быть, нигдѣ не мучится ни кто,
Какъ онъ страдаетъ;
Послѣдній онъ кусокъ имѣнья доядаетъ:
Родительское все имѣнье промоталъ,
И долгу на себя съ три пуда нахваталъ.
Какъ онъ покой тѣряетъ,
Онъ ето таинство единой мнѣ ввѣряетъ:
Всю ночь вѣртится онъ, съ несносныя тоски,
Входя, въ отчаяньи, въ мысль люту и глыбоку:
Вѣртясь, то съ правова, то съ лѣвова онъ боку.
А я и гробовой страшняй мотамъ доски.

XXII.

Высокомѣрный Оселъ.

Боится, говорятъ, левъ пѣсни пѣтуха;
Она противна львову слуху,
Ушамъ ево лиха;
Не любитъ левъ музыки сей и духу.
Судьба когда то принесла
Въ глаза ко льву осла:
Что встреча та худа, оселъ мой то смѣкаетъ;
И утекаетъ;
Однако бы уйти отъ смерти не успѣлъ,
И злой бы рокъ ему конечно приключился,
Когда бы въ близости пѣтухъ не прилучился,
И пѣсни не запѣлъ.
Левъ страхомъ закипѣлъ,

Смутился,
И отъ осла назадъ поворотился;
Помнилося ослу, что страшный левъ
Отъ храбрости ево трухнулъ, и испугался;
И пролилъ мой оселъ на льва ословый гнѣвъ:
Догнать и изловить льва сильно домогался:
Насѣлъ
На льва оселъ,
И на зубахъ у льва висѣлъ.

XXIII.

Высокомѣрная Муха.

Лошакъ большое бремя несъ:
А именно телегу везъ:
Грузна была телега:
Хотя у лошака и не велика нѣга;
Однако онъ
Не слонъ:
И естьли взрючено пудъ тритцать; такъ потянетъ,
Попрѣетъ и устанетъ.
А муха на возу бренчитъ,
И лошаку, ступай, кричитъ,
Ступай скоряй, ступай, иль я пустое мѣлю!
Не довезешъ меня ты едакъ и въ недѣлю,
Туда, куда я цѣлю:
Какъ будто тотъ лошакъ для мухи подряженъ,
И для нее впряженъ.
Ярится муха дюже;
Хотя она боярыня мѣлка:
И жестоко кричитъ на лошака,
За то, что онъ везетъ телегу неуклюже.

Раздулась барыня; но есть и у людей
Такія господа, которыя и туже,
Раздувшися гоняютъ лошадей,
Которы возятъ ихъ, и коихъ сами хуже.

XXIV.

Заяцъ и Черепаха.

Бѣжати въ запуски со зайцомъ черепаха,
Къ Москвѣ рѣкѣ съ Невы,
Изъ Петербурга до Москвы,
Хотѣла, и кладутъ большой они закладъ.
И потащилася со всѣмъ она содомомъ:
Со брюхомъ, со спиной и съ домомъ.
А заяцъ мыслитъ такъ: лишъ только захочу;
Я дуру облечу:
Пускай она тащится,
И выиграть закладъ оскаля зубы тщится:
А я побѣду получу,
Закладикъ ухвачу,
И етой госпожѣ въ Москвѣ похахочу.
Три мѣсяца прошло: а можетъ быть и болѣ;
Пора и зайцу въ поле:
Не время ужъ лежать;
Пора бѣжать:
Пришли часы побудки;
Бѣжитъ, и въ сутки
Далеко за Невой рѣкой:
А именно въ Тверской уже ямской:
А та
Дни въ три уже прошла Тверскія ворота.

XXV.

Обезьяна и Медвѣдь.

Себя увеселять,
Мартышка и медвѣдь пошли гулять.
Мартышка дубъ увидя,
Медвѣдю говоритъ: послушай кумъ! весь свѣтъ
Увижу я оттоль, и то чево и нѣтъ.
На самой вышкѣ сидя,
Вставшася на нево,
Она сѣдлаетъ башню:
Оттолѣ видитъ лѣсъ, рѣку, луга и пашню,
И кума своево;
Но кумъ ей кажется оттолѣ мѣлкой сошкой,
Большою мошкой,
И малой кошкой;
Кума
Сошла съ ума,
И куманька пренебрегаетъ,
Ругаетъ,
И говоритъ ему: твой ростъ
Съ мой хвостъ:
А къ мѣрѣ сей еще твоя въ добавокъ шуба.
Спащилася мартышка съ дуба,
Спустилася съ вышинъ,
Превосходительство незапно присудѣя,
И мѣряетъ медвѣдя;
Однако на низу не потъ уже аршинъ.

XXVI.

Соловей и Кукушка.

По мрачной нощи,
Приятно воспѣвалъ на древѣ соловей;
Еще прекрасняе тогда казались рощи,
Отъ пѣсни сей.
Рабята у деревъ тупіъ вѣтви отнимали,
Деревья свѣжія ломали,
И пѣсни соловья ни мало не внимали.
Кукушка говоритъ: ты пой, или не пой,
Не внятенъ соловей прохожимъ голосъ твой;
Такая пѣсенка приятна не бывала:
А естьли я открою ротъ;
Такъ пѣнье въ рощахъ сихъ пойдетъ на оборотъ:
Закуковала,
И вопитъ на суку.
Рабята пѣсню ту внимаютъ,
И прутья не ломаютъ,
Да только лишъ кричатъ за ней, куку, куку:
Кукушкѣ подражать не трудно;
Она поетъ не чудно.
Съ пастушкой шелъ пастухъ,
И стали зажимать отъ хорной пѣсни слухъ.
По томъ и соловей запѣлъ; они внимаютъ,
Увеселяя духъ:
А тѣ опять себѣ деревья тутъ ломаютъ.
Что? спрашивалъ, кукушку соловей:
Не лутче ль пѣсенка твоя моей?
Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

XXVII.

Ослища и Кобыла.

Себѣ льзя Логикой и Физикой ласкать,
И Математикой, чтобъ Истинну сыскать:
А инако не можно,
И заключеніе конечно будетъ ложно:
Четвертый способъ былъ до нынѣ прежде кнутъ,
Кто добрый человѣкъ узнать, или кто плутъ.
Лишъ только трудно,
Когда не врать,
О вкусѣ во вещахъ намъ ясно разобрать:
А ето чудно;
Вить Истинна и тамо есть;
Хотя и не легко тамъ Истинну обрѣсть.
Кобыла
Осла любила.
Какой къ ослищу жаръ!
Ослища сухъ и дряхлъ, и старъ,
Изморщенъ, жиловатъ и мерзокъ,
Кричать ослинымъ зыкомъ дерзокъ,
И не достоинъ былъ,
Не только онъ кобылъ,
Но ни болотныя лягушки,
Не стоя ни полушки.
Спросили у нея:
Такова скареда, съ чево любить ей сродно,
И что въ немъ ей угодно?
Она отвѣтствуетъ на то: въ немъ я
Все вижу, что прельстить удобно нѣжны души:
Большія уши,
И съ фальбалою лобъ,
Кабаньи зубы,
И сини губы:
А паче, что Кащей мой пахнетъ будто клопъ.

Читатель, чѣмъ гадка скотина, коя чахнетъ,
И роза, чѣмъ клопа гораздо лутче пахнетъ?

XXVIII.

Ненадобное сѣно.

Презрителенъ и гнусенъ
Ненасытимый человѣкъ,
Который въ весь свой вѣкъ
Лишъ деньги собирать искусенъ,
И кто своихъ питаетъ такъ людей,
Какъ кормитъ живодеръ на одрань лошадей,
Богатствомъ ни себѣ довольства не являя,
Ниже ево другимъ на нужды удѣляя.
Какой то песъ
На сѣно взлѣзъ:
Такой онъ пищи не желаетъ;
Но естьли по клочокъ сѣнца
Придетъ корова, иль овца;
Песъ лаетъ.
Скупой!
Вотъ образъ твой.
Всѣхъ больше страсти сей подвластны старички,
Безграмотныя дурачки,
Носящи на носу очки,
И ядъ въ утробѣ,
Изсохшія во злобѣ,
И почитай уже лежащія во гробѣ,
Изморщенныя какъ свѣрчки,
Или согнившія сморчки.
Такому псу желаютъ люди смерти,
И чтобъ ево скоряй отселѣ взяли черти.

XXIX.

АрапЪ.

Чье сердце злобно;
Тово ни чѣмЪ исправить не удобно;
НравоученіемЪ ево не претворю;
ЗлодѣйСатиру чтя злодѣйствіе сугубитЪ;
Дурная бабища вить зѣркала не любитЪ.
Козицкій! правду ли я ето говорю?
Не льзя во злой душѣ злодѣйствія убавить.
И такЪ же Критика немысленнымЪ писцамЪ,
Толико нравится какЪ волкЪ овцамЪ;
Не можно Автора безумнова исправить:
Безумныя чтецы имЪ свѣрьхЪ того покровЪ,
А Авторство неисходимый ровЪ;
ТакЪ лутче АвторовЪ несмысленныхЪ оставить.
Злодѣи тщатся пусть на свѣтѣ семЪ шалить,
А Авторы себя мѣчтою веселить.
БылЪ нѣкто вЪ банѣ мыть искусенЪ и проворенЪ:
Арапа сутки мылЪ, АрапЪ остался чоренЪ:
ВЪ другой день банщикЪ тотЪ Арапа поволокЪ
На полокЪ;
Арапа жаритЪ,
А по крестьянски то, Арапа паритЪ,
И черноту сЪ нево старается стерѣть:
АрапЪ мой прѣетЪ,
АрапЪ потѣетЪ,
И кожа на Арапѣ тлѣетЪ:
Арапу чорнымЪ жить и чорнымЪ умерѣть.
Сатира, критика совсѣмЪ подобны банѣ;
Когда кто вымаранЪ, тово вЪ ней льзя омыть:
Кто черенЪ родился, тому во вѣкЪ такЪ быть.
ВЪ злодѣѣ чести нѣтЪ, ни разума вЪ чурбанѣ.

XXX.

Порча языка.

Послушай Басенки, Мотонисъ, ты моей:
Смотри въ подобіи на истинну ты въ ней,
И отвращеніе имѣй,
Отъ тѣхъ людей,
Которыя ругаютея собою,
Чему смѣюся я съ Козицкимъ и съ Тобою.
Въ дремучій вшодши лѣсъ,
Въ чужихъ краяхъ былъ песъ,
И согражданъ своихъ поставивъ за невѣжей,
Жилъ въ волчей онъ странѣ и во странѣ медвѣжей.
Не лаялъ больше песъ; медвѣдемъ онъ ревелъ,
И волчьи пѣсни пѣлъ.
Пришедъ отпіоль ко псамъ обратно,
Отеческій языкъ не къ стати украшалъ:
Медвѣжій ревъ и вой онъ волчій въ лай мѣшалъ:
И почалъ говорить собакамъ не понятно.
Собаки говорили:
Не надобно твоихъ намъ новенькихъ музыкъ,
Ты портишъ ими нашъ языкъ:
И стали грызть ево и уморили.
А я надгробіе читалъ у пса сево:
Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся,
И не вводи въ нево
Чужова, ни чево;
Но собственной своей красою украшайся.

XXXI.

Лѣкарской Слуга.

XXXII.

Криводогадливыя Собаки.

Догадкой заключать дѣла хотя и можно;
Но заключеніе не рѣдко будетъ ложно.
Какой то нѣгдѣ лѣкарь жилъ:
У лѣкаря служилъ
Дѣтина:
По виду человѣкъ, по разуму скотина,
И думаетъ онъ такъ: мой лютой господинъ
Во всей подсолнечной тиранъ такой одинъ;
Не спуститъ онъ живымъ; онъ мертвымъ не спускаетъ:
Вить ето мнѣ не сонъ!
Я видѣлъ самъ, какъ онъ
Черева изъ людей таскаетъ;
Я вижу, что и я тово жъ дождусь конца;
Ушолъ отъ лѣкаря: скоряй бѣжитъ гонца.
Изрядно заключалъ тотъ лѣкарской служитель!
Другая Басенка: пріѣхалъ градожитель
Въ свой загородной домъ,
Во дни пріятна лѣта,
На время удалиться свѣта,
Оставивъ городской содомъ.
Ягнятъ,
Козлятъ,
Тѣлятъ,
Овецъ, барановъ бьютъ:
На столъ ему даютъ:
Убили и быка велика, хлѣбна;
Говядина была на столъ ему потребна.
Собаки говорятъ: весьма помѣщикъ крутъ:

Казалось имъ, они то очень ясно видятъ:
Собаки барина безмѣрно ненавидятъ
И говорятъ: бѣда:
На волка баринъ нашъ походитъ:
И видно череда
До насъ доходитъ.
Собаки истинну догадкою нашли:
Другъ друга тщилися догадкою подзаритъ,
И отъ хозяина ушли:
А ихъ не стали бы ни во-щи класть, ни жарить.

XXXIII.

Кораблекрушеніе.

XXXIV.

Осада Византіи.

Восталa буря;
Глаза Еолъ нищуря,
Валъ
До неба воздымалъ;
Трещитъ корабль и мачты гнутся,
Канаты рвутся;
Воздѣли на суднѣ всѣ руки къ небесамъ,
И корабельщикъ самъ:
А море лютое кончину приближало;
Кидаться въ воду надлежало,
И къ берегу поплыть,
Когда не хочется на днѣ конечно быть;
Однако въ воду не бросались;
Одной молитвою спасались;
Хоть Богъ имъ явственно сей мыслію сказалъ:
Кидайтеся въ валы, и берегъ показалъ.

На погубленіе корабль составленъ;
Лишъ кормщикъ разуму послѣдуя избавленъ:
А прочія молясь погибли въ кораблѣ:
Лишъ кормщикъ хоть и нагъ остался на землѣ.
Когда приступомъ Магомета,
Византія была со всѣмъ осаждена:
Имѣя жителей премножествомъ полсвѣта,
Единымъ только тѣмъ она побѣждена,
Что зрѣлу разуму они не покорились,
И всѣ, вбѣжавъ во храмъ, во храмѣ затворились.

XXXV.

Двѣ Козы.

Когда то двѣ козы вотъ такъ то жизнь тѣряли;
Собаки вмѣсто паркъ ихъ время пряли;
Всей силой козы въ лѣсъ отъ нихъ текутъ;
Однако за собой и псовъ они влекутъ;
Но быстростію ногъ злодѣевъ увѣряли,
Что скроются въ лѣсу,
А имъ одинъ желвакъ оставятъ на носу:
Такія мысли псамъ двѣ козочки вперяли.
Въ лѣсъ узкой былъ проходъ;
Не можно вдругъ волочь въ ворота двухъ подводъ.
На почтѣ добѣжавъ до самыхъ тѣхъ воротъ,
Остались они спасенія въ надеждѣ;
Однако завели двѣ дуры разговоръ:
Вступили въ споръ,
Которой дурѣ преждѣ,
Ийти на Пановъ дворъ:
Не къ стати тѣ запѣи:
Я внука Амалтеи:
А я отъ той козы, котору Галатеи,

ВЪ даръ далъ Циклопъ,
Преславный Полифемъ единоглазный лопъ.
О знатномъ родѣ враки,
И парки и собаки,
Не много чтутъ:
Застали ихъ собаки тутъ,
И родословіе козамъ истолковали:
А именно: псы козъ до крошички склѣвали.

XXXVI.

Чурбаны.

Два сына у отца, и оба не въ нево:
А я не вѣдаю въ ково:
Да мнѣ жъ и дѣла нѣтъ ни мало до того.
Отецъ дѣтьми не можетъ овладѣти;
Родитель тупъ и остры дѣти.
Дуранъ,
Дурачеству ихъ учитъ
Рабятокъ мучитъ:
Они не слушаютъ тѣхъ вракъ,
И мысль имѣя смѣлу,
Хотятъ учиться дѣлу.
Онъ былъ гораздо старъ;
Утухъ любовный жаръ,
И не приходитъ въ умъ любовный дѣду голодъ,
Который чувствовалъ какъ былъ еще онъ молодъ;
Въ крови и день и ночь у дѣда только холодъ;
Такъ нѣтъ отъ дѣдушки плода;
Хотя жена и молода;
Земля плодовъ безъ солнца не рождаетъ;
Старикъ дѣтей другихъ не ожидаетъ:

А естьли бы жена рабенка родила;
Такъ дѣду бъ ета вѣсть не радостна была.
Старикъ велѣлъ подать себѣ чурбановъ,
И вырѣзалъ болвановъ.
Родились дѣтушки: онъ вопитъ: какъ хочу,
Своихъ я дѣтушекъ теперь поворочу.
Отъ молчаливости они не множко скушны;
Однако завсегда родителю послушны.

XXXVII.

Летящая Черепаха.

Пренебрегая солнца жаръ,
Вотъ новый возлѣтеть стремится мой Икаръ,
Какъ будто птаха:
Понашему ей имя черепаха,
Прося орла съ покорностью стеня:
Пожалуй поучи летать меня.
Намъ быть пѣитами способно,
Коль азъ да буки мы умѣемъ прочитать:
А ето не удобно,
Чтобъ былъ когда успѣхъ безъ крылій въ верьхъ летать;
На низъ такъ можно;
Лишъ только бъ было то немножко осторожно,
И вмѣсто всякова въ летаніи добра,
Не поврѣдить ребра.
Орелъ хахочетъ,
А птаха все хлопочетъ:
И естьли въ вѣрьхъ не льзя, на низъ летѣти хочетъ.
Въ когтяхъ орла летитъ подъ небеса,
И видитъ подъ собой и горы и лѣса:
Слетѣла въ низъ, погибла:
Какъ кожа ни толста всю въ дребезги разшибла.

Пегасъ быстряй орла и вышибитъ весь сокъ:
А и Парнассъ высокъ;
Потребны къ музамъ мысли свѣжи;
Такъ помните вы то парнасскія невѣжи!

XXXVIII.

Чинолюбивая Свинья.

Извѣстно то, что многимъ
Чины давно вошли въ оброкъ четвероногимъ;
Калигулы коню великое давно,
Достоинство дано;
Однако не одни лошадки,
Имѣли таковы припадки;
Но многія скоты,
Носили безъ плодовъ почетныя цвѣты.
Взмурзилась и свинья; чтобъ ей повеличаться,
И чиномъ отличаться;
За чимъ де болѣе всево на свѣтѣ чтутъ;
Такъ точно главное достоинство все тутъ;
А безъ того была какая бы причина,
Искать и добиваться чина.
Отказано свиньѣ; въ ней кровь кипитъ:
Свинья свиньей храпитъ,
Свинья змѣей шипитъ,
И отъ досады той не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ.
О чемъ свинья хлопочетъ!
Какой то Философъ то видитъ, и хахочетъ,
И говоритъ онъ ей: безумная свинья!
Скажи голубушка моя,
Къ чему названія свинья пустова хочетъ?
Она отвѣтствуетъ ему:
Къ тому,

Чтобъ было сказано когда о мнѣ въ банкетѣ,
Какъ я войду въ чины:
Превосходительной покушай ветчины.
Онъ ей отвѣтствовалъ: коль нѣтъ меня на свѣтѣ;
Начто мнѣ чинъ душа?
Свинина же при томъ не чиномъ хороша.

XXXIX.

Орелъ.

Орелъ летитъ;
И воздухъ весь подъ нимъ колебляся свиститъ:
Онъ тучи попираетъ,
И къ солнцу свой полетъ отважно простираетъ,
И всю подсолнечну оттолѣ озираетъ
Онъ выранилъ перо въ полетѣ изъ крыла:
И стало копѣйцо отъ етова стрѣла.
Стрѣлокъ орла подмѣтилъ,
И въ самыхъ облакахъ стрѣлой орла осѣтилъ;
Падетъ орелъ и падъ сіи слова вѣщалъ:
Когда онъ томный духъ изъ тѣла испущалъ:
Съ тоской мой боль умноженъ,
Что прежде былъ летя я толь неосторожденъ:
Далъ самъ изъ крылъ моихъ оружье на себя.
О ты перо мое, кончаюсь отъ тебя!

XL.

Ворона и Вороненокъ.

Когда врагами сталъ весь честный свѣтъ тебѣ;
Не сыщешъ ты нигдѣ убѣжища себѣ.

У воронихи,
Дни были нѣкогда для ней гораздо лихи;
Ея любезный сынъ безмѣрно занемогъ:
Свалился съ ногъ,
И на постелѣ,
Едва держался духъ у вороненка въ тѣлѣ;
Страдаетъ духъ,
И хочетъ покидать и перья онъ и пухъ.
Мать сѣтуетъ и плачетъ безъ утѣхи;
Но смерти плачъ не дѣлаетъ помѣхи.
А сынъ увѣщевалъ ее и говорилъ:
Чтобъ рокъ твою печаль въ веселье претворилъ;
Проси ты матушка, проси всѣмъ сердцемъ нынѣ
Боговъ, о мнѣ своемъ любезномъ сынѣ!
Отвѣтствовала мать: о сынъ, о кровь моя!
Въ послѣдній разъ тебя я вижу предъ собою!
Къ которому, увы! прибѣгну богу я;
Ихъ жертвы крадены сынокъ мой всѣхъ тобою.

XLI.

Олимпу посвященныя деревья.

Безсмертны преклонивъ Олимпъ и небеса,
Себѣ избрали древеса:
Венера мирту, дубъ Юпитеру попался,
Къ зѣленой Дафнѣ Фебъ усердно прилипался:
Минерва подъ покровъ оливу избрала,
Одна она съ плодомъ изъ тѣхъ деревъ была.
Минервѣ дивно то, начто богамъ безплодны
Деревья, и ни въ чемъ съ ихъ честію несходны.
Юпитеръ отвѣчалъ имъ титла наша честь.
Минерва говоритъ: да нечево съ нихъ ѣсть;
Такъ слава суетно себѣ почтѣнья проситъ
Когда она плода народу не приноситъ.

XLII.

Прозьба Венеры и Минервы.

Незнающихъ любви Венера поносила,
И нѣкогда она Юпитера просила,
Чтобъ бросилъ онъ свой громъ на сихъ людей.
И здѣлалъ то Юпитеръ ей:
Сразилъ полки людей,
Сосущихъ молоко изъ матерьнихъ грудей,
И тѣхъ, которыя себя хотя познали,
Но только чудь еще ходити начинали.
Отъ горести такой,
Отцовъ и матерей повсюду слышанъ вой.
Невѣжъ и дураковъ Минерва поносила:
И такъ же и она Юпитера просила,
Чтобъ бросилъ онъ свой громъ на сихъ людей.
Юпитеръ онаго не здѣлалъ ей,
И инако слова сіи встрѣчаетъ,
И тако отвѣчаетъ:
Надежды долженъ сей я въ вѣкъ тебя лишить;
Когда не восхочу земли опустошить.

XLIII.

Любовь и Дурачество.

Дурачество браниться смыслитъ,
И бранныхъ словъ не числитъ,
Когда сердясь разинетъ ротъ.
Съ дурачествомъ посеорился Еротъ,
И мысль имѣя смѣлу,
Въ нево бросаетъ остру стрѣлу;
Но лишъ ево до реберъ только хлопъ:
А топъ ево дубиной въ лобъ:

И выбивъ у младенца очи,
Ему содѣялъ день темняй осенней ночи;
Такъ боги за ето дурачество плѣтьми:
Со приговоромъ тѣмъ: напредки дней не тьми!
А чтобъ Еротъ не збился со дороги;
Велѣли боги
Дурачеству, ево водить;
Не можетъ безъ нево съ тѣхъ дней Еротъ ходить.

XLIV.

Льдина и Камень.

Рабенокъ и дуракъ то было совокупно,
Сыскалъ дурачество другому не приступно,
И въ самой центръ невѣжества влетѣлъ.
Гораздо нѣкогда онъ кушать захотѣлъ:
Къ ядѣ почувствовавъ въ желудкѣ жаркой пламень,
И въ ледникъ корму красть не знаю какъ зашелъ:
А въ ледникѣ тотчасъ обѣдъ себѣ нашелъ:
И льду взялъ тамъ кусокъ и камень;
Однако жаръ алчбы ни мало не утухъ;
Ледъ холоденъ, а камень сухъ:
Въ печи кусокъ холодной грѣетъ;
Кусокъ холодной прѣетъ:
И выпрѣлъ изъ нево въ горячей банѣ духъ.
А тѣло
Толико жъ пропотѣло,
Что только лишъ о немъ единъ остался слухъ.
Надъ пищей етой умъ у поваренка тьмится:
А поваренокъ мой стремится,
Сухой кусокъ поразмочить,
И умягчить.

Не то о камнѣ, что о льдинѣ;
Изъ перьваго куска мой поварѣ выжалъ сокъ:
А сей ево кусокъ,
Ни мало не размокъ,
И здравствуетъ еще лежа въ водѣ и нынѣ.

XLV.

Отпускная.

Корабль отъ бури въ морѣ тонетъ;
Народъ на суднѣ стонетъ:
Слугѣ хозяинъ тутъ отпускную даетъ;
Но въ ней ужъ пользы нѣтъ;
И безъ отпускной льзя ийти на оный свѣтъ.
Нѣтъ мѣста благости фортуны нѣтъ и злобѣ;
Когда моя нога уже во гробѣ.

XLVI.

Непреодолѣваемая природа.

Не сыщешъ рыбы въ лужѣ,
Колико во трудахъ прилѣженъ ты ни будь,
И цѣлой годъ хотя ты въ лужѣ рыбу удь:
Не сыщешъ никогда ты розы въ зимнѣй стужѣ,
Ни мягкости во чорствомъ калачѣ,
Ни жалости во пьяномъ полачѣ,
Ни разума въ безмозгломъ ревмачѣ.
Ворону говорить училъ учитель:
Ворону сѣкъ, и былъ воронинъ онъ мучитель:

И надъ наукою ворону онъ моритъ;
Ворона ни чево не говоритъ.
Не здѣлаешъ во вѣкъ красавца изъ урода;
Ни кто тово не дастъ чево не дастъ природа.

XLVII.

Лисица и Йожъ.

Противностью указа,
Когда не хочешъ быть нещастливъ больше раза;
Такъ дѣлъ не преноси въ приказы изъ приказа.
Хотѣла переплыть черезъ рѣку лиса,
И въ тинѣ плывучи увязла:
И болѣе часа,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ погрязла,
Терзаема отъ мухъ,
Томитъ и мучитъ духъ:
Увидѣлъ ето йожъ и сжалился надъ нею:
А сжалясь говорилъ: я мухъ гонять умѣю:
И естьли хочешъ ты, я ето учиню,
И всю сію толпу мухъ тотчасъ отгоню.
Лисица говоритъ. не надобно: да что же?
Вотъ то: сіи уже къ моей прилипнувъ кожѣ,
Довольно напились, и ужъ не много пьютъ:
А естьли сгонишъ ихъ другія сядутъ тутъ,
И кровь мою со всѣмъ до капли изсосутъ.

XLVIII.

Ружье.

Среди дни бѣла волкъ къ овечушкамъ бѣжитъ:
Имѣлъ пастухъ ружье; вздремалъ ружье лежитъ;
Такъ волкъ озрѣвшися не очень и дрожитъ.
Ружье ево стращаетъ,
И застрѣлити обѣщаетъ:
А волкъ отвѣтствуетъ: гроза твоя мѣлка;
Ружье не дѣйствуетъ, съ нимъ нѣтъ когда стрѣлка:
Худая безъ нево тобой овцамъ отрада,
И къ лѣсу потащивъ овечушку изъ стада,
Сказалъ нашъ волкъ: лѣсъ етотъ очень густъ;
Такъ ежели меня друзья сыскать вамъ нада
Вотъ етта буду я; стрѣляйте въ етотъ кустъ.
Сокрылся волкъ, овца за трудъ ему награда.
А слѣдующу рѣчь я знаю наизустъ:
Коль истинны святой начальники не внемлютъ,
И беззаконниковъ не наказуя дремлютъ;
Начто законъ?
Иль только для того, чтобъ былъ написанъ онъ?

XLIX.

Птичникъ и Скворецъ.

Чтобъ городъ былъ народенъ,
Потребно, чтобъ народъ былъ веселъ и свободенъ;
Дабы блаженство въ немъ съ довольствіемъ текло,
И къ жительству людей стремительно влекло.
Разставленную сѣть скворецъ на древѣ сидя,
Въ лѣсу увидя,
Спросилъ у птичника: скажи ты мнѣ, мой другъ:
Начто такой заборъ обвелъ ты етта вкругъ?

А тотъ отвѣтствовалъ: то города границы,
Въ который прилетятъ со мною жити птицы.
Скворецъ съ охотою ко птичнику слетѣлъ;
Но вылетѣть не льзя, колико ни хотѣлъ:
И выдираяся, колико ни потѣлъ,
Стоналъ, и возопилъ: жилище ето строго:
И будетъ жителей въ семъ городѣ не много!

L.

Кувшинъ.

Потребны вымыслы всево на свѣтѣ болѣ.
Нашла кувшинъ ворона въ полѣ:
А въ немъ на днѣ вода;
Хотѣлось ей попить; да то ея бѣда:
Вода низка; такъ носъ не дошагнетъ туда.
Кувшинъ перевернуть; польется вонъ вода:
Кувшинъ на правой бокъ; польется же вода:
Кувшинъ на лѣвой бокъ; польется же вода:
Кувшинъ оставить такъ; начто же въ немъ вода?
Отъ юга,
Съ востока, съ запада и съ сѣвѣра бѣда;
Мала воронушкѣ кувшинова услуга;
Побѣждена вода,
Колико ни упруга:
Ворона камешки кладетъ туда;
И поднялась вода.

LI.

Козленокъ.

Къ козленку волкъ пришедъ, разинулъ зѣвъ,
И просится во хлѣвъ:
Сынкомъ зоветъ рабенка;
Однако обманутъ не можетъ онъ козленка;
Колико ни твердитъ, пусти ты мать во хлѣвъ;
Нарѣчіе ево грамматикою чахнетъ,
И волкомъ пахнетъ.
Козленокъ отвѣчалъ: дружокъ, такой мой толкъ:
Я знаю то, что мать моя коза, не волкъ.

LII.

Тѣленокъ.

Тѣленокъ кормленый убитъ:
Нутръ вынутъ,
И изъ нево кусокъ сабакѣ кинутъ;
Но мяса песъ не ѣстъ, и говоритъ:
Я помню каково тому, кто очень сытъ:
А естьли ето я забуду;
Такъ самъ я скоро пищей буду.

LIII.

Безмозглая голова.

Начто и голова, когда ума въ ней нѣтъ;
Вить я людскихъ головъ не жарю,
Нашедъ лисица харю,
Ей ето говоритъ: безмозгла ты мой свѣтъ;
И мнѣ не надобна ни въ ужинъ, ни въ обѣдъ.

LIV.

Кружка.

Лилось вино изъ кружки,
И вылилось оно у кружки все изъ нѣдръ:
Худыя то вину хорошему игрушки.
Вино фалерное то было пишетъ Федръ:
А я другое здѣсь вино напоминаю;
Причина та, что я фалернскова не знаю;
То было не оно:
А было то венгерское вино;
Съ Горацiемъ мнѣ въ вѣкъ попить не удалося:
Венгерское лилося!
Вино все вытекло до дна,
И въ кружкѣ не было ни капельки вина:
А кружка пахла; лъзя знать было безъ догадки,
Что были въ ней вина венгерскова остатки.

LV.

Калигулина Лошадь.

Калигула любовь къ лошадушкѣ храня,
Поставилъ консулемъ коня;
Безумну цесарю и смрадному маня,
Всѣ чтутъ бояриномъ сiятельна коня:
Превосходительствомъ высокимъ титулуютъ:
Какъ папу въ туфлю всѣ лошадушку цѣлуютъ:
Въ сенатѣ отъ коня и ржанье и вонь.
По преставленiи Калигулы сей конь,
Хотя высокаго указомъ былъ онъ роду,
Не кажется уже Патрицiемъ народу,
И возитъ Консуль воду.

Невтонъ,
Не бравъ рецептами къ почтѣнію лѣкарства,
Въ почтѣньи жилъ безъ барства,
Въ почтѣньи умеръ онъ.

LVI.

Стряпчій.

Какой то человѣкъ ко стряпчему бѣжитъ:
Мнѣ три ста, говорилъ, рублей принадлежитъ:
Что дѣлать надобно тяжбою, какъ онъ чаетъ:
А стряпчій отвѣчаетъ:
Совѣтъ мой тотъ:
Поди и отнеси дьяку рублей пять сотъ.

LVII.

Сократовъ Домъ.

Сократовъ хуленъ домъ, за то, что домъ былъ малъ,
И дружескимъ бесѣдамъ тѣсенъ;
Сократу слухъ такой гораздо былъ чудесенъ:
Сократъ на то сказалъ:
Друзей числомъ большимъ пускай безумцы льстятся;
Мои друзья въ одномъ чуланѣ умѣстятся.

LVIII.

Пастухъ Мореплаватель.

Имѣвъ веселы дни и нетревожны ночи,
На берегахъ морскихъ скотину пасъ пастухъ,
Красою естества увеселяя духъ,
Увеселяя слухъ,
И обоняніе и очи:
Душа ево вездѣ
Приятство находила,
И беспокойствія нигдѣ
Ему не наводила.
Въ приятный нѣкогда зря вѣчеръ, на водахъ
Плывущи корабли, помыслилъ о судахъ:
И что не видитъ онъ ни страха, ни препятства,
Плывущимъ по морямъ искателямъ богатства,
И что отъ бури не всегда,
Смущается вода,
И что отъ вѣтра злова,
Смущаются подобно иногда,
Лугъ, нивы, рощи и дуброва.
Онъ роспродалъ овецъ: собрался онъ въ отъѣздъ,
Жилище то оставилъ,
Гдѣ Флору и Помону славилъ,
И отлучается отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ,
Нарциссы гдѣ цвѣли, гдѣ розы обитали,
Гдѣ всякой къ розамъ день зефиры прилетали,
Гдѣ солнечны лучи по зѣлени блистали,
И прохлажала древъ во время жара тѣнь,
Гдѣ нѣжная свирѣль играла всякой день,
И соловьи свистали.
Пастухъ надеждою богатства обольщенъ,
И для ради обѣимъ жизни слезной,
Растался со своей пастушкою любезной,
И изъ объятія прекрасной отпущенъ.

Съ водою отъ нея спокойство утекаетъ;
Уже на кораблѣ онъ волны разсѣкаетъ.
На завтрѣ пастуховъ мятется въ морѣ зракъ;
Пучина подъ ногой, надъ головою мракъ:
Тамъ туча бездну возмущаетъ,
И гнѣвнаго приходъ Борея предвѣщаетъ;
Сводъ неба весь темнелъ,
Долъ моря посинелъ,
И плещетъ пѣна:
Ужасна видится природы всей премѣна.
Явился злой Борей,
Въ жестокости своей:
Разверзъ уста и ревомъ дуетъ;
Мятется бездна и волнуетъ:
На суднѣ паруса визжатъ,
И снасти всѣ дрожатъ:
Корабль до облакъ возбѣгаетъ:
Возноситъ валъ ево и въ пропасть низвергаетъ.
Врученный сей корабль Борею и судьбамъ,
Безъ управленія летаетъ по водамъ:
Отрѣзало по томъ сей бурею кормило,
И мачты поломило:
И вдругъ Борей корабль о камень весь разшибъ;
Разрушился тотчасъ корабль и въ мигъ погибъ.
Спасенія не зря нещастливыя стонутъ,
Впослѣднія зря свѣтъ трепѣщутся и тонутъ:
Корысть невѣрнова въ край свѣта понесла;
Но для любовницы судьба ево спасла,
И доску бѣднаго руками ухватила,
На коей пастуха къ пастушкѣ возвратила.
Надежда у нево скотину отняла;
Пастушкина любовь ему скота дала:
И скотъ по времени фортуна развела.
Онъ нѣкогда смотрѣлъ опять на тихо море;
Съ приморскія земли,

И на плывущи кораблИ:
И вспомня прежне горе,
ВѢщаетЪ онЪ: о море, море!
ОтнимешЪ у меня ты деньги ужЪ не вскорѢ.
Не ластися ко мнѢ опять маня кЪ судамЪ:
И вѢдай ты, что я уже твоимЪ водамЪ,
На предки никогда ни шелега не дамЪ.

LIX.

ОсужденникЪ и ЛевЪ.

ПроконсульскоЙ слуга во АфрикѢ утекЪ;
Но сей сыскался человѢкЪ.
Что я скажу о немЪ, тому повѢрить можно;
СвидѢтель АппіонЪ; такЪ я скажу не ложно.
ПоиманЪ рабЪ, и вЪ РимЪ рабЪ бѢглый приведенЪ,
И кЪ смерти осужденЪ.
Исполненны боязни,
Ведутся грѢшники на мѢсто лютой казни,
И быть растерзанны отЪ яростнаго льва.
Кого не устрашитЪ кончина такова,
И кто не вострепѢщетЪ,
Коль смерти передЪ нимЪ сія коса заблещетЪ!
Уже собрался градЪ кЪ позорищу сему;
И выведенЪ ужЪ левЪ ко дѢйству своему;
Во осужденныхЪ кровь предЪ дѢйствомЪ замерзаетЪ:
ОдинЪ по одному
НеволѢю со львомЪ сразится дерзаетЪ:
СЪ лютѢйшей яростью нещастныхЪ левЪ терзаетЪ.
И сей рабЪ выведенЪ, который убѢжалЪ:
Ужасная кончина зрима;
ОмлѢлЪ и задрожалЪ;
Не будетЪ больше зрѢть и свѢта онЪ и Рима:

Левъ бросился къ нему разинувъ страшный зѣвъ ;
Но вдругъ остановился левъ ,
И озираетъ онъ невольника прилѣжно :
По томъ любовь со жалостью смѣся ,
И въ видѣ ласковомъ веселье износя ,
Онъ лапами сево раба объемлетъ нѣжно :
Всѣ зрители пришли во удивленье симъ ;
И отъ чево сіе не понималось имъ ;
Но жизнь раба не прекращенна ,
Вина ухода отпущенна ,
Свобода возвращенна :
Ко изліянію такихъ ему отрадъ ,
Со щедрою судьбой согласенъ былъ и градъ :
Отъ пагубы раба звѣрь дикій избавляетъ :
Андродъ , рабъ тако слылъ , гражданамъ объявляетъ :
Какъ я ушелъ ,
Въ пустыняхъ нѣкогда къ великому мнѣ страху ,
Бѣжалъ сей левъ ко мнѣ съ пресильнаго размаху ,
И въ ужасѣ меня трепѣщуща нашелъ ;
Но всю оставивъ люту грозу ,
Ласкаетъ онъ меня ,
И предомной стеня ,
Боль чувствуя казалъ мнѣ въ лапѣ левъ занозу ;
Я вонъ ее извлекъ : левъ ластился ко мнѣ :
И жилъ по томъ я кущно ,
Въ пустынной той странѣ ,
Съ звѣремъ неотступно :
Когда прошла съ нимъ жить охота тамъ моя.
Хотя я жилъ и безъ боязни ;
Сокрывшись тайно я ,
Пойманъ , изведенъ на мѣсто лютой казни.

LX.

Истинна.

Хотя весь свѣтъ
Изрыщешъ,
Прямыя истинны не сыщешъ;
Ее на свѣтѣ нѣтъ;
Семь тысячь лѣтъ,
Живетъ
Она высоко,
Въ такихъ мѣстахъ, куда недолетаетъ око,
Какъ быстро взоръ ни понеси:
А именно живетъ она на небеси;
Такъ я тебѣ скажу объ етомъ поученье:
О чемъ ты сѣтуешъ напрасно человѣкъ,
Что твой не дологъ вѣкъ,
И скоро нашихъ тѣлъ со духомъ разлученье?
Коль свѣтъ наполненъ суеты;
Такъ ясно видишъ ты,
Что все на свѣтѣ семъ мѣчты:
А наша жизнь не жизнь; но горесть и мученье.

LXI.

Надежда.

Надежда нашими сердцами обладаетъ,
И часто суетнымъ веселъемъ услаждаетъ:
Надѣюся имѣть я тысячу рублей;
Однако столько же они въ машнѣ моей,
Какъ тѣ, которыя въ машнѣ моей лежали,
И убѣжали:

Что было у меня и отъ меня ушло,
То стало не мое ужъ болѣ:
А что меня еще по нынѣ не нашло;
Подобно не въ моей же волѣ;
Къ чему жъ мѣчтанье плесть.
Что было,
То сплыло:
Что можетъ быть; такъ то моимъ еще слыло:
Мое лишъ только то, что есть.

LXII.

Брѣдъ.

На что будить, когда кто сладкой видитъ сонъ?
Былъ нѣкакой дѣтина:
А по просту скотина:
И спящу услужилъ по скотски другу онъ.
Любилъ ево пріятель дѣвку;
Да не въ издѣвку;
Вздыханьями онъ сердце все раздулъ:
Онъ такъ ее любилъ, какъ любятъ нѣжны души:
Въ любовномъ озерѣ тонулъ,
По самы уши;
Но сряца у нее однако не тронулъ;
Она была упорна,
И на любовь ни мало незговорна.
Въ любовномъ помыслѣ онъ нѣкогда заснулъ,
И ту, которая любови ненавидитъ,
Въ хороминѣ своей какъ будто въ правду видитъ,
Грѣмитъ ево съ постели гласъ:
О треблаженный часъ!

Ты скоро мнѣ мою любезну присудишъ.
Приятель закричалъ: приятель мой ты брѣдишъ:
И разбудилъ ево:
А я не здѣлаю тово.

LXIII.

Глупость.

Каковъ дуракъ? мертвецъ каковъ?
И въ чемъ различіе у нихъ и дураковъ?
Какая разности у нихъ примѣта?
Дуракъ ворошится, и ѣстъ и пьетъ,
А мертвой нѣтъ.
Къ чему расказка ета?
Къ тому, что глупыя лишъ только бремя свѣта.

LXIV.

Супружество.

Тотъ во бракѣ мыслитъ имѣти сласти;
Безъ препятства жертвовать нѣжной страсти;
Кто похулить можетъ игры и смѣхи.
Нѣжной утѣхи!

*

Тай въ любви съ прекрасною въ вѣкъ женою;
Но прочти сплетенную басню мною;
Нѣчто прежде, нежели бракъ васъ свяжетъ,
Басенка скажетъ.

*

Усмотрѣла розу пчела прекрасну,
И имѣетъ душу она къ ней страсну,
Аромать собрать со прекрасной таетъ;
Къ ней прилетаетъ.

*

Сокомъ напоившися какъ хотѣла,
Изъ куста пчела насладясь летѣла;
Но одна ей въ сердце игла попала;
Мертва упала.

LXV.

Любовь.

Прохожій нѣкій въ полѣ,
Пришелъ на брегъ рѣки,
Ийти не можетъ болѣ;
Въ ней воды глубоки:
Прейду, мнитъ, только прежде
Пускай рѣка пройдетъ,
И стоя въ сей надеждѣ,
Конца желанью ждетъ.

*

Изображаетъ ясно,
То, пламень во крови,
Тово кто ждетъ напрасно,
Взаимныя любви:
Прохожева обманетъ
Текущая вода,
Тово любить не станетъ
Ириса никогда.

Конецъ III. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРИТЧИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Прохожій и Буря.

Едва прохожій бурю сноситъ,
И Зевса тако проситъ:
Ты больше всѣхъ Боговъ, Зевесъ;
Уйми ты ярости прогнѣванныхъ небѣсъ!
Гремитъ ужасный громъ и молнія блистаетъ,
Во мрачныхъ облакахъ по сферѣ всей лѣтаетъ;
А мракъ, дожди и градъ на землю низмѣтаетъ;
А изъ земныхъ изшедшій нѣдръ,
Шумитъ, реветъ по всюду вѣтръ:
Иль буду я въ сей день судбинѣ злой ловитва?
Пренебрегается молитва,
И гласъ ево сей пустъ и празденъ небѣсамъ,
Что дѣлаетъ Зевесъ, то вѣдаетъ онъ самъ.
Разбойникъ, въ оной часъ, въ кустахъ отъ бури
скрылся,
И будто въ хижину подземную зарылся;

Но видя изъ куста прохожева въ пути,
Не можетъ онъ ни какъ на добычу нейти,
Не помня святости, онъ мысль имѣетъ смѣлу,
И на прохожева напрягъ онъ остру стрѣлу;
Пустилъ: но сей ударъ погибъ,
Ее противный вѣтръ отшибъ.
Безъ бури бы душа прохожева изъ тѣла,
Конечно въ воздухъ полетѣла.

II.

Змѣя и Слонъ.

Была змѣя, и вздумала она
Повергнути слона,
И стала строга
Противъ сего скирда, хоромины, иль стога.
Ланцетъ во рту взяла,
Пришла она къ горѣ и подымаетъ брови,
Цырюльникомъ змѣя была,
Пускательницѣй крови,
И кровь она влѣчетъ:
Изъ жилы у слона потокомъ кровь течетъ.
Змѣя вольнувся въ жилу дѣду,
Преславную свою предчувствуетъ побѣду.
Пуская стонъ,
Барахтается слонъ,
А та свою побѣду славитъ.
Падетъ хоромина сія,
Падетъ и подъ собой цырюльника онъ давитъ:
Скончался слонъ, скончалась и змѣя.

III.

Лисица и Кошка.

Лисица съ кошкою средь рощицы гуляла,
И кошкѣ похваляла
Проворство своево ума;
А кошка говорила:
Ты много куръ у насъ, дружокъ, переморила;
Я знаю то сама,
Что кушанье себѣ изъ кражи ты готовишь.
Напрасно ты меня злословишь,
И ты мышей вить ловишь.
Ловлю:
Однако я тебѣ вотъ это объявлю:
Господской на ето имѣю я приказъ;
Вить непоказано квартиры имъ у насъ;
Живутъ безденежно, воруютъ повсечасно,
Уносятъ кормъ, какой найдутъ;
Гоняютъ ихъ, они изъ дома вонъ нейдутъ,
Такъ ихъ терпѣть напрасно;
А ты у насъ цыплятъ перевела,
Хозяйка етова приказа не дала,
Не для тебя цыплята наши хлебны,
Они, дружочикъ мой, и намъ самимъ потребны,
Такъ лутчебы у насъ ты вѣчно не была.
Мѣжду премудрыхъ ты себя, голубка, числишь,
И мыслишь
О томъ лишъ, какъ тебѣ куреночка стесать,
Куряпинки поѣсть и крови пососать:
Но вдругъ пришла бѣда, пришло себя спасать.
Такъ кошка говоритъ: сестрица, повернися,
Или хотя, дружечикъ, оглянися;
Пришла минута, намъ попрыгать, поплясать.
Покинь ты враки,
Пришло теперь до драки,
За нами гонятся собаки,

Не шутка то, лиса;
Хвоста верченіе не много вить поможетъ,
И со хвостомъ тебя догнавъ, собака сгложетъ.
Минута настаетъ послѣдняго часа:
Лисица гордость отпѣхнула,
Трухнула,
И лисьи волосы отъ ужаса встряхнула.
Далеко убѣжать ни какъ неможно прочь,
И путается тутъ, какъ будто въ темну ночь,
А кошка
Ушла на дерево и смотритъ изъ окошка,
Какую дастъ лиса собакамъ дань,
И какъ окончится воинска ета брань.
Не пощадили псы хорошей лисьей шубы,
Раскрыли губы
И во премудрую лису вонзили зубы.

IV.

Заяцъ и Лягушки.

Испуганъ заяцъ и дрожитъ,
И изъ кустарника къ болоту онъ бѣжитъ;
Тревожатся лягушки,
Едва осталися въ нихъ душки,
И становятся въ строй,
Великой думаютъ явился имъ герой.
Трусливой заяцъ ихъ хотя непобѣждаетъ;
Однако досаждаетъ.
Я трусъ,
Однако безъ войны я далъ лягушкамъ тусъ.
Кто подлымъ родился, предъ низкими гордится;
А предъ высокими онъ ползая, не рдится.

V.

Александръ и Парменіонъ.

Войскъ вожду греческихъ, Царь перскій дщерь давалъ,
Полъ Азіи ему приданымъ обѣщаетъ,
Что бъ онъ ему спокойство даровалъ,
И чрезъОсловъ ево объ етомъ извѣщаетъ.
Парменіонъ такой давалъ ему совѣтъ:
Когда бы Александръ я былъ на свѣтѣ,
Я взялъ бы тотъ часъ то, что перскій Царь даетъ.
Во Александровомъ сей слышитъ мужъ отвѣтѣ;
Опівѣтствовалъ ему на слово ето онъ;
И я бы взялъ, когдабъ я былъ Парменіонъ.

VI.

Генрикъ IV. и Вдова.

Въ Парижѣ Генрикъ такъ Четвертой отвѣчалъ,
Какъ будто нѣкое онъ дѣло помѣчалъ.
Пришедъ ко Генрику вдовица говорила:
Мнѣ крайню женщина обиду сотворила:
Сказала, я вдовой четырехъ родила,
Злодѣйка на меня прегрубо солгала:
Король отвѣтствовалъ: не праведенъ свѣтъ нынѣ,
Приложитъ ко всему всегда по половинѣ.

VII.

Пучокъ лучины.

Нельзя дивиться, что была
Подъ игомъ Росская держава,
И долго паки не цвѣла,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великаго въ Европѣ царства,
И завсегда
Была вражда
У множества князей едина государства.
Я ето въ притчѣ подтвержу,
Которую теперь скажу,
Что Россовъ та была паденія причина:
Была пучкомъ завязана лучина;
Колико руки ни томить,
Нельзя пучка переломить.
Какъ Россы, такъ она разсыпалась подобно,
И стало изломать лучину всю удобно.

VIII.

Змѣя согрѣтая.

Змѣю мужикъ нашелъ, она гораздо дрябла,
Озябла,
Прикладываетъ онъ усердіе свое,
И отогрелъ ее.
Онъ думалъ ето такъ и здѣлать надлежало;
Она въ нево вонзила жало,
И говоритъ ему она слова сіи:
Не согрѣвай змѣи.

IX.

Шалунья.

Шалунья нѣкая въ бесѣдѣ,
Въ торжественномъ обѣдѣ,
Не брѣдила безъ словъ французскихъ ни чево,
Хотя она изъ языка сево
Не знала ни чево,
Ни слова одново:
Однако знаніемъ хотѣла поблистати,
И ставила слова французскія не къ стати;
Сказала мѣжду тѣмъ: я ѣду дѣлать куръ.
Сказали дурищѣ, внимая то сосѣдки:
Какой плетешъ ты вздоръ, куръ дѣлаютъ насѣдки!

X.

Медвѣдь танцовщикъ.

Въ Москвѣ случилося медвѣдю побывать.
Какую въ городѣ имѣть ему отраду?
Онъ отданъ маскараду,
Учиться танцовать;
А маскарады не наскучатъ
Хотя и ни чему они и не научатъ;
А музыканты вить не мучатъ,
Они здоровья не вредятъ,
Хотя ево и нещадятъ,
За деньги вить дурятъ.
Плясать медвѣдь изрядно научился;
А въ протчемъ тутъ не льзя ни въ чемъ искуснымъ быть;
Тутъ должно всѣ дѣла прямыя позабыть.
Со маскарадомъ сей танцовщикъ разлучился,

На полѣполушки тутъ онъ дѣла не нашелъ,
И тайно онъ ушелъ.
Во маскарадахъ онъ испорченной вздурился,
Въ танцовщика со всѣмъ медвѣдь перетворился,
Въ лѣса ушелъ и пляшетъ тамъ
По всѣмъ мѣстамъ.
Медвѣди ето видятъ,
И ремѣсло они безпрочно ненавидятъ,
И думаютъ они, на что въ Москвѣ оно,
Ни хлѣбъ, ни каша то, ни пиво, ни вино,
Къ чему тамъ учатся такому ремѣслу;
Мы лутче подражать хотимъ ослу;
Тотъ воду возитъ;
А ето рѣмѣсло ни грѣетъ, ни морозитъ,
И прибыли въ немъ нѣтъ на свѣтѣ ни какой
И скажемъ мы то смѣло:
Къ чему преславной градъ такой
Въ такое мѣлкое вмѣшался дѣло?
Иль скуки чѣмъ инымъ не можно утолить,
Не лутчели сію забаву отдалить?

XI.

Господинъ Лжецъ.

Не можно проглотить, не только много кушать
Несносной лжи тово,
Кто лжетъ, не помня ни чево,
И ни ково,
Ниже и себя самово;
И безо лжи не вретъ ни слова одново.
Былъ нѣкто лжецъ, ево
Не сносно было слушать;

Не сносна ложъ тогда, коль правды гибнетъ видъ:
Слуга сказалъ ему: твое мнѣ слово ложно
Приноситъ только стыдъ.
Что ты ни говоришъ, мнѣ слушать не возможно.
Въ чужихъ я краяхъ былъ съ тобою за всегда;
А ты о чемъ когда вѣщаешъ,
И не былицею безумныхъ обольщаешъ,
Я етова не видѣлъ ни когда.
А онъ приказывалъ: когда услышишъ точно,
Что нѣчто я солгу
Забывся, не нарочно:
Толкни меня: на чтожъ имѣю и слугу?
Господчикъ во бесѣдѣ,
На стулѣ, во обѣдѣ,
Слуга за стуломъ мнитъ, теперь ужъ я могу
Толкнуть ево, и честь ево обѣрегу.
Онъ справится, такъ ложъ во правду превратится,
И дядкою ево съ успѣхомъ быти лъстится;
А господинъ тогда извѣстье ново далъ,
Онъ нѣки капищи, не знаю, гдѣ видалъ,
Которы множество народа умѣщали,
И многія жрецы законъ имъ вдругъ вѣщали.
Народу многому иной тамъ храмъ отверстъ.
Одно тамъ капище длиною на пять верстъ.
Слуга толкнулъ ево и врать ему мѣшаетъ;
Господчикъ зданіе гораздо умѣншаетъ:
А шириной, сказалъ, то капище на перстъ.

XII.

Невѣста за столомъ.

Невѣста за столомъ сидѣла,
Пора вести невѣсту на подклѣтъ;
Во ужинѣ ей нужды нѣтъ.
Не ради етова она вѣнчалась дѣла;

Она и у себя въ тотъ день довольно ѣла.
Зѣваетъ дѣвушка, томя дѣвичій взглядъ,
И говоритъ: я мню, давно уже всѣ спятъ.

XIII.

Слѣпой и Безногой.

Слѣпой шелъ нѣкогда дорогой;
А на пути сидѣлъ безногой,
И говоритъ ему, дружокъ,
Безъ глазъ ты, я безъ ногъ:
Дай тѣсто, дамъ я крупъ, и здѣлаемъ пирогъ.
Возми меня, дружечикъ, на за корки:
Не устрашатъ тебя кустарники ни горки,
Ни темныя лѣса, ни восхожденье горъ,
Всегда въ часы дороги
Тебѣ мой взоръ,
А мнѣ твои, дружокъ мой, ноги.
Не будутъ намъ пути соединеннымъ строги,
Неподчинишся ты ни одному тузу;
А я ни гдѣ не поползу.
Другъ другу будемъ мы являти важну службу,
И утвердимъ мы дружбу.
Содѣлали тутъ скоръ
Полѣзный договоръ.
Гораздо странствовать полехче научились.
Не худо, что они не разлучились.

XIV.

ДругЪ невѢжа.

Для мужика была медвѣдева услуга,
Котораго имѣлЪ сей звѣрь себѣ за друга;
Обмахивалъ медвѣдь ево.
КакЪ нѣкогда онЪ спалЪ, анЪ здѣлалась проруха;
Ко спящу на носЪ сѣла муха:
Вступился звѣрь за друга своево,
УдарилЪ муху онЪ и сЪ друга содралЪ кожу,
И тутЪ ему расквасилЪ рожу:
ЗаохалЪ, застонялЪ
МужикЪ тутЪ лежа.
И какЪ исторію о мухѣ онЪ узналЪ;
Ко дружбѣ, мыслить онЪ, не надобенЪ невѣжа.

XV.

ПаукЪ и Служанка.

ТкалЪ сѣть себѣ паукЪ, не для своей забавы;
Но ради вѣчной славы:
Однако тщетна вся работа та была;
Не долго слава поцвѣла;
Служанка паука смяла,
И славу вѣчную всю щоткой отняла.

XVI.

КрасильщикЪ и угольщикЪ.

ХудыхЪ людей знакомства убѣгай,
И сердце кЪ чистотѣ единой прилагай:
ОтЪ нихЪ ты можешЪ очернитьея
И вѣчно осквѣрниться,
ОтЪ ихЪ бесѣдЪ.
КрасильщикуЪ былЪ угольщикЪ сосѣдЪ,

Красильщика караетъ,
Запудрилъ у нево весь домъ,
И вьяся пудра та столпомъ,
Всѣ краски у нево мараетъ.

XVII.

Ось и быкъ.

Въ лѣсу воспитанная съ нѣгой,
Подъ тяжкой трется ось телегой,
И не подмазанна кричитъ:
А быкъ, которой то везетъ, везя молчитъ.
Изображаетъ ось господчика мнѣ нѣжна,
Который держитъ худо щотъ:
По руски мотъ:
А быкъ крестьянина прилежна.
Страдаетъ отъ долговъ обремененной мотъ,
А етова не воспомянетъ,
Что пахарь изливая потъ,
Трудится и тягло ему на карты тянетъ.

XVIII.

Собака на сѢнокосѢ.

Собаку звали въ гости,
На требуху, на кости:
Она благодаритъ,
И говоритъ:
Пришла бы на обѣдъ я етотъ неотложно,
Да мнѣ ни какъ не можно.

А для чево? Ей былъ вопросъ.
Отвѣтствуетъ она, севодни сѣнокосъ.
Не будете меня, просители, вы хаять,
За то что я небуду къ вамъ;
Мнѣ тамъ,
Кричать хамъ, хамъ;
А попросту сказать, друзья, я буду лаять.
Великія дѣла,
На сѣнокосъ судьба собакѣ подала.
Утраты нѣтъ, хотябъ ты тамъ и небыла.

XIX.

Жаръ и Стужа.

Жена не любитъ мужа,
Къ нему у ней излишня стужа;
Къ любовнику излишній жаръ:
Обѣимъ ето имъ ударъ.
Мужъ алчетъ, и одно сухолденье гложетъ;
Тотъ сытъ и съ пищею исправиться не можетъ.

XX.

Возница пьяной.

Возница пьянъ, коней стѣгаетъ,
До самыхъ ихъ ушей онъ плѣтью досягаетъ:
А лошади ево за то благодарятъ,
И говорятъ:
За что ты лупишъ насъ? Къ чему тебѣ то нравно?
Веземъ и безъ того карету мы исправно;

Насилу здѣсь сидишъ, напитки ты любя,
И отъ того то ты противу насъ бесчиненъ;
Не мы, да ты напився виненъ;
Такъ должно бить тебя.

XXI.

Французской языкъ.

Въ Парижѣ говорятъ и малыя рабята
Французскимъ языкомъ;
Французской имъ языкъ съ младенчества знакомъ.
Такія маханьки учоны тамъ щенята,
Не знаю, кто сказалъ, во Франціи бывъ самъ:
У насъ рабятокъ учатъ,
Наукой мучатъ;
А тамъ
И не учася всѣ умѣютъ по Французски,
Какъ мы по Руски.

XXII.

Арапское лѣто.

Новоманерны дамы были,
И позабыли
Въ гостяхъ о лѣнточкахъ и платьи говорить.
Вить имъ по всякой часъ не все одно варить.
Былъ жаръ тогда великой;
Не часто видится въ Ишпаніи толикой.
Одна сказала тутъ,
Что жаръ былъ очень крутъ.

Я чаю, говоритъ, Арапско лѣто долѣ,
И что у нихъ жары еще и нашихъ болѣ.
Другая плюнула, сказавъ, по всѣмъ мѣстамъ
Такой же хладъ и жаръ; вить солнце тожъ и тамъ.

XXIII.

Посолъ Оселъ.

Въ Венеціи посломъ шалунъ какой то былъ;
Былъ гордъ и многимъ онъ довольно нагрубилъ.
Досадой на него Венеціанѣ дышутъ,
И ко двору о томъ, отколь посолъ былъ, пишутъ.
Тамъ вѣдаютъ уже о тмѣ посольскихъ врак.
Отвѣтствуютъ: его простите, онъ дуракъ.
Не будетъ со осломъ у человѣка дракъ.
Они на то: и мы не скудны здѣсь ослами;
Однако мыословъ не дѣлаемъ послами.

XXIV.

Дуракъ и Часы.

По виду шелъ дѣтина:
По разуму скотина;
Увидѣлъ солнечны часы.
Онъ вѣдалъ, вѣрныя всегда равны вѣсы;
А тутъ не равенство съ своими онъ часами
У солнечныхъ часовъ нашелъ,
И прочь пошелъ,
Сказавъ: и солнушко гуляя небесами
И проходя всякъ день обширны небеса,
Отстало два часа.

XXV.

Цыганка.

Цыганку женщина дарила,
И говорила:
Рабёнка я имѣть хочу,
Ты здѣлай мнѣ, я ето заплачу.
Цыганка говоритъ на ету рѣчь погану:
Поди къ цыгану.

XXVI.

Братъ и Сестра.

Братъ мотъ, сестра ево журила,
И говорила:
Доколь тебѣ мотать,
Пора и перестать.
Онъ ей отвѣтствовалъ: во злой живу я долѣ.
Но только ты, сестра, отстанешъ отъ любви,
И я мотать не буду болѣ.
Поступкомъ ты своимъ дорогу мнѣ яви,
И въ постоянствѣ жить по гробъ мы будемъ оба.
Сестра отвѣтствуетъ; мотать тебѣ до гроба.

XXVII.

Рабята и Ракъ.

Рабятки у рѣки играли,
Не дожидаяся ни ссоръ ни дракъ.
Анъ выползъ ракъ.
Шаля ево рабятки въ руки брали.

Заставлю я мнитъ онъ, ихъ пѣсенку запѣть;
Мнѣ стыдно отъ рабятъ ругательство терпѣть:
Давнулъ у одново, прогнѣвався онъ, пальчикъ,
И завизжалъ тутъ мальчикъ:
Кричатъ рабятки всѣ, бездушникъ онъ, и плутъ;
И здѣлали они надъ ракомъ судъ.
Не станешъ, говорятъ, на предки куролѣсить.
Хотятъ ево повѣсить;
Да нѣтъ веревки тутъ, такъ суетна та рѣчь;
Инъ голову отсѣчь.
Хваля такой предлогъ рабятки величали
И всѣ они кричали:
Ура, ура,
Пора, пора.
Да нѣтъ и ножика, не только топора.
Пораненой кричитъ, ему то всѣхъ важняе,
Отмщеніе ему гораздо всѣхъ нужняе:
Я самъ злодѣю казнь, рабята, изрѣку:
Возмемъ и бросимъ мы бездѣльника въ рѣку.
Они сей вымыселъ и больше величали,
И болѣе еще и прежняго кричали:
Ура, ура,
Пора, пора.
Не будетъ отъ него на предки больше страху,
Не будетъ болѣе ево на свѣтѣ праху.
Пришла достойная разбойнику кара,
И бросили ево въ рѣку они съ размаху.

XXVIII.

Мужъ пьяница.

Мужъ пьяница; жена всякъ день ево журитъ
И говоритъ

Друзьямъ ево она: я мужа постращаю,
И отъучить отъ пьянства обѣщаю.
А какъ?
Вотъ такъ.
Когда напьется онъ и потѣряетъ силу
И помышленія, снесу ево въ могилу,
И сверьху прикрѣплю доской,
А не землей; проходъ дышать ево дамъ рылу.
Отъ етова вить онъ
Не треснетъ,
Воскреснетъ:
А сей увидя страшной сонъ,
Что онъ отъ водки мертвъ, напитокъ позабудетъ,
И пить не будетъ.
Исполнила она
Тотъ вымыселъ, какъ умная жена.
Пришла къ нему на гробъ, притворствуя рыдаетъ,
Кричитъ: животъ меня подобно покидаетъ,
И прекращается тоской,
Надъ гробовой твоей, любезный мужъ, доской.
Онъ тамъ очнулся,
На ономъ свѣтѣ, мнитъ, въ могилѣ онъ проснулся,
На вѣчной отошелъ покой,
И вопитъ: жонушка, за чемъ ко мнѣ приходишъ?
Уже супруга ты здѣсь мертваго находишъ.
Супруга думаетъ, супруга я спасла.
Отвѣтствуетъ жена: поминки здѣсь я правлю,
Поминокъ принесла,
И на могилѣ я блиновъ тебѣ оставлю.
А онъ отвѣтствуетъ, на что? . . . . .
Коль любишь ты меня, ...
Не надобны они: мнѣ ради мертвой глотки
Пойди и принеси въ могилу ты мнѣ водки.

XXIX.

Хвастунъ.

Шелъ нѣкто городомъ, но града не былъ житель;
Изъ дальнихъ былъ онъ странъ,
И лгать ему талантъ привычкою былъ данъ.
За нимъ ево служитель,
Слуга наемной былъ и города сезо,
Не изъ отечества ево.
Вѣщаетъ господинъ ему вѣщанья новы;
И говоритъ ему: въ моей землѣ коровы
Не мѣняе слоновъ.
Слуга ему плететъ и самъ расказенъ ковъ:
Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;
Слонихой лутче бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ;
А мы имѣемъ мостъ,
Къ нему теперь подходимъ;
По всякой день на немъ диковинку находимъ.
Когда взойдетъ на средину,
Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разойдется,
Лишъ только лжецъ найдется;
А лжецъ падетъ во глубину.
Пришѣзжій говоритъ: коровы то съ верблюда,
А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ.
Слоновьева звѣна не взрютишь на три блюда:
А ты скажи еще, каковъ бишъ вашъ атъ мостъ?
А мостъ атъ нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.
Такой имѣти мостъ,
Мой другъ, безчеловѣчно.
Коровы то у насъ
Поболѣ, какъ у васъ:
А мостъ атъ вашъ каковъ? Сказалъ уже я ето;
У насъ же и зимой рѣкамъ вѣсна и лѣто:
Намъ

Мосты всегда потребны по рѣкамъ.
Коровы то и здѣсь такіяжъ какъ и тамъ;
Мнѣ только на етотъ часъ ложно показалось,
И отъ тово то все неловко и сказалось;
А мостъ атъ вашъ каковъ?
Какъ я сказалъ, таковъ.
Проѣзжій говорилъ: коль ето безъ обману,
Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не стану.

XXX.

Новое лѢкарство.

Какой то человѣкъ тоскуетъ и груститъ,
Спокойства получить себѣ ни чѣмъ не льститъ;
И говоритъ: на смерть я грустію оставленъ,
Отъ ипохондріи я вѣчно не избавленъ.
Отвѣтствуетъ ему дуракъ:
Не брѣдь такихъ ты вракъ;
Отъ грусти пѣй вино и пиво;
Какое ето диво,
Что страждешъ, государь;
И сама подлая не страждетъ едакъ тварь:
Здоровье всякому всево, что есть дороже.
Да есть ли я просплюсь, такъ будетъ послѣ то же.
Напѣйся ты опять. Да будетъ послѣ что же?
Опять, опять попѣй; разумна мысль моя.
Во пьянствѣ грусти всѣ конечно позабуду:
Но чтожъ я послѣ буду?
Ты будешъ то, что я.

XXXI.

Лягушка.

Лягушка быть быкомъ хотѣла;
Она вздувалась и потѣла,
Да не прибавилося тѣла:
Ей трудъ
Былъ крутъ.
Ослабла у нея въ такой натугѣ душка,
А тѣло вздулося и стало какъ подушка:
Подушка лопнула и треснула лягушка.

XXXII.

Мышь и Быкъ.

Озлобясь быкъ, мышей переловилъ,
А по простy передавилъ.
И кажда мышь быка за ето поносила,
А нѣкая изъ нихъ подкрався укусила,
Ушла,
И норочку нашла.
Не трогаетъ ее въ норѣ быкова сила;
А быкъ
Во норки влазить не обыкъ,
Осталося быку предъ мышью погордиться
И посердиться.
Колико онъ рогами ужъ ни цѣль,
Не попадетъ своей рогатиной во щель.
А мышь ругаяся кричитъ: довольноль сыты
Твои разбойничьи копыты?
Не стыдноль мышь тебѣ имѣти за врага?
Велики у тебя рога,

А рыцарство гораздо маловато.
Зайди еще къ лягушкамъ ты во блато,
И тамъ еще свое геройство ты яви;
А послѣ блохъ передави.

XXXIII.

Кошка.

Читатель помни то, колико лѣсти злы:
Бугрочки не Кавказъ, а струйки, не валы.
Брегися ты себѣ излишней похвалы.
Мышей и крысъ ловила кошка,
На всякой по три день лукошка.
Хозяинъ кошку величалъ,
И о побѣдахъ сихъ вседневно онъ кричалъ,
И говоритъ онъ ей: ты кошка льва поймаешъ,
И изломаешъ.
Поймала кошка льва,
Да я не вѣдаю осталась ли жива.

XXXIV.

Совѣтъ боярской.

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ не былъ данъ
Россіи Іоанъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни.
Въ Россіи не было спокойнаго часа;
Опустошались нивы

И были въ пламени лѣса:
Татары бодрствуя несясь подъ небѣса,
Зря сколь лѣнивы
Ийти, во праздности живущія, на брань.
И тѣ съ насъ брали дань,
Которыя уже возрѣть ногда не смѣютъ,
Какъ наши знамена явятся и возвѣютъ.
Они готовы нынѣ намъ,
Какъ мы имъ были, во услугу.
Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
Несутъ Татара страхъ Россійскимъ сторонамъ;
И разорили ужъ и Тулу и Калугу;
Предъ Россами они въ сіи дни грязь и прахъ;
Однако нанесли тогда Россіи страхъ.
Уже къ Москвѣ подходятъ,
И жителей Москвы ко трепету приводятъ.
Татара многажды съ успѣхами дрались.
Бояря собрались
Ко совѣщанію на разныя отвѣты,
И дѣлаютъ совѣты;
Въ совѣтѣ томъ бояринъ нѣкій былъ.
Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.
Бояра,
Внимаютъ мужа стара;
А онъ спросилъ у нихъ, отколь идутъ Татара?
Съ полудни, говорятъ. — Гдѣ полдень? я не знаю.
Отъ Тулы ихъ походъ. — Я сіе вспоминаю;
Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой тамъ,
И много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ.
Я вамъ вѣщаю,
Въ отвѣтъ,
И мнѣніе свое вамъ ясно сообщаю:
Въ татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
И больше ни чево сказать не обѣщаю.
Меня Татаринъ не сожжетъ
И мнѣ не здѣлаетъ.... увѣчья,
Среди Замоскворѣчья.

Распоряжайте вы; а мой отвѣтъ такой:
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

XXXV.

Общая судьба.

Прохожій прочитай сіи ты строчки объ,
Написано на гробѣ:
Прохожій, обща всѣмъ судьба моя:
Что ты, и я то былъ; ты будешъ то, что я.

XXXVI.

Мыши и Котъ.

Колико вы кота убить ни домогались,
Вы мыши; вышелъ котъ, а вы перепугались;
И мысли ваши суета;
Мышамъ ни какъ не льзя преодолѣть кота.

XXXVII.

Олень и Собака.

Въ потокѣ чистомъ видѣлъ
Олень себя,
Дурныя ноги онъ свои возненавидѣлъ:
Природа, говоритъ, весьма срамитъ тебя;
И давъ прекрасны роги,
Дала она тебѣ прескаредныя ноги.

Анъ вдругъ бѣжитъ къ нему борзой и рѣзвой песъ,
Бросается олень мой въ лѣсъ;
А ноги отo иса тотчасъ ево уносятъ,
И помощи себѣ ни отъ ково не просятъ.
Сей даръ небесъ
Ево унесъ;
А роги
Оленю не даютъ дороги,
Спасенъ олень ногами,
Погибъ рогами;
Запутался въ лѣсу,
И былъ онъ жертвою голодну псу.
Держись тово дружняе,
Что намъ нужняе.

XXXVIII.

Сосна и хворостина.

Сказала сосна хворостинѣ:
Ты будешь такова по смерть, какъ нынѣ,
Тонка, мала;
И лутчебъ ты на свѣтѣ не была.
Въ какую бы годилась ты потребу?
Гораздо я тебя поближе къ небу.
А та отвѣтствуетъ: судьба моя не зла;
Коль я другимъ негодна,
Такъ я отъ пагубы, отъ топора свободна.
Опасности своей я славою не чту;
Имѣй сію всегда ты славою мѣчту.
На тоилю не бѣрутъ меня въ крестьянски домы,
Ни на строеніе, какъ строятся хоромы.
Прошло дни два, и рубятъ сосну ту:

Коренья всѣ подъ сосною трещатъ,
И изъ лѣсу ее въ господской домъ тащатъ.
Въ болѣзни не было отъ спѣси ей покрова,
А хворостина та по днесь еще здорова.

XXXIX.

Йожъ и Змѣя.

Змѣю согрѣться,
Впустилъ во свой йожъ домъ;
Одна въ дому змѣя, такъ ето не содомъ,
И можетъ Мизантропъ въ такой бесѣдѣ зрѣться.
Скажу съ нимъ то и я:
Одна змѣя
Смятенныхъ мыслей мнѣ не можетъ приумножить,
Не только моево спокойства востревожить.
Согрѣлася она, йожъ шлетъ ту гостью вонъ,
Къ тому онъ думаетъ, имѣетъ право онъ;
Извѣстенъ и ежу законъ.
Змѣя хлопочетъ,
И вонъ ийти не хочетъ,
И говоритъ ежу: ты знай, домъ етотъ мой;
Оставь меня ты здѣсь, а самъ пойди домой.
Остался тамо йожъ весьма не правосудно,
Да вытащить змѣѣ ево гораздо трудно.

XL.

Ослѣпшая фортуна.

Уставъ на свѣтѣ намъ во всемъ сталъ нынѣ новъ;
О человѣкѣ

Не тако мыслили вѢ златомъ и древнемъ вѣкѣ.
Кто былъ великъ, великъ онъ былъ, и безъ чиновъ:
Такъ и достоинства мѣчтанья не вперяли;
Не типлами людей достойныхъ измѣряли;
И славы дѣлалъ шумъ
Единой только умъ
И честность:
Другое было все, презрѣнна неизвѣстность,
Фортуна не слѣпа еще тогда была,
И прозорливою всегда она слыла;
Однако и тогда безумцовъ было болѣ.
Сія великая толпа,
Колико ни глупа,
И нынѣ и до толѣ
Взгордився, овладѣть премудростью хотѣла,
Сказавъ: довольно я передъ тобой сѣртѣла;
Мнѣ даромъ то, что я не знаю ни аза,
И выбила она фортунѣ вонъ глаза.
Фортуна ослѣпилась,
И отъ достоинства неволѣй отцѣпилась,
Неволѣй и къ толпѣ безумныхъ прилѣпилась;
Людей престала разбирать,
И въ жмурки начала на свѣтѣ семъ играть.
А къ пользѣ общества единый той найдется,
Фортунѣ кто когда незапно попадется;
Но сколько въ насъ невѣжъ, толико мудрыхъ нѣтъ,
Такъ больше и во храмъ фортуны ихъ идетъ:
Астрея видя то отъ страха затряслася,
И шаръ земной презрѣвъ на небо вознеслася.

XLI.

Посулы.

При нуждѣ нѣкто дать Юпитеру всево
На жертву посулилъ, и недалъ ни чево;
Разбойникамъ потомъ попался въ руки,
И ждетъ души своей со тѣломъ онъ разлуки,
Сулитъ Юпитеру и болѣе того;
Но ужъ посулами не трогаетъ ево.
Коль только на словахъ казны онъ терпитъ трату,
Сулитъ разбойникамъ за жизнь онъ дать заплату;
А тѣ то вѣдаютъ, что онъ не сохранилъ
И Зевсу данныхъ словъ, и клятвѣ измѣнилъ,
Не внемлютъ ужъ ево прошенію, ни стону,
Ево нещадно бьютъ,
И кровь рѣкою льютъ,
Сказавъ: поди, неси посулъ ты свой Плутону.

XLII.

Посулы Ескулапію.

Отчаянно кричитъ больной и все болитъ,
И Ескулапію онъ сто быковъ сулитъ.
Мужъ болѣнъ, а жена больнова неболѣетъ,
И ста быковъ жалѣетъ.
Ты много, говоритъ, сулишъ быковъ,
Великоватъ подарочекъ таковъ;
А онъ отвѣтствуетъ на рѣчи оны:
Возможно посулить быковъ и милiоны,
Для здравья своево;
Сулю я сто, а дамъ я только одново.

XLIII.

Кургузая Лисица.

Лисица хвостъ оторвала,
Дабы ей вырваться изъ сѣпи, гдѣ была.
Кургузая лиса хвосты поноситъ,
И протчихъ лисъ она неотходимо проситъ;
Сорвите вы хвосты: являютъ то умы,
Что мы
Безъ нужды тяготимъ тѣла свои хвостами;
Мнѣ легче безъ хвоста, вы видите то сами.
Такой совѣтъ она давала отъ стыда;
Но всѣ сказали: нѣтъ, и ни едина, да.

XLIV.

Портной и Мартышка.

Портной краилъ,
Мартышка ето примѣчаетъ,
И чаетъ,
Искуства своево портной не утаилъ.
За чемъ то онъ
Скроивъ, и то и то, оставивъ, вышелъ вонъ:
Мартышка ножницы портнова ухватила,
И безъ нево,
Не зная ни чево,
Изрядно накутила,
И мнила такъ она, что ето рѣмесло
Отъ знанія ея не уросло.
Звѣрокъ сей былъ рѣмеслоборецъ,
Портной піитъ, а онъ негодной рифмотворецъ.

XLV.

Пужливая лягушка.

Лягушка видѣла, быки на брань несутся,
И члѣны у нея въ болотѣ всѣ трясутся:
Другая здѣлала лягушка ей вопросъ:
Какихъ отъ драки сей боишся здѣсь ты гроз?
Болотныя мѣста быковъ не помѣщаютъ,
И никогда быки здѣсь насъ не посѣщаютъ:
А та отвѣтствуетъ, и вся она дрожитъ:
Отъ побѣдителя сразимый убѣжитъ,
И къ намъ уйдетъ; луга отъ страха онъ оставитъ,
А насъ премножество въ болотѣ передавитъ.

XLVI.

Лисица и Йожъ.

Лисица кушать захотѣла;
Нѣтъ кушанья ни гдѣ, куда она ни шла,
И сколько ни потѣла;
Но вдругъ нечаянно ежа она нашла,
Къ нему стрѣлою полетѣла,
И говоритъ ему: не щастливъ ты звѣрокъ,
Пришелъ твой рокъ,
И устремляется вонзити ногти въ бокъ;
А онъ тотчасъ свѣрнулся во клубокъ,
Лисица ли меня, мнитъ онъ, поизобидитъ,
И рыла моево лисица не увидитъ,
Крѣпка мѣжду меня съ сей гостьею мѣжа.
А онъ въ клубкѣ лежитъ, ни мало не дрожа,
Лисицу колитъ,
Колико онъ изволитъ.
Лисица повизжа,
Оставила ежа;

Безъ ужина започивала,
И вся исколота, въ больницѣ ночевала.

XLVII.

Услужливой Комаръ.

Везли карету шесть великихъ лошадѣй,
Карета тяжела, хотя и безъ людѣй;
А ета
И съ людьми еще огромная карета,
Была она со стогъ;
Шла, шла дорогою, тянулась не досками,
Тащила барина и барыню пѣсками,
И збилася она дорогой съ ногъ.
Труды коней почти со всѣмъ уже исчезли,
Жалѣя и колесъ, жалѣя и коней,
Лакѣи слѣзли
Стоящія на ней:
Однако етотъ скирдъ и съ мѣста несступаетъ,
Возница лошадямъ кричитъ ну, ну, ну, ну!
И плѣтью лупитъ ихъ, какъ будто за вину;
Стегалъ, стегалъ, кричалъ, кричалъ и осипаетъ.
Отъ лошадей и пѣна тутъ и паръ:
Летитъ комаръ,
Комаръ кареты той увидѣлъ тутъ натугу,
Старается явити ей услугу,
И къ помочи ее кареты учредить,
И почалъ лошадей и кучера гвоздить,
Что бъ кучаръ былъ на козлахъ попроворняй;
А лошади везли бъ карету позадорняй:
То кучера, то лошадь онъ кольметъ,
Потѣетъ, мучится, помоги нѣтъ,

Журчалъ, журчалъ, но тщетно пѣсни пѣты,
И нѣтъ ни малыя примѣты,
Къ подвижкѣ той кареты,
Колико онъ ее подвинуть ни хотѣлъ,
Потѣлъ, потѣлъ,
И отлетѣлъ.
Кони поотдохнули,
И тяжкую съ пѣску хоромину спѣхнули.
Комаръ изъ далѣка карету усмотрѣлъ,
И говоритъ: куда какой, я сталъ пострѣлъ:
Готову здвинуться карету я покинулъ;
Хоть я помучился въ пѣску; однако здвинулъ.

XLVIII.

Тяжелой Комаръ.

Комаръ не глупъ,
Увидѣлъ дубъ,
Усѣлся тамо
И говоритъ онъ такъ: я знаю ето прямо,
Что здѣсь меня спрѣлокъ
Конечно не достанетъ;
Мой дубъ высокъ,
И дробь сюда не вспрянетъ;
Въ поварню онъ меня, ей, ей, не отнесетъ
И крови изъ меня никто не пососетъ;
Сей дубъ меня спасетъ.
А въ тѣ часы восстала буря
Озлился воздухъ весь, глаза сердясь нахмуря,
Весь лѣсъ трясетъ,
А дуба вить ни кто конечно не нагнетъ.
Комаръ поетъ, а вѣтръ реветъ,
И дубъ сей рветъ.
Высокой етотъ дубъ отъ вѣтра повалился;

Ужъ дуба больше нѣтъ ;
Пришла ево кончина :
Комаръ сказалъ : ахъ ! я тебя отягошилъ ;
А тобъ тебѣ злой вѣтръ бѣды не накутилъ ,
И отъ меня , увы ! пришла ево кончина.
Ахъ ! я твоей , ахъ ! я напасти сей причина.

XLIX.

Кукушка и Ребята.

Лишъ только закричитъ кукушка на суку ,
Ребята всѣ за ней кричатъ ку ку ку ку.
Между премножествомъ въ народѣ малыхъ душекъ ,
И подражателей довольно сихъ кукушекъ.
У таковыхъ людей ни въ чемъ разбора нѣтъ ;
Одинъ у нихъ отвѣтъ :
Такъ дѣлаетъ весь свѣтъ.
Отъ етова дурачествы плодятся ,
И новыя , всякъ день , безумія родятся.
То мора родъ ,
Когда уродъ
Уроду подражаетъ ,
Толпа толпу симъ ядомъ заражаетъ.

L.

Сова и Зѣркало.

Сова увидѣла во зѣркалѣ себя ,
И образъ свой любя ,
Она не годовала ,
И говоритъ она : и съ роду не бывала
Толико я дурна ,

Или моя краса въ сей только часъ погибла?
Озлилася сова, и зѣркало разшибла.

LI.

Отчаянная вдова.

Скончался у жены возлюбленный супругъ;
Онъ былъ любовникъ ей, и былъ ей вѣрный другъ:
Мѣчталась
И въ ночь, и въ день,
Стѣнящей въ вѣрности женѣ супружня тѣнь;
И только статуя для памяти оспалась
. . . . . .
Изъ дерева супружницѣ ево:
. . . . . .
Она всегда на статую взирала,
И обмирала:
Отъ жалости ее тутъ нѣкто посѣщалъ,
И утѣшенія различны ей вѣщалъ:
Не должно принимать бѣздѣлкой важну службу;
Такъ съ нимъ за то вдова установила дружбу,
Которую хранить онъ вѣчно обѣщалъ.
А дружба день отъ дня мѣжъ ними возростала,
И превеликой дружбой стала.
Потребно вдовушкѣ на чай воды согрѣть:
Что жъ дѣлать? иль не пить, ни ѣсть и умерѣть?
А дровъ сыскать не можно.
. . . . . .
Хозяйка говоритъ, сыщу дрова, постой.
И сколько муженька хозяйка ни любила,
У статуи ево тутъ руку отрубила;
На завтрѣ тутъ рукѣ достался и той.
Прокладены дороги,
На третій день пошли тудажъ и мужни ноги:

Осталась голова;
Однако и она туда же на дрова.
Погрѣтъ любѣзный мужъ гораздо въ жаркой банѣ.
Какое жъ больше ей сокровище въ чурбанѣ?
Она ево велѣла бросить вонъ;
А послѣ ей на чай и весь годился онъ.

LII.

Деревенскія Бабы.

Во всей деревнѣ шумъ,
Не льзя собрати думъ,
Мѣшается весь умъ:
Шумятъ сердиты бабы.
Когда одна шумитъ,
Такъ кажется тогда, что будто громъ гремитъ;
Извѣстно, голоса сердитыхъ бабъ не слабы:
Льетъ баба злобу всю сердитая до дна,
Несносно слышати, когда шумитъ одна.
Въ деревнѣ слышится вездѣ Ксантиппа древня,
И зашумѣла вся отъ лютыхъ бабъ деревня;
Вселенную хотятъ потрясть.
О чемъ они кричатъ? — Прискучилось имъ прясть;
Со пряжей не разлучно,
Въ углу сидѣти скучно;
И въ скукѣ завсегда за гребнемъ воздыхать,
Хотятъ они пахать.
Иль трудъ такой однимъ мущинамъ только сроденъ?
А въ полѣ воздухъ чистъ, пріятенъ и свободенъ.
Не нравно, говорятъ, всегда здѣсь быть:
Сиди,
Пряди:
И только на углы избы своей гляди.
Пряди и мужъ, когда сей трудъ ему угоденъ.

Мужья прядутъ,
А бабы всѣ пахать, и сѣяти идутъ.
Бесплодны нивы, будто пни,
И пляшетъ худо вертѣно:
Въ сей годъ деревнѣ не дано,
Ни хлѣба, ни холстины.

LIII.

Скупой и Кружка.

Взлѣзъ малой на обрубъ колодезя, и стонетъ,
Серебреная кружка тонетъ.
Бѣда!
Не вѣдаю, отъ коль скупой взялся туда:
Малчишка кружку прославляетъ,
И мимохожему всю повѣсть обьявляетъ.
Я вытащу ее, прохожій говоритъ;
А тотъ ево благодаритъ.
Прохожій мыслитъ,
Малчишка глупъ,
И кружку во своемъ уже поставцѣ числитъ;
Я скупъ:
А онъ открылся мнѣ не зная человѣка;
Съ худымъ Жидомъ смѣшай худова кто мнѣ Грека;
И онъ изъ рукъ моихъ, изъ своево добра,
Не вырветъ скорлупы, не только серебра,
Такова у меня не вывернуть ребра.
Раздѣлся мой скупой въ колодязъ покатился,
Спустился,
И шаритъ тамъ,
По всѣмъ мѣстамъ,
Руками рыщетъ,
И кружки ищетъ;

А кружки малой тотъ не ранивалъ туда,
Такъ и сыскать ее, не можно ни когда;
И тщетно водолазъ имѣетъ тамъ надежду;
А малой взявъ ево одѣжду,
Которой онъ хотя и не купилъ,
Сказалъ ему: моей не позабудь игрушки,
Твою одѣжду я искусно подцѣпилъ,
А ты въ колодязѣ ищи, дружокъ мой, кружки.

LIV.

Слѣпой и зрячій.

Слѣпой въ сраженіе вступилъ со зрячимъ,
Въ великомъ мужествѣ, съ безумiемъ горячимъ,
Хотя тогда была густая ночь:
Была; однако тьма отходитъ вить и прочь.
Слѣпой хотя и былъ ослѣпнувъ не умиленъ,
Однако силенъ;
Такъ спину зрячева во тьмѣ слѣпой уродитъ.
Свѣтъ солнечный восходитъ:
И побѣдителя слѣпова врагъ находитъ:
Съ процентами свой долгъ слѣпому онъ платилъ:
Слѣпова колотилъ,
И спину у нево дубиной молотилъ.

LV.

Жалостливая дѣвушка.

Влюбился въ дѣвушку гораздо молодецъ,
А дѣвушка молчала,
И на любовь ево она не отвѣчала;
Благополучной, мнитъ, имѣти онъ конецъ,

Хотя еще и небыло начала.
На что, онъ думаетъ, съ ней много говорить,
Потребно дѣвушку дарить.
Любовницы тогда бываютъ очень жарки,
Когда бѣрутъ подарки.
Была бы красота
Едина суета,
И пустота:
Когда бы прибыли она не приносила.
Кто драться не охочь, на что ему и сила.
Пришелъ ко дѣвушкѣ, и перстень ей принесъ,
И сталъ молоти ей дуброву онъ и лѣсъ;
А дѣвка у нево кольца еще просила:
Онъ ей и въ томъ, ни мало не претитъ,
Кольцо туда жъ лѣтитъ.
Онъ дѣвушку цѣлуетъ;
Она ево милуетъ,
А мыслитъ, какъ ево
Ограблю я всево,
Такъ вытолкну отсель, пойди куда онъ хочетъ;
Пускай онъ дуется, сердяся, и хлопочетъ,
Мнѣ въ етомъ нужды нѣтъ:
Мнѣ нынѣ не досугъ, прости теперь, мой свѣтъ.
Взираетъ на нево дѣвица, и хахочетъ;
А онъ
Не хочетъ выйти вонъ,
И перстня и кольца лишиться не издѣвка;
Однако дѣвка
Домашнихъ собрала,
. . . . . .
И вонъ ево пѣхнула.
Дѣтина вышелъ вонъ, дѣвица воздохнула:
Спросили у нея: ты тужишъ, да о чемъ?
Конечно сжалився, вздохнула ты о немъ;
И что ты гнѣвалась, отсель ево толкнула.

Она вопросчикамъ такой отвѣтъ дала:
Тужу, что я съ него кафтана не сняла.

LVI.

Мышачья прозьба.

На небеса моленіе творя,
Хотѣлося мышамъ имѣть въ анбарѣ царя.
Зевесъ исполнилъ то, по мышьей волѣ
И посадилъ у нихъ болвана на престолѣ.
Царь данъ,
Да имъ не нравится вѣчанной сей болванъ:
Они еще свой гласъ на небо возносили,
И сильнаго царя просили,
Да былъ бы царь ихъ строгъ, и имъ давалъ уставъ;
А етотъ ни какихъ не знаетъ мудрыхъ правъ,
Которы бы у нихъ бездѣльниковъ косили,
И прозьба ихъ была къ Юпитеру не та.
Такъ онъ имъ далъ кота.

LVII.

Дворовыя птицы и куропатка.

Гонима птицами дворова куропатка,
Во юности она, дана во дворъ судьбой,
У странницы сея есть разумъ и догатка.
Дворовы птицы всѣ, мѣжду всегда собой,
Въ воинскомъ дѣлѣ прели,
А по просту сѣртели.
На что же, говоритъ она, мнѣ здѣсь потѣть:
Не лутче ли скоряй на родину летѣть;
И дивно ль то, когда они меня обидятъ,
Когда соотпичей толь люто ненавидятъ.

Сказала доброй день и добрую имъ ночь,
И отлетѣла прочь.

LVIII.

Мидъ.

Цырюльникъ Мида бривъ, подъ калпакомъ осѣтилъ,
Чево ни кто попреждѣ не примѣтилъ:
Имѣетъ пышный Мидъ,
Ушей ословыхъ видъ.
Болкливъ цырюльникъ былъ: молчати не умѣетъ,
А людямъ объ етомъ сказати онъ не смѣетъ;
Когдабъ онъ молвилъ имъ; легко бы и пропалъ;
Но чтобъ о томъ болкнуть; онъ ямку прокопалъ,
И ямкѣ то болкнулъ! Взросло велико древо,
Съ ословыми ушми на право и на лѣво,
Въ листахъ изобразивъ: Имѣетъ пышный Мидъ,
Ушей ословыхъ видъ.
Не могутъ быть у тѣхъ людей велики души,
Которы и въ чести ословы имутъ уши.
Хотя хвала о комъ не право и ворчитъ;
Исторія о немъ нное закричитъ.

Конецъ IV. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ПЯТАЯ.

04

КНИГА

ЧЕКСНИЬСКИЙ СЛОВОВУ

ЦЬМЛДМ

ПРИТЧИ

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Пьяница трусъ.

Былъ нѣкой пьяница,
А передъ нимъ и день и ночь,
Стояла стклянница,
И никогда съ часовъ не отходила прочь,
Хозяину препровождая время.
Она ему была жена, и мать, и дочь,
И родъ, и племя,
И какъ любовница, всегда подъемля носъ,
Со пьяницей лобзалася въ засосъ.
Покрылося ево лицо порфирнымъ цвѣтомъ,
И стало такъ красно, какъ солнце жаркимъ лѣтомъ:
И отъ лица лучи,
Блистали будто отъ свѣчи;
Извѣстно всѣмъ у пьяной рожи,
Огонь пылаетъ изъ закожи.

Отъ жара онъ распухъ:
Онъ сталъ дородняе; такъ сталъ сильняй онъ нынѣ,
И взявъ обухъ,
Благодаря судьбинѣ,
Въ лѣса пошелъ отвагу онъ явить:
Смышляетъ витязь мой, медвѣдя изловить,
И говоритъ: вить я, медвѣдь, не устрашуся,
И у тебя домой, ей! ей! не попрошуся:
А ты дружокъ мой впредь,
Не станешъ болѣе гордиться и реветь:
Велико дѣло то, что ты медвѣдь!
Великой ты бояринъ!
Не испугаюсь я, хотябъ ты былъ Татаринъ.
И только мой уродъ
Лишъ вышелъ изъ воротъ,
На кроволитну сѣчу,
Анъ крыса встрѣчу:
Герой дрожитъ,
Герой бѣжитъ:
Не такъ похлебка та сварилась,
И съ трусомъ водочка не такъ уговорилась:
Сподкнулся, носомъ палъ, вдругъ жила растворилась:
Герой средь улицы лежитъ,
И кровью улица Геройской обагрилась.

II.

Совѣтъ родительской.

Былъ отрокъ, да была еще отроковица;
А просто молодецъ, да дѣвка, иль дѣвица.
Дѣтинка былъ ей братъ, она ему сесприца;
Она была прекрасна, да тупа,
А по простту глупа;
А тотъ былъ дуренъ, да не тупъ,
А по простту не глупъ.

Сынъ былъ въ отца, а дочь вся въ матерь родилася,
И вся въ безумiе по матери вдалася.
Родитель нѣкогда красавицу журилъ,
И говорилъ,
Чтобъ я статуйщикъ былъ, я етова не чаялъ,
Однако статую изрядную извалялъ;
А ты женитьбою, мой сынъ, не провинись,
На дурѣ не женись:
Болвана не бери ко отягченью вѣка,
И тщися ты имѣть женою человѣка.

III.

Больной и Медикъ.

Къ больному лѣкарь шелъ: больной въ жару:
Готовъ рецептъ. Я денегъ не беру,
Онъ едакъ говорилъ, и протянулъ онъ лапу:
Упалъ червонной въ шляпу.
Червонной говоритъ: пожалуй полѣчи:
А докторъ говоритъ: пожалуй не кричи,
Молчи,
И не бренчи,
Да дай рѣчей больнова мнѣ послушать:
Съ тобой поговоримъ и послѣ мы.
Изволь сударь, больной, не много ты покушать
Сулемы.
А ты, червончикъ мой, изволь меня послушать:
Не врезжи и полѣзай въ карманъ.
Ступай, ступай, небось; вить я не басурманъ.
На завтрѣ онъ себя къ больному присусѣдилъ
Онъ сталъ искусненько больнова утѣшать,
И почалъ вопрошать.
Больной не отвѣчалъ и брѣдилъ:

А докторъ мой,
Не йдетъ домой,
И дѣлая тогда болящему сосѣду,
Бесѣду,
Возведъ ученыя зеницы къ небѣсамъ,
Забредилъ сімъ;
Однако уменшилъ домашнихъ сожалѣнье,
И подписалъ опредѣленье,
Такъ:
Онъ бредитъ: ето доброй знакъ.
На завтрѣ у больнока пятна:
Примѣта доктору и та приятна,
И утверждаетъ онъ,
Что жаръ выходитъ вонъ.
На завтрѣ жаръ перемѣнился въ стужу:
А докторъ говоритъ: жаръ вышелъ весь на ружу,
Моимъ стараніемъ скорбь ета путь нашла,
И отошла.
На завтрѣ нашъ больной скончался,
А докторъ мой опять бѣжитъ,
И въ пору самую примчался;
Больной во гробѣ ужъ лѣжитъ.
Пощупалъ докторъ пульсъ, каковъ больной провѣдать:
Скоряй, кричитъ, ево велите исповѣдать.

IV.

Выкупъ мужей.

Великій крѣпкій градъ,
Приступнымъ воинствомъ объятъ,
На договоры не здается,
И съ непріятелемъ всей силою біется.
Съ обѣихъ странъ рѣками кровь ліется;

Летаютъ бомбы и ревутъ,
И зданія во градѣ рвутъ.
Отъ пушекъ стѣны поврежденны,
Такъ тѣ, которы осажденны,
Ослабли на конецъ и стали побѣжденны.
Чево воюющимъ тогда ужъ больше ждать?
Ихъ смерти велѣно предать.
Но вождь рѣшеніе такое оставляетъ,
И объявляетъ,
Чтобъ жоны всѣ свои сокровищи несли,
Которыя они сокрыли,
И въ землю можетъ быть зарыли;
И чтобъ они мужей и прочихъ тѣмъ спасли.
Рѣшеніе сіе, не такъ какъ перво строго:
Принесено весьма богатства много:
Одна лишь ни на грошъ къ отдачѣ не несетъ;
Ни сору, а не только злата,
Хотя она весьма была богата,
И ужасъ сердца ей о мужѣ не трясетъ.
Хоть мужъ ей милъ не ложно,
Но деньги жонушкѣ еще ево миляй:
Лишиться ихъ еще и самой смерти зляй;
А мужа получить вездѣ всегда возможно:
Вотъ едакъ думаетъ она.
Похвальна ли сія, воздержнія жена?
А по просту плутовка,
Хотя и не мотовка.
И говоритъ: пускай мужей порѣжутъ тамъ,
А я и десяти рублевиковъ не дамъ,
И не хочу я столько куролѣсить.
Вождь мужа свободилъ, жену велѣлъ повѣсить.

V.

Волосокъ.

Въ любови нѣкогда, не знаю кто горитъ,
И ни какова въ ней взаимства онъ не зритъ.
Онъ суетно во страсти таетъ;
Но Духъ къ нему какой то прилетаетъ,
И хочетъ участи ево перемѣнить,
А именно къ нему любезную склонить;
И сердцѣмъ, а не только взоромъ,
Да только лишь со договоромъ,
Чтобъ онъ имъ вѣчно обладалъ.
Дѣтина на ето, рукописанье далъ.
Установилась дружба,
И съ обоихъ сторонъ опредѣленна служба:
Дѣтину Духъ контрактомъ обуздалъ,
Не расходимо жить, въ одной и дружно шайкѣ;
Но чтобъ онъ передъ нимъ любовны пѣсни пѣлъ,
И музыкальный прудъ терпѣлъ;
А духъ бы бывъ при немъ, игралъ на балалайкѣ.
Сей Духъ любилъ
Забаву,
И любочестенъ былъ;
Являть хотѣлъ ему свою вседневно славу;
Давались бы всякъ день исполнити дѣла,
Гдѣ бъ хитрость видима была.
Коль дѣла тотъ не дастъ, а сей не исполняетъ,
Преступника контрактъ, безъ справокъ, обвиняетъ.
Доставилъ Духъ любовницу ему,
Отверзъ ему пути Духъ хитрый ко всему.
Женился молодецъ, богатства въ домѣ тучи,
И денегъ кучи;
Однако онъ не могъ труда сего терпѣть,
Чтобъ каждый день предъ Духомъ пѣсни пѣть;
А Духъ хлопочетъ,
И безъ коммисіи вонъ выйти не хочетъ.

Богатствомъ полонъ домъ, покой во сторонѣ.
Сказалъ дѣтина то женѣ:
Не льзя мнѣ дней моихъ между блаженныхъ числить,
Отъ пѣсенъ не могу ни ѣсть, ни пить, ни мыслить,
И сонъ уже бѣжитъ, голубушка, отъ глазъ;
Что я ни прикажу, исполнитъ Духъ тотчасъ.
Жена отвѣтствуетъ: освободишься мною;
Освободишься ты, душа моя, женою;
И скажешь ты тогда, что я тебя спасла.
Какой то волосокъ супругу принесла,
Сказала: я взяла сей волосъ тамо,
Скажи чтобъ вытянулъ духъ етотъ волосъ прямо:
Скажи ты духу: сей ты волосъ прими,
Онъ корчится, такъ ты ево спрями.
И оставайся съ симъ отвѣтомъ,
Что я не вѣдаю объ етомъ.
Но снятъ ли волосъ тотъ съ Арапской головы,
Не знаю: знаетель читатели, то вы?
Отколь она взяла, я ето промолчу;
Тому причина та, сказати не хочу:
Познайся самъ читатель:
Я скромности всегда былъ крайній почитатель.
Пошелъ работать духъ и думаетъ: не крутъ,
Такой мнѣ трудъ.
Вытягивалъ ево, мня, прямъ онъ быти станетъ;
Однако тщетно тянетъ.
Почувствовалъ онъ то, что етотъ трудъ высокъ;
Другою онъ себя работою натужилъ,
Мылъ мыломъ и утюжилъ,
Но не спрямляется ни мало волосокъ.
Взялъ тяжкой молотокъ,
Молотитъ,
Колотитъ,
И хочетъ изъ нево онъ выжать сокъ:
Однако волосокъ,

Остался такъ какъ былъ онъ прежде.
Духъ далъ поклонъ своей надеждѣ,
Разорвался контрактъ ево отъ волоска.
Подобно такъ и я, стихи чужія правилъ,
Потѣлъ, потѣлъ, и ихъ, помучився, оставилъ.

VI.

Ворона и Лиса.

И птицы держатся людскова рѣмесла:
Ворона сыру кусъ когда то унесла,
И на дубъ сѣла:
Сѣла,
Да только лишь еще ни крошечки не ѣла.
Увидѣла лиса, во рту у ней кусокъ,
И думаетъ она, я дамъ воронѣ сокъ.
Хотя туда не вспряну,
Кусочикъ, етотъ я достану,
Дубъ сколько ни высокъ.
Здорово, говоритъ лисица,
Дружокъ, воронушка, названая сестрица:
Прекрасная ты птица;
Какія ноженьки, какой носокъ,
И можно то сказать, тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой душа;
Прекрасняе сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелѣстны похвалы пріятно намъ терпѣть:
О естьли бы еще умѣла ты и пѣть!
Такъ не былобъ тебѣ подобной птицы въ мирѣ.
Ворона горлушко разинула поширѣ,
Что бъ быти соловьемъ,
А сыру, думаетъ, и послѣ я поѣмъ:

Въ сію минуту мнѣ здѣсь дѣло не о пирѣ;
Разинула уста,
И дождалась поста:
Чудь видитъ лишь конецъ лисицына хвоста.
Хотѣла пѣть, не пѣла;
Хотѣла есть, не ѣла:
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
Сыръ выпалъ изъ рту, лисицѣ на обѣдъ.

VII.

Статуя.

Статуя здѣлана красавицына живо,
Искуснѣйшей рукой: статуя стала диво.
Со подлинникомъ та статуя всѣмъ равна,
Толикожъ хороша, толикожъ и умна.

VIII.

Олень.

Стрѣлокъ оленя гналъ: олень ушелъ,
И у быковъ себѣ убѣжище нашелъ,
Во отведенной имъ оградѣ;
И ходитъ со быками въ стадѣ.
Пастухъ легохонько пріѣзжева нашелъ,
Примѣтилъ,
И гостя онъ осѣтилъ.
Сказалъ пастухъ: уже рогамъ твоимъ не расть,
Не мѣсто здѣсь тебѣ, ступай въ поварню гостъ.

IX.

Заяцъ.

Левъ зайца хочетъ изловить:
Ты заяцъ, долженъ бѣгъ явить.
Но вмѣсто бѣга ты, подъ деревомъ сокрылся,
Какъ будто въ нору гдѣ глубокую зарылся;
То лутче естьли побѣжишь,
А ты лишь только здѣсь дрожишь:
Бѣги: но ты лежишь;
Бѣги: или ступай со львомъ ты къ бою,
Уже пресильный левъ передъ тобою.

X.

Война Орловъ.

Дрались орлы,
И очень были злы:
За что?
Тово не вѣдаетъ ни кто.
Подъ самыми они дрались небесами;
Не на земли дрались, но выше облаковъ,
Такъ слѣдственно и тамъ довольно дураковъ:
Деремся вить и мы, за что, не зная сами;
Довольно, что орлы повоевать хотятъ,
А перья въ низъ летятъ.
Дерутся совѣстно они, безъ лицемѣрья.
Орлы поссорились, стрѣлкамъ орлины перья.

XI.

Кулашной бой.

На что кулашной бой?
За что у сихъ людей война, между собой?
За ето рѣмѣсло, къ чему бойцы бѣрутся?
За что они дѣрутся?
За что?
Великой тайны сей, не вѣдаетъ ни кто;
Ни сами рыцари, которыя воюютъ;
Другъ друга кои подъ бока,
И въ носъ и въ рыло суютъ,
Куда ни попадетъ рука;
Посредствомъ кулака;
Расквашиваютъ губы,
И выбиваютъ зубы.
Какихъ вы, зрители, тутъ ищете успѣхъ,
Гдѣ только варварство позорища успѣхъ?

XII.

Топорище.

Вшелъ нѣкакой мужикъ, безъ топорища, въ лѣсъ:
Хотя топоръ съ собою и принесъ.
Не кланяться туда деревьямъ онъ залѣзъ,
Но нѣсколько деревъ покоситъ;
Онъ ихъ пришелъ губить,
А по просту рубить,
И проситъ,
У лѣса дерева куска.
Не надобно ему полѣно, ни доска
На топорище,
Лишь былъ бы тотъ сучокъ поглаже и почище.

Лѣсъ далъ ему отъ дерева клочокъ.
Бѣретъ сучокъ,
Который лѣсу мало стоитъ,
И топорище строитъ.
Состроилъ мужичокъ,
И въ лѣсу, что хочетъ то и рубитъ.
Хотя лѣсъ етова не любитъ,
Хотя и кается, что онъ подарокъ далъ.
Опомнится, ты лѣсъ, немножко опоздалъ;
Объ етомъ преждѣ бъ ты, побольше разсуждалъ.

XIII.

Клятва мужняя.

Бываютъ иногда, по участи злой, жены,
Жосточе Тизифоны;
Сей ядъ,
Есть адъ,
Страданье безъ отрадъ.
Жену прелюту,
Имѣлъ какой то мужъ;
И сколько онъ ни былъ, противъ ее, ни дюжъ,
Однако онъ страдалъ по всякую минуту;
Какъ бритва, такъ была она ко злу, остра;
Противу, въ домѣ, всѣхъ, какъ буря, такъ быстра.
Имѣвъ со всѣми ссору крутую,
Во всю кричала мочь,
И день и ночь:
Слуга, служанка, мужъ, и гость, и сынъ, и дочь,
Бѣги скоряе прочь,
Или терпи различно огорченье,
И нестерпимое мученье,
И болѣе себѣ спокойствія не прочь.
Ни чѣмъ ее съ пути кривова мужъ не сдвинулъ,

И кинулъ.

Мой жаръ уже, сказалъ, къ тебѣ на вѣки минулъ;
А естьли о тебѣ я вздохи испущу,
Или когда хоть мало погрущу,
Или тебя во вѣки не забуду,
Пускай я двѣ жены такихъ имѣти буду.

XIV.

Надгробіе.

Я сыну моему лежавшему въ покоѣ,
Надъ гробомъ начерталъ надгробіе такое:
Ты былъ и нѣтъ тебя.
Читатель, ету рѣчь, ты помни для себя;
Хотя и безъ того твой духъ не позабудетъ,
Что скоро и тебя на свѣтѣ семъ не будетъ.

XV.

Рецептъ.

Худыя намъ стихи не рѣдко здѣсь родятся:
Во сѣверныхъ странахъ они, весьма плодятся;
Они потребны: вотъ они къ чему годятся:
Чертей изъ дома выгонять.
Не будетъ никогда чертями тамъ вонять;
То правда и стихи такія пахнутъ худо,
Однако запахъ сей и истреблять не чудо;
Почаще надобно курить;
А чортъ отъ курева престанетъ ли дурить?

И не боится онъ явиться и въ содомѣ,
Ево никто нигдѣ дубиной не побьетъ;
Извѣстно у нево костей и тѣла нѣтъ.
Въ какомъ то домѣ,
Какой то чортъ оралъ,
И всѣ тамъ комнаты онъ сажей измаралъ.
Къ хозяину принесъ стихи Піитъ невкусной,
А по просту, стихи принесъ Піитъ прегнусной;
Какъ худы тѣ стихи, толь ими былъ онъ гордъ,
А въ тѣ часы пришелъ къ хозяину и чортъ.
Толико писаны стихи ево не складно
Что ужъ и чорту стало хладно;
И тотчасъ побѣжалъ оттолѣ онъ,
Большою рысью вонъ.
На завтрѣ дня того, тутъ были гости тѣ же:
Не лутче ль таковыхъ гостей имѣти рѣже?
Піитъ бумагу развернулъ;
А дьяволъ . . . въ учонова швыркнулъ,
И говоритъ: ты тужъ опять подносишъ брагу;
Сложи свою бумагу;
И вопитъ онъ стѣня:
Не мучь, Піитъ, не мучь стихами ты меня;
Я выйду безъ того, я выйду вонъ отсюду,
И въ предь сюда не буду.

XVI.

Піитъ и богачъ.

Богатой человѣкъ, прославленъ быть желалъ:
Отличнымъ, тщася быть, отечества въ народѣ:
Онъ съ роду не служилъ, и хочетъ быти въ модѣ;
И не трудясь ни въ чемъ. Піита звать послалъ,
И на нево свою надежду славы клалъ.

Пожалуй, освяти, мое ты имя, въ Одѣ:
Но что воспѣть Пиитту объ уродѣ?
Будь ты отличностей моихъ, Пиитъ, свидѣтель;
Воспой, мой другъ, воспой, святую добродѣтель.
Я пѣть ее готовъ:
Пристойныхъ прибѣру къ тому я мало словъ.
Но какъ, дружечикъ мой, ее тогда прославлю,
Когда твое я имя вставлю?
Да я же никогда не хваливалъословъ.

XVII.

Филинъ.

Въ павлиньихъ перьяхъ филинъ былъ,
И подлости своей природы позабылъ:
Во гордости жестокой,
То низкой человѣкъ, имущій чинъ высокой.

XVIII.

Ученой человѣкъ и невѣжа.

Ученой человѣкъ, свое здоровье нѣжа,
На канапе и лѣжа,
Читалъ,
Такую книгу онъ, котору почиталъ.
Вошелъ тогда къ нему невѣжа:
Пришелъ сей волъ,
И вздоры замололъ.
Отъ приключенья злова,
Ученой человѣкъ не говоритъ ни слова;

А тотъ болталъ,
И впѣнь онъ сталъ.
Пошелъ, и говоритъ: съ тобою не разлучно,
Мнѣ быть не льзя, хотя тебѣ и скучно,
Здѣсь быти одному.
А тотъ отвѣтствовалъ ему:
Меня здѣсь книга утѣшаетъ;
Со книгами я веселъ завсегда;
А скучно мнѣ тогда,
Когда какой дуракъ читати мнѣ мѣшаетъ.

XIX.

Медвѣдь и Пчела.

Пчела, кто онъ таковъ и что, не вѣдя,
Ужалила медвѣдя;
Медвѣдь запѣлъ,
И гнѣвомъ закипѣлъ;
Онъ лапы подымаетъ,
И всѣ жилищи ихъ во ярости ломаетъ.
А пчелы сердятся, когда кто ихъ замаетъ.
Уже летитъ не рой,
Но пчелы всѣ летятъ, и становятся въ строй.
Медвѣдь хотя герой,
Воюя, рыцаря они не пощадили,
И побѣдили.
Не уповай на силу ты всегда,
И вѣдай ты, бываетъ иногда;
Отъ самой мѣлкости сильнѣйшему бѣда.

XX.

Пастушій сынъ и коза.

Пастушій, нѣкогда, сынъ, рогъ козѣ сломилъ:
Боится, чтобъ ево родитель не побилъ,
И проситъ козу онъ: не сказывай дружечикъ,
Что сломленъ у тебя рожечикъ.
Отвѣтствуетъ коза:
Дружокъ, у пастуха еще во лбу глаза.

XXI.

Есопъ.

Есопъ съ рабятами играетъ:
Смѣются всѣ тому: онъ ето презираетъ:
Всему, сказалъ онъ имъ, на свѣтѣ семъ предѣлъ,
Потребно всякому бездѣлье между дѣлъ.
Кто етова не разбираетъ,
Не долго будетъ мысль и важна и жива:
Кто съ лишкомъ тянетъ лукъ, порвется тѣтива.

XXII.

Мальчишка и часы.

Услышалъ мальчикъ то, трехъ лѣтъ,
Что нѣчто во стѣнныхъ часахъ стучитъ и бьетъ;
Мальчишка ни часовъ и ни минутъ не числитъ,
И о часахъ по свойски мыслитъ;
И кажется ему тогда,
Залѣзла мышь туда.

Онъ мыши угражаетъ,
А именно часы онъ палкой поражаетъ.
Мальчишка мыши не убилъ,
Лишь только онъ часы, во дребезги разбилъ.

XXIII.

Геркулесъ.

За добродѣтели вознесся Геркулесъ,
До жительства Боговъ и до краевъ небесъ.
Героя всѣ сего, тамъ Боги прославляютъ,
И со пришествіемъ на небо поздравляютъ.
Всѣ радуются: онъ Боговъ благодаритъ;
Со Плутусомъ однимъ герой не говоритъ,
Не дѣлаетъ ему ни малаго привѣтства:
За то, что портитъ онъ, людей отъ сама дѣтства.

XXIV.

Уборка головы.

Съ наружи головы снабжаютъ,
Въ нутри головъ не наряжаютъ:
Иль мозгъ ненадобняй волосъ?
Хотя бы волосъ мой, по самы пяты росъ.
На етотъ мой вопросъ,
Мнѣ скажетъ петиметръ, подъемля гордо носъ:
Умы здоровье повреждаютъ,
А кудри болѣе красавицъ побѣждаютъ:
Во разумѣ большой мнѣ нужды нѣтъ:
Скажу и безъ ума: люблю тебя, мой свѣтъ.

Не разумѢ, чувствія вѢ любови услаждаютѢ.
А я о семѢ не хлопочу,
И опровергнуть сей системы не хочу,
Когда ввелись сіи обряды,
Что стали разума почтенняе наряды.

XXV.

ПѢшухѢ.

У куръ была война:
Не вѣдаю тово, за что была она.
Герои жестоко сердилисѢ,
Однако не гордилисѢ;
Окончилася брань, воинской жарѢ утухѢ.
ВѢ закутѣ, на войну не выходя, пѣшухѢ,
КричитѢ: подайте мнѣ враговѢ, и я сражуся,
И я уже сержуся,
И покажуся.
ПошелѢ на бой;
Но не сражается никто уже сѢ тобой.
Имѣйте сердце смѣло,
Тогда, когда еще не кончилося дѣло.

XXVI.

АстрологѢ.

Премудрый АстрологѢ,
ВѢ бесѣдѣ возвѣщалѢ, что онѢ предвидѣть могѢ,
ЛѣтѢ за пять раняе, что сѢ кѣмѢ когда случится,
И что ни приключится:
ВбѣжалѢ его слуга и ето говоритѢ:
Ступай, ступай, скоряй домой, твой домѢ горитѢ.

XXVII.

Воръ и Старикъ.

Воръ тянетъ епанчу, средь ночи, съ старика,
И грабитъ мужика:
Кричитъ мужикъ: а воръ испуганный тряется,
Дрожитъ,
Бѣжитъ,
И мыслитъ, не спасется;
Старается утечь,
И въ бѣгѣ, епанчу свою, сронилъ со плѣчь.

XXVIII.

Голуби и Коршунъ.

Когда то голуби уговорились,
Избрати коршуна царемъ,
Надежду утвердивъ на немъ,
И покорились:
Ужъ нѣтъ убѣжища, среди имъ оныхъ мѣстъ;
Онъ на день голубей десятка по два ѣстъ.

XXIX.

Мздоимецъ.

Мздоимецъ, нѣкогда, состроилъ госпиталь:
И многія войти въ сіе жилище льстятся;
Да етова мнѣ жаль:
Ограбленныя всѣ имъ, тамъ не помѣстятся.

XXX.

Недостатокъ времени.

Живъ праздности въ удѣлѣ,
И въ день ни во единъ,
Не упражнялся въ дѣлѣ,
Какой то молодой и глупой господинъ.
Гораздо кажется, тамъ качества упруги,
Гдѣ нѣтъ отечеству, ни малыя услуги.
На что родится человѣкъ,
Когда проводитъ онъ, во тунѣядствѣ вѣкъ?
Онъ членъ ли общества? моя на ето справка,
Внесенная во протоколъ:
Не членъ онъ тѣла, борадавка;
Не древо въ рощѣ онъ, но изсушенный колъ;
Не человѣкъ, но волъ,
Котораго не жарятъ:
И Богъ то вѣдаетъ, за что ево боярятъ.
Мнѣ мнится, безъ причинъ,
Къ такимъ прилогъ и чинъ.
Могуль я чтить урода,
Котораго природа,
Произвела осломъ?
Не знаю для чево, щадитъ такихъ, и громъ.
Такой и мыслію до дѣлъ не достигаетъ,
Единой праздности онъ другъ:
Но ту свою вину, на время возлагаетъ,
Онъ только говоритъ: севодни недосугъ.
А что ему дѣла, во тунѣядствѣ, бремя,
На время онъ вину кладетъ,
Болтая: времени ему ко дѣлу нѣтъ.
Пришло къ нему часу въ десятомъ время;
Онъ спитъ,
Храпитъ,

Приему время не находитъ,
И прочь отходитъ.
Въ одинатцать часовъ пьетъ чай, табакъ куритъ,
И ничево не говоритъ.
Такъ времени, ево способной часъ не вѣдомъ.
Въ двѣнатцать онъ часовъ пируетъ за обѣдомъ:
По томъ онъ спитъ,
Опять храпитъ.
А подъ вѣчеръ, болванъ, онъ сидя, убираетъ:
Не мысли, волосы приводитъ въ ладъ;
И въ сонмищи публичны ѣдетъ гадъ,
И послѣ въ карты проиграетъ.
Нещастливъ етотъ градъ,
Гдѣ всякой день почти и клопъ и маскерадъ.

XXXI.

Перекормленная Курица.

Не дѣлай ты себѣ излишнія услуги,
Отъ помощи натуги.
Вотъ новый опытъ рѣмесла:
Старуха нѣкая разбогатѣть хотѣла,
И курицѣ своей еще прибавить тѣла,
Чтобъ курка въ толщину побольше порасла,
И болѣе яицъ несла;
Хотя она и такъ довольно ихъ носила,
И не просила,
Ни въ ночь, ни въ день,
Чтобъ былъ умноженъ ей, для толщины, ячмень.
Худая курицѣ симъ участь подалася,
Она обожралася.
Преставилась она; престала пить и ѣсть,
И яица хозяйкѣ несть.

XXXII.

Мышь и Устрица.

Нежитъ на берегу, изъ струй вскочивша, миса:
Подъ крышкой видѣнъ былъ кусочикъ:
Ни птичка онъ, ни рыбка, ни звѣрочикъ,
Да устрица была.
Увидѣла то крыса,
И морду сунула туда;
Изрядная была ѣда,
Которой крыса тутъ у мисы попросила:
Ей миса рыло откусила.

XXXIII.

Иссея.

Иссея въ горести тоскуетъ и страдаетъ,
И плачетъ и рыдаетъ,
Любезна пастуха Иссея покидаетъ,
И испускаетъ стонъ.
Сказали ей, въ нее влюбился Аполлонъ.
Уже не веселятъ, Иссею, больше розы,
И тщетенъ гіяцинтъ, предъ нею, и тюльпанъ;
Не вкусны персики, не вкусны априкозы,
Противны стали ей и виноградны лозы,
Дающи нектары во вкусѣ разныхъ винъ.
На что гвоздики ей, нарциссъ, левкой, фіоля?
Испорченна совсѣмъ ея блаженна доля.
Прощается она съ любезнымъ навсегда,
И видѣти ево, не чаетъ никогда.
Ліются изъ очей ея слезъ горькихъ рѣки,
Въ беспамятствѣ кричитъ: прости! прости на вѣки!

Прости! ково люблю я болѣе себя;
Утѣха вся моя пропала;
Но знай, не буду я больше безъ тебя,
Рекла и пала.
Разверзлись пропасти и въ преисподню ровъ:
И се является совмѣстникъ пастуховъ;
Она ево злѣй смерти не навидитъ.
Но кое зрѣлище! любезнова въ немъ видитъ.
Во пастухѣ любимъ былъ ею Аполлонъ:
Преображенъ былъ онъ,
Свою любовь извѣрить,
Дабы себя увѣрить,
Не милъ ли только ей единый будетъ санъ,
Которой во сердцахъ любовичьихъ тиранъ:
И часто отъ того въ любви одинъ обманъ.

XXXIV.

Голубь и Голубка.

Съ голубкой голубь жилъ, среди прекрасной рощи:
Въ веселіи шли дни,
Въ веселіи шли нощи.
Всечасно тамъ они,
Другъ друга цаловали,
И въ полныхъ радостяхъ, въ той рощѣ пребывали.
Но голубь отъ своей голубки прочь летитъ,
Колико духъ ея отлетомъ ни мутитъ;
Угодно голубю, немножко прокатиться,
И возвратиться:
Летитъ.
Голубка плачетъ,
А онъ, по воздуху, подъ облаками скачетъ;
Ни что ему въ пути скакати не претитъ:

Однако птицы тамо нищи:
Причина та, что нѣтъ ни пойла тамъ, ни пищи.
Пріятенъ путь,
Да худо, нѣтъ ни пищи тамъ, ни пойла,
А паче то, что нѣтъ подъ облаками стойла,
Хотя и должно отдохнуть;
А въ воздухѣ никакъ нельзя заснуть.
Ужъ голубю мѣста прелестны,
Да только не извѣстны;
И географію не скоро ту поймешъ;
А безъ того квартеры не найдешъ.
Оставилъ онъ тѣ дальныя границы,
Спустился поклѣвать созрѣлыя пшеницы,
И чистыя воды въ источникѣ испить,
А послѣ и ко сну гдѣ можно приступить.
Не пилъ еще, не кушалъ,
И водъ журчанія едва едва послушалъ,
На нивѣ голубокъ,
Попался во силокъ.
О путешествіи онъ суетно злословитъ,
Но къ участи ево, ево рабенокъ ловитъ;
Рабенокъ слабъ,
Такъ голубь былъ ему минуты двѣ три радъ,
И окончавъ свою нещастливую долю,
Онъ вырвался на волю.
А что довольно онъ, въ силокъ попавъ, потѣлъ,
Во путешествіи быть больше не хотѣлъ,
И въ старое свое жилище полетѣлъ.

XXXV.

Трусъ.

Разбойникъ нѣкакой, имѣя звѣрской духъ,
Напалъ на двухъ.

Когда встрѣчаются въ пустынѣ воры,
Не долго ждати ссоры;
Одинъ прохожій былъ великой трусъ,
И мыслитъ: есть ли мнѣ пожалуетъ онъ тузъ,
Такъ я не скоро вспряну;
А можетъ быть и то, что во сто лѣтъ не встану.
Другой былъ храбръ,
И смѣлъ какъ левъ, иль бабръ;
А тотъ бѣжитъ не львицей,
Но зайцомъ иль лисицей,
А можетъ быть летитъ стрѣлою онъ и птицей.
Отважной, копейцо въ разбойника вонзилъ,
Злодѣя поразилъ;
Упалъ воюющій разбойникъ,
И сталъ покойникъ.
А трусъ, и самъ тогда, мнитъ, вора побѣдить,
И палкою ево старался разбудить,
Но сколько онъ надъ симъ заснувшимъ ни трудился,
Однако онъ не пробудился.

XXXVI.

Не основательное желаніе.

Прошенье Зевсу подносили,
Мартышки, и ево просили;
Но въ челобитной той они писали что?
Хотѣли у себя Царя имѣть, вельможъ,
И словомъ общество уставить,
Дабы себя прославить.
Состроили себѣ и градъ,
А въ немъ Коллегіи, Госпиной домъ, Сенатъ,
И книгъ мартышачьихъ десятка два полатъ;

Судьи, подьячія, лишъ не было солдатъ:
Они трусливяе и насъ еще сто кратъ:
Да въ етомъ ни предъ кѣмъ они и не таятся,
Что смерти болѣе еще какъ мы боятся.
И орденъ учиненъ страны у нихъ былъ той:
На лѣнтѣ золотой,
Серебряной сурокъ повѣшенъ;
А надпись на звѣздѣ: кому изволитъ рокъ;
А рокъ, подарками бываетъ часто грѣшенъ.
Но можноль въ обществѣ, блаженству томъ найтис
Гдѣ тщатся жители безъ войска обойтися?
Приходитъ часто къ нимъ голодной волкъ,
И часто онъ даетъ не праведной оброкъ.
Мартышки здѣлали изъ гранадеровъ полкъ:
Ведутъ ко брани ихъ сурковы Кавалеры,
За ними шествуютъ мартышки гранодеры;
Но только волкъ завылъ,
Они всѣ въ тылъ.
Мартышки испугались,
Изъ пушекъ не было пальбы,
Ни изъ ружья стрѣльбы,
Гранаты ихъ не зажигались;
А волкъ, десятковъ пять героевъ покаралъ
И кожи съ нихъ содралъ.
Увидѣли мартышки,
Что плохо ихъ ружье и таковыжъ и книжки,
И что правительства устроить не могли;
Разсталися опять, а городъ свой сожгли.

XXXVII.

Лисица въ опасности.

Лисица ото псовъ бѣжала
И отъ охотника: лисицу онъ травилъ.
Лисица въ ужасѣ дрожала:

Ково на свѣтѣ смерть не испужала?
Бѣжитъ,
Дрожитъ,
Мнитъ: скоро смерть меня нещастливую скоситъ,
И мужика на пашнѣ проситъ:
Пожалуй мужичокъ, ты мѣсто укажи,
И гдѣ мнѣ спрятаться, скажи.
Мужикъ ее отъ смерти избавляетъ,
И мѣсто ей являетъ.
Охотникъ прилетѣлъ туда издалека,
И спрашиваетъ мужика,
Не зрѣлъ ли онъ лисицы
Воюющія въ ево границы?
Не зрѣлъ, мужикъ сказалъ,
Однако пальцомъ онъ лисицу указалъ.
Охотникъ мины не примѣтилъ,
Лисицы не осѣтилъ.
Бѣжитъ лисица вонъ
Не молвивъ пахарю ни слова.
А онъ,
То видя, что она, въ пути свои готова,
Пѣняетъ ей:
Не благодарствуешъ ты милости моей.
Лисица говорила:
Конечноб Ъ я тебя, мой другъ, благодарила,
Когдаб Ъ и палецъ твой мнѣ милости творилъ,
И также б Ъ какъ языкъ и онъ не говорилъ.

XXXVIII.

Золотыя Яицы.

Вдова была богата;
Носила курица ей яица изъ злата:

Богатство къ ней текло вотще,
Она хотѣла быть богатяе еще;
И мня, что курица уже довольно сыта,
И золотомъ набита;
Что внутренна ея, вся въ золотѣ въ округъ.
Возьму, сказала, все то золото я вдругъ:
И курицу убила.
Она черевами, не золотомъ густа,
Со курицей вдова доходы погубила;
Въ ней злата не было, была она пуста.

XXXIX.

Горшки.

Себя увеселять,
Пошелъ гулять,
Со глинянымъ горшкомъ, горшокъ железной.
Онъ былъ ему знакомъ, и другъ ему любезной.
Въ бока другъ друга стукъ,
Лишь только слышанъ звукъ:
И искры отъ горшка железнаго блистались;
А тотъ не долго могъ ийти,
И болѣе ево не льзя уже найти;
Лишъ только на пути,
Едины черепки остались.
Покорствуя своей судьбѣ,
Имѣй сообщество, ты, съ равными себѣ.

XL.

Поросячей крикъ.

Безумцевъ болѣе въ народѣ,
Такъ и безумство больше въ модѣ,
Оно же и легко, и легче тяжкихъ думъ.
Пошелъ великой шумъ;
Свиньей, хитрецъ, визжать умѣетъ,
Но только голосокъ свинятокъ онъ имѣетъ.
Народъ бѣжитъ,
Другъ друга въ тѣснотѣ всякъ сильно угнѣтаетъ,
И мужа мудраго со плѣскомъ почитаетъ,
А онъ визжитъ.
Мужикъ тутъ нѣкакой захочетъ,
И хочетъ,
Искусна мудреца, искуствомъ превзойти:
Не чаютъ голоса естественняй найти.
Визжитъ мужикъ: народъ согласно вопитъ: худо!
А то визжанье чудо.
Смотрите, говоритъ мужикъ, не я визжалъ;
Прямова въ пазухѣ свиненка я держалъ,
И уши поросячьи жалъ.
Такъ могутъ ли сказать народы,
Что нѣчто въ свѣтѣ есть естественняй природы?

XLI.

Злая Жена.

И такъ, и сякъ, жена съ сожителемъ жила,
Но другомъ никогда съ супругомъ не была;
И чувствовалъ супругъ колонье злое шила:
Досады новыя она вседневно шила:

Ево крушила,
И изсушила.
Но что бы злобу всю въ послѣдокъ совершила,
И окончала бы супруговой судьбой,
Зоветъ ево: пойдемъ купаться мы съ тобой;
Я больше на тебя дружечикъ не сержуся;
Однако не бери съ собой,
Изъ слугъ ни одново: вить мы не на разбой
Идемъ съ тобой теперь, ниже въ воинской бой;
Купаться мы идемъ: а я людей стыжуся.
Куда я послѣ ужъ гожуся,
Когда предъ ними обнажуся?
Пошли они,
Одни.
Раздѣлися, не утопляться,
Купаться.
Стоитъ супругъ при самой при рѣкѣ:
Жена ево не въ далекѣ;
Нашла она въ рѣку супругу путь,
И думаетъ туда сожителя столкнуть:
Слугъ нѣтъ тутъ, такъ они ее не изобидятъ,
Вить етова они конечно не увидятъ.
Не ждетъ напасти мужъ, такъ онъ и не дрожитъ;
А душенька къ нему съ размаху тутъ бѣжитъ.
Супругъ не думаетъ о вѣрномъ худа другѣ:
Однако онъ стоялъ лицемъ тогда къ супругѣ:
Увидя фурію, отъ мѣста отступилъ:
. . . . . .
Съ размаху не здержась, она въ рѣку упала,
И утопала:
Коль ты не возмогла сожителя спихнуть,
Туда тебѣ и путь.

XLII.

Коршунъ и Соловей.

Залѣзъ
Голодный коршунъ негдѣ въ лѣсъ,
И соловья унесъ;
А онъ ему пѣть пѣсни обѣщаетъ.
Разбойникъ отвѣщаетъ:
Мнѣ надобенъ обѣдъ;
А въ пѣсняхъ нужды нѣтъ.
Того кто жалости въ себѣ не ощущаетъ,
Противъ достоинства прибытокъ возмущаетъ,
И восхищаетъ;
Достоинство тому напрасно все вѣщаетъ.

XLIII.

Супругъ и Супруга.

Супруга верезжитъ во всю супругу мочь,
И здѣлала ему въ полудни темну ночь;
Пригоршни отрубей бросаетъ мужу въ очи.
Такой не чувствовалъ онъ съ роду темной ночи.
Возми дубину, мужъ, возми и не робѣй,
Дубиной лурищѣ ты ребры перебѣй.
Не кушаетъ ни кто глазами отрубѣй.
Сократа, мнится мнѣ, твой умъ не забываетъ;
Ксантиппа бросила кувшинъ воды въ нево,
Крича, шумя; а онъ не молвилъ ничево,
Какъ только то: гдѣ громъ, такъ тамъ и дождь бываетъ.

XLIV.

Приданое.

Невѣренъ нѣкто былъ, жену имѣвъ дурную,
И не любилъ ее женився молодецъ.
Не самъ ли своево нещастья онъ творецъ?
Вить лутче бъ было то, когда бы взялъ иную.
Спросили, для чево онъ такъ себя связалъ,
Не любишь ты жены, съ охотой кою взялъ?
Онъ на ето сказалъ:
Въ убожествѣ почти я помиру таскался;
Такъ я не жинщиной, но деньгами ласкался,
И болъше бѣдности я нынѣ не терплю,
Я съ харѣй хоть и еплю;
А что любилъ тогда, и нынѣ то люблю.
Жену люблю, жена моя, на всѣ мнѣ лѣты,
Дурной сей женщины монеты:
А ета женщина приданое монетъ,
Такъ и невѣрности моей супругѣ нѣтъ.

XLV.

Жена въ отчаяніи.

Мужъ болѣнъ жестоко и умираетъ,
Жена лишъ токи слезъ рыдая отираетъ;
Отъ горести дрожитъ,
Безъ памяти лежитъ,
И только словъ даетъ напасть ея круша:
Признаковъ жизни ты ужъ больше не являешъ,
Моя душа.
Кому меня, кому ты нынѣ оставляешъ?
Не льзя престать рыдать, ни горькихъ слезъ отерть.
Кричитъ: ко мнѣ прийди, ко мнѣ прийди, о смерть!
Тотчасъ она приходитъ,
И вѣрную жену отчаянну находитъ.

За чѣмъ, сударыня, меня къ себѣ звала?
Ахъ! я тебя къ себѣ давно уже ждала.
Томится, мучится душа у мужа въ тѣлѣ.
Не дай ему и мнѣ страдать;
Отраду можешь ты единая мнѣ дать,
Возми его скорѣй, возми его отселѣ.

XLVI.

Свинья и Конь.

Свинья сказала то коню:
Дружечикъ, я тебя виню,
Что ты дурачеству даешь безумно волю.
Почто выходишь ты на брань,
Когда между собой въ войнѣ герои трутся,
А по просту дерутся,
И въ нуждѣ сей тобой стремятся овладѣть?
Не лучше ли тебѣ и дома посидѣть?
Конь отвѣтствуетъ: я знаю, ты свинья;
А я,
Ущерба тамъ себѣ ни мала не встрѣчаю,
Гдѣ я прославлюся для пользы свѣта чаю.

XLVII.

Страхъ и любовь.

Филонъ живетъ несладко,
Съ женой живетъ не ладно:
Вѣдь,
Когда
Съ женою мужъ живетъ не дружно;
Спокойство нужно,

А тутъ ево до гробовой доски
Не будетъ;
Печали и тоски
Никто такой до смерти не забудетъ,
Когда въ супружествѣ привѣтства, ласки нѣтъ;
Противно время, домъ, забавы мнѣ и свѣтъ.
Филонъ то все всечасно ощущаетъ;
Жена привѣтствія во вѣкъ не обѣщаетъ,
И горесть вѣчную супругу обѣщаетъ.
Не знаю для чево хоромъ ево ключи
Не заперли въ ночи.
Вшелъ воръ тогда въ хоромы.
Они приходятъ вить и незванныя въ домы;
Да етожъ было въ ночь не посрединѣ дни,
Хозяева одни:
Проснулися они:
Вить воръ хозяина не скоро изобидитъ,
Коль вора онъ увидитъ.
Хозяинъ не дрожитъ,
А воръ изъ комнаты, какъ заяцъ убѣжитъ.
Во дѣлѣ колкомъ,
Хотя пришелъ и волкомъ,
Хозяинъ не робѣлъ;
Военной человѣкъ онъ былъ, и былъ онъ смѣлъ;
Такъ воръ уже не ту, тутъ пѣсенку запѣлъ,
Котору пѣть хотѣлъ.
Хозяинъ никогда не устрашался боемъ,
А жонка не была солдатомъ и героемъ;
Во страхѣ бросилась въ объятіе къ нему,
Какъ будто къ милому супругу своему.
Ему казалось то всево на свѣтѣ слаще:
Отъ етой радости въ восторгѣ не смолчалъ,
И закричалъ:
О воръ! ходи ко мнѣ, ходи ко мнѣ ты чаще.

XLVIII.

Александрова слава.

Мы прямо ето знаемъ,
Когда бы, АлександрЪ, ты побылъ за ДунаемъЪ,
Или бы въ Бендерѣ сидѣлъ,
Или бы флотами противу насъ владѣлъ
На Геллеспонтѣ,
И видѣлъ корабли въ огнѣ на оризонтѣ,
Или бъ на флотѣ былъ среди воинскихъ дѣлъ:
Конечно бъ ты тогда гораздо потерпѣлъ,
И пѣсню Греціи иную бъ ты запѣлъ;
Встревожилися бы твоихъ героевъ душки,
Когда бы загремѣли пушки
Подъ предводительствомъ великихъ сихъ мужей,
О коихъ я сказалъ тебѣ въ поемкѣ сей,
Принесшихъ новую Россіи славу всей;
Сказалъ бы ты тогда: во дни ЕКАТЕРИНЫ,
Мои увяли кринъ.

XLIX.

Собачья ссора.

Когда подходитъ непріятель,
Такъ тотъ отечества предатель,
Кто ставитъ ето за ничто,
И другомъ такову не долженъ быть никто.
Сабаки въ стадѣ собрались,
И жестоко дрались:
Волкъ видитъ ету брань,
И взяти хочетъ дань,
Ево тутъ сердце радо.
Собакамъ не досугъ, такъ онъ напалъ на стадо.

ВолкЪ лихЪ,
Ворвался онЪ кЪ овцамЪ, и тамЪ коробитЪ ихЪ,
Сабаки ето видя,
И волка не навидя,
Домашню брань оставили тотЪчасЪ,
И устремили глазЪ
Ко стаду на проказЪ;
ДрузьямЪ не измѣнили,
И волка полонили;
А за ево кЪ овцамЪ пріязнь,
Достойную ему сабаки дали казнь.
А Россы вЪ прежни дни ТатарЪ позабывали,
Когда между собой вЪ разстройкѣ пребывали,
И во отечествѣ другЪ сЪ другомЪ воевали,
ПротивЪ себя самихЪ храня воинскій жарЪ,
И были отЪ того подЪ игомЪ у ТатарЪ.

L.

Наказаніе.

ПрешелЪ молчанія не знаю кто границу,
Прекрасную дѣвицу
Любя,
И ей сказалЪ: люблю всѣмЪ сердцемЪ я тебя.
Дѣвица сердится, ей сей докладЪ безчиненЪ.
ЛюбовникЪ говоритЪ: передЪ тобой я виненЪ:
ТакЪ ты меня за дерзость накажи;
Что я тебѣ сказалЪ, то мнѣ сама скажи.

LI.

Сабака и КладЪ.

Сабака кладЪ сыскала,
И яму тутЪ она навозу натаскала,
Опять зарыла кладЪ и стерегла ево.
Не ѣстЪ, не пьетЪ и ничево
Не можетЪ дѣлать болѣ,
И стала у самой себя она въ неволѣ.
Сабака день и ночь имѣнье берегла
И стерегла:
Проголодалася, ослабла, умерла.

LII.

Конь и ОселЪ.

Конь нѣкогда скакавЪ, копыто повредилЪ,
И ногу такЪ разбередилЪ,
Что онЪ отЪ язвы той хромаетЪ,
И ужЪ едва, едва копыто подымаетЪ;
ХромалЪ больной, хромалЪ и на корачки сѣлЪ:
Больному говоритЪ сему коню оселЪ:
Теперь тебѣ вить лихо;
А естьли бы ходилЪ и ты, какЪ я, такЪ тихо:
ОтЪ боли бЪ тишина всегда была покровЪ,
И былЪ бы ты здоровЪ:
Почто скакать нахально?
Смотри ты, сколь мое смиреніе похвально.
А я скажу на мѣсто сей хвалы:
ВЪ моряхЪ ужасныя валы,
И страхЪ во флотѣ;
Но страха никогда не видано въ болотѣ.

LIII.

МужикЪ и МедвѢдь.

БѢгутЪ разбойники за мужикомЪ:
Разбойничій уставЪ знакомЪ;
Они людей не нѣжутЪ,
Да рѣжутЪ;
А домЪ
ДалекЪ, отЪ мужика, такЪ онЪ какЪ будто кЪ друг
КЪ медвѣдю убѣжалЪ отЪ ужаса вЪ берлугу.
ОнЪ ѣлЪ тутЪ пилЪ и спалЪ:
Медвѣдь на мужика покорна не напалЪ
И напоилЪ ево и напиталЪ.
МужикЪ поутру рано вставалЪ,
ПришолЪ домой и извѣщаетЪ:
Медвѣдь вотЪ тамЪ и тамЪ,
И тамо показать медвѣдя обѣщаетЪ.
Пошли сЪ оружіемЪ крестьяне кЪ тѣмЪ мѣстамЪ:
МужикЪ медвѣдя кажетЪ;
Но что медвѣдь мой скажетЪ?
Перепугалъ медвѣдь безстрашныхЪ сихЪ солдатЪ,
И каждый убѣжать сЪ оружіемЪ былЪ радЪ.
Медвѣдь ихЪ гонитЪ,
Но всЕ кЪ отмщенію желанье только клонитЪ:
ПоймалЪ предателя и говоритЪ:
Подобно и тебя твой другЪ благодаритЪ,
И лапой мужику медвѣдь расквасилЪ рожу,
А послѣ содралЪ онЪ сЪ нево еще и кожу.

LIV.

Муравей и Пчела.

Когда то муравья пчела пренебрегала,
Не стоишь, говоритъ, почтенья ты ни мала,
Слыхала я, со мной равняютъ муравья;
Однако помнишь ли кто ты и то что я.
Такой я подлости не почитаю;
Ты ползаешь, а я летаю;
Збираешь только вздоръ
И дѣлаешь навозъ и соръ.
А я себя своей премудростію славлю,
Которою наполненъ весь мой мозгъ;
И воскъ
И патаку я етавлю;
Но етова тебѣ ползя,
И видѣти не льзя;
У насъ хоромы;
А ваши домы
Навозъ.
Товару етова не стоитъ деньги возъ;
Такой товаръ телегамъ только бремя:
А въ само ето время,
Пришли тутъ медъ ломать
И вынимать;
Пришли ломатели во пчельныя анбары,
И взяли на себя пчелиныя товары.
Муравль отвѣтствуетъ: ушолъ твой сладкій медъ;
Почти ни патаки, ни воску больше нѣтъ.

LV.

РемесленникЪ и КупецЪ.

БылЪ нѣкій человѣкЪ не отЪ большихЪ ремеселЪ,
ВарилЪ онЪ мыло, былЪ ежеминутно веселЪ,
БылЪ веселЪ безЪ бесѣдЪ;
А у нево богачь посадской былЪ сосѣдЪ:
Посадской торгу служитЪ,
И не престанно тужитЪ;
ИмѣетЪ новый онЪ на всякой день ударЪ:
Иль съ рукЪ нейдетЪ товарЪ,
Иль онЪ мѣдлѣетЪ,
Или во кладовыхЪ онЪ пылѣетЪ;
Посадской день и ночь болѣетЪ,
И всяку о себѣ минуту сожалѣетЪ.
КЪ сосѣду онЪ принесЪ на именины дарЪ,
И далЪ ему пять сотЪ рублей посадской златомЪ.
Во состоянiи рѣмесленникЪ богатомЪ,
УжЪ пѣсенЪ не поетЪ, да золото хранитЪ,
И золото одно въ ушахЪ ево звѣнитЪ;
Не спитЪ, какЪ спалЪ онЪ прежде,
Ко пропитанiю ни мало бывЪ въ надеждѣ.
И можетЪ ли быть сонЪ,
Когда о золотѣ единомЪ мыслитЪ онЪ?
Одно ево оно лишь только утѣшаетЪ,
И ѣсть и пить ему мѣшаетЪ,
И пѣсни пѣть.
Сей жизни мыловарЪ не можетЪ ужЪ терпѣть;
И какЪ ему житье то стало не прiятно,
КЪ посадскому отнесЪ онЪ золото обратно.

LVI.

БоровЪ и МедвѢдь.

Высокой толстой боровЪ
БылЪ добрая свинья, да лишь имѣлЪ онЪ норовЪ;
ОнЪ былЪ не малЪ;
ОтЪ етова онЪ былЪ великой самохвалЪ,
И говоритЪ медвѣдю:
Коль я кЪ тебѣ себя, дружечикЪ, присусѣдю,
ТакЪ ты тогда не убѣжишь,
СвиненкомЪ нашимЪ завизжишь.
ДоволенЪ, тотЪ сказалЪ, я силою своею;
Однако я тебѣ не покажуся сЪ нею,
И не сражуся со свиньею.

LVII.

Коршуны и голуби.

У коршуновЪ была велика ссора,
И продолжалась многи дни.
На что мнѣ вѣдати, за что дрались они,
Какая нужда мнѣ, вину ихЪ знать раздора:
Дрался, голубей ужЪ больше не губя:
Дрались между себя:
ИхЪ голуби мирили,
И кЪ миру ихЪ уговорили,
ЧтобЪ послѣ ихЪ за то они благодарили,
Скончалась брань,
У нихЪ между собою,
Пошли они кЪ другому бою,

И собирати дань;
Пошли на голубей по прежнему къ разбою.
На что вы голуби, мирити ихъ брались?
Пускай бы въ вѣкъ они дрались,
Другъ на друга бросались,
А вы бы ихъ враждой, отъ пагубы спасались.

LVIII.

Вояжиръ плясунъ.

Поѣздилъ нѣкто въ даль,
И возвратилася оттоль обратно шаль:
Отцу и матери печаль,
И времени и денегъ жаль;
Въ чужихъ краяхъ, ихъ сынъ, потратилъ ихъ довольно.
Смѣшно другимъ,
А имъ
Гораздо ето больно;
А онъ разказывалъ: великой онъ плясунъ;
Какъ съ ними разлучился,
Онъ етому учился.
Хвастунъ
О пляскѣ ничево сказать не разумѣетъ,
И слѣдственно, что онъ плясати не умѣетъ.
А онъ по всѣмъ кричалъ гордясь мѣстамъ:
Колико я плясать умѣю;
Я на ето себѣ свидѣтелей имѣю,
И отписати къ нимъ отсель объ етомъ смѣю;
Прославился вездѣ своей я пляской тамъ.
Пожалуй, говорятъ, объ етомъ не пиши;
На что свидѣтели? предъ ними попляши.

LIX.

Мышь МедвѢдемъ.

Храниши разума всегда потребно зрѣлость,
И состоянія блюсти неврѣдно цѣлость:
Имѣй умѣренность, держи въ уздѣ ты смѣлость;
Насъ наглости во бѣдства мчатъ.
Пожалована мышь Богами во медвѣди;
Дивятся всѣ тому, родня, друзья, сосѣди,
И мнится, что о томъ и камни не молчатъ;
Казалося, о томъ лѣса, луга кричатъ.
Крапива стала выше дуба;
На голой мыши шуба,
И изъ курячей слѣпоты
Хороши вылились цвѣты.
Когда изъ низости высоко кто воспрянетъ;
Конечно онъ гордиться станетъ,
Наполненъ суеты,
И мнитъ, какъ я еще тварь подлая бывала,
И въ тѣ дни я въ домахъ господскихъ поживала;
Хоть бѣгала дрожа,
А нынѣ я большая госпожа;
И будутъ тамъ мои надежно цѣлы кости;
На пиръ пойду къ боярину я въ гости.
Пришла на дворъ:
Сабаки всѣ кричатъ; вошелъ въ ворoты воръ,
Разбойникъ, кровопійца,
Грабитель и убійца;
Трухнулъ медвѣдь,
И сталъ робѣть,
Однако позно,
Настало время грозно;
Хозяинъ говоритъ: поподчивать пора
Намъ гостя дорогова;

Дождемся ли когда медвѣдя мы другова?
Да лишь безъ пошлины не спустимъ со двора:
И тутъ рогатиной ево пощекотили;
Дубиною поколотили,
И кости у нево, какъ рожъ, измолотили.

LX.

Прозьба мухи.

Старуха
И горда муха,
Насытить не могла себѣ довольно брюха,
И самова она была гордѣйша духа.
Духъ гордый къ наглости всегда готовъ.
Взлетѣла на Олимпъ и проситъ тамъ Боговъ;
Туда она взлетѣла съ сыномъ,
Дабы перемѣнить ея мушонка чиномъ,
Въ которомъ бы ему по больше былъ доходъ.
Котъ,
Въ годъ,
Прибытка вѣрнова, не меньше воеводъ
Кладетъ себѣ на щотъ.
Пожалуйте котомъ, вы боги, мнѣ мышонка,
Чтобъ полною всегда была ево машонка.
На смѣхъ
Прошеніемъ она Боговъ тронула всѣхъ;
Пожалованъ: уже и зубы онъ готовитъ,
И сталъ котокъ
Жестокъ,
И вмѣсто онъ мышей, въ дому сталъ куръ ловить;
Хотѣлъ онъ видно весь курятникъ истребить,
И куръ перегубить;
Велѣли за ето кота убить.

Смерть больше всякія на свѣтѣ семъ прорухи
Не должны никогда котами быти мухи,
Ниже во вѣкъ,
Какимъ начальникомъ быть подлый человѣкъ.

LXI.

Конь и оселъ.

Во нѣкоторо время,
Конь празденъ былъ, оселъ тяжелое несъ бремя.
Просилъ оселъ коня сево:
Возми ты часточку отъ ига моево
Коль хочешь ты меня отъ смерти злой избавить,
И въ семъ мученіи несносномъ не оставить,
Конь морду отвернулъ;
А иго сей оселъ не долго потянулъ
И издохнулъ.
Конь гордый пренебрѣгъ просительное слово,
И подчиненъ былъ самъ подъ иго онъ ослово;
Хозяинъ на нево то иго положилъ,
По смерти конь осла, осломъ ему служилъ,
Хозяинъ говоритъ: я ето бремя множу,
Которо несъ оселъ, когда еще онъ жилъ;
Неси, дружечикъ мой, ево теперь и кожу.
Другому помогай, поможетъ онъ тебѣ;
Или неси одинъ ты бремя на себѣ.

LXII.

Пiитъ и Уродъ.

Пiитъ,
Зовомый Симонидъ,
Былъ дѣлать принужденъ великолѣпну оду,
Какому то уроду:
Но что писать, хотя въ пiитѣ жаръ кипѣлъ?
Чтожъ дѣлать? онъ запѣлъ;
Хотя ко помощи и тщетно музу проситъ.
Онъ въ одѣ Кастора и Полукса возноситъ;
Слагая оду онъ довольно потерпѣлъ.
А объ уродѣ
Не много было въ одѣ.
Уродъ ево благодаритъ,
Однако за стихи скупенько онъ даритъ,
И говоритъ:
Возми задаточекъ,
А съ Кастора и Полукса остаточекъ.
Туда лежитъ твой слѣдъ;
А ты останься здѣсь, дружечикъ на обѣдъ,
Здѣсь будетъ у меня, для дружества бесѣда,
Родня, друзья, и каждый мой сосѣдъ.
Пируютъ,
И рюмочки вина пiиту тутъ даруютъ.
Пiиты пьютъ,
И въ рюмки такъ вино, какъ и другiя льютъ.
Довольно тамъ они бутылки полизали;
Но Симониду тутъ слуги сказали:
Прихожiя хотятъ съ нимъ нѣчто говорить,
И сверьхъ того еще ево благодарить.
За что, пiитъ того не вспоминаетъ;
Слуга не знаетъ;
А онъ о Касторѣ и Полуксѣ забылъ,
Хотя и тотъ и тотъ передъ дверями былъ:

Пойди, сказали тѣ, доколѣ духъ твой въ тѣлѣ,
Пойди, любимецъ нашъ, пойди скоряй отселѣ.
Онъ съ ними вышелъ вонъ,
И слышитъ смертной стонъ;
Упалъ тотъ домъ и сокрушился,
Хозяинъ живота бесѣдою лишился,
Пошелъ на вѣчный сонъ;
Переломалися ево господски кости;
Погибъ онъ тутъ, ево погибли съ нимъ и гости.

LXIII.

Піитъ и разбойникъ.

Піита Ивика разбойники убили
А онъ вопилъ, когда они ево губили:
О небо, ты мой гласъ, о небо, ты внемли,
И буди судіею
Надъ жизнію моею:
Онъ тако вопіялъ, толпой терзаемъ сею.
Въ тотъ самый часъ летѣли журавли:
Онъ вопилъ, вы моей свидѣтелями будьте
Кончины люпыя, и не забудьте
Того, что я вѣщаю вамъ;
А я мой духъ предамъ
Въ надеждѣ сей богамъ,
И душу испущу въ небесныя границы.
Летятъ сіи когда то птицы:
Разбойникъ вспомнилъ то убійство и разбой,
Сказалъ товарищу караемый судьбой,
Не мня, что ихъ перехватаютъ:
Вотъ смерти Ивика свидѣтели лѣтаютъ.

LXIV.

Учитель Поезіи.

Для риѳмотворства
Потребно множество проворства,
И риѳмѣ завсегда хорошей должно быть,
Иль должно при стихахъ со всѣмъ ее забыть;
То можно доказати ясно:
О страсти нѣкто пѣлъ,
Въ которой онъ кипѣлъ.
И думаючи мня на риѳмахъ пѣть согласно.
Любезная ему съ усмѣшкой говорила,
И будто какъ журила:
Ты жарко въ холодѣ къ любви поешь маня,
А естьли станешь ты и впрямъ любить меня,
Такъ риѳмы позабудешь,
И о любви вѣщать ты риѳмами не будешъ.
Съ поезіей любви судьба не разлучила;
Любовь
Воспламеняетъ кровь,
И многихъ жаромъ симъ стихи слагать учила.
А я скажу, что часто вить и той
Любовь дорогой рыщетъ:
Разумный красотой
Скоряе всѣхъ пѣвцовъ хорошу риѳму сыщетъ;
Не станетъ онъ худыя риѳмы класть;
Любви и стихотворства сласть,
Имѣетъ надъ пѣвцомъ нераздѣлиму власть.

LXV.

Тщетная предосторожность.

Страшился я всегда любовныхъ оку встрѣчь,
И тщился я свою свободу уберечь,
Чтобъ сердца суетно любовью не зажечь:
Однако я не могъ себя предостеречь.
Сложилъ Венеринъ сынъ колчанъ съ крылатыхъ плеч
И стрѣлу онъ вонзилъ въ меня, какъ острый мечь
Чтобъ симъ вонзеньемъ могъ меня въ бѣду вовлечь.
Пріятныя глаза, уста, пріятна рѣчь,
Могли на вѣкъ мое спокойствіе пресѣчь;
Вѣлели днямъ моимъ въ лютѣйшей грусти течь,
И прежде срока мнѣ горя, во гробѣ лечь.

LXVI.

Слѣпая старуха и лѣкарь.

Старуха
Недѣли двѣ слѣпа была,
И лѣкарю себя въ лѣченье отдала.
На что глаза . . . . . но здѣлалась проруха.
По смерти во глазахъ ужъ больше нужды нѣтъ,
Какъ мы покинемъ свѣтъ,
И красной намъ тогда и черной равенъ цвѣтъ:
Однако бабушка другую пѣсню пѣла,
И слѣпоту свою отчаянна терпѣла.
Взялся печальну мысль ей лѣкарь облегчить,
И сталъ ее лѣчить,
И обѣщается скончать ей время гнѣвно:
Но крадетъ у нея посуду повседневно.
Открылъ онъ ей глаза, гордясь подъемлетъ носъ,
И здѣлалъ лѣкарь тотъ, хрычовушкѣ вопросъ:
Уже ли видишь ты, сударыня, повсюды?
Она отвѣтствуетъ! не вижу лишь посуды.

LXVII.

Блоха.

Блоха подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поноситъ,
На воеводство проситъ:
Достойна я, кричитъ, во мнѣ все барска кровь.
Отвѣтствовано ей: на что тамъ барска слава?
Потребенъ барской умъ и барская расправа.

LXVII.

Единовластвіе.

Единовластвіе прехвально,
А многовластвіе нахально:
Я ето предложу
Во басенкѣ, которую скажу:
При множествѣ хвостовъ, таская ихъ повсюду,
Стоглавный былъ драконъ:
Согласья не было законовъ ни откуду;
Глава главѣ тьму дѣлаетъ препонъ;
Хвосты, лежатъ они, ни въ избу и ни вонъ,
Лежатъ они, куда занесъ дракона сонъ.
При множествѣ хвостовъ подобно какъ и онъ,
Единоглавный былъ драконъ,
Согласенъ былъ законъ.
Я крѣпко въ томъ стояти буду,
Что щастья . . . .
И праведнаго тамъ не можетъ быть указа,
Между людей,
Гдѣ равныхъ множество владѣющихъ судей:
Гдѣ много мамушекъ, такъ тамъ дитя безъ глаза;
Не о невольникахъ я ето говорю,
Но лишь о подданныхъ во вольности Царю.

Конецъ V. Книги.

ПРИТЧИ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ПРИТЧИ

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Шубникъ.

На денежки оскаливъ зубы,
На откупъ нѣкто взялъ народу дѣлать шубы:
Сломился дубъ
Скончался откупщикъ: и шубъ
Не дѣлаетъ онъ болѣ;
Такъ шубы брать отколѣ?
А шубниковъ ужъ нѣтъ, и ето ремесло
Крапивой заросло.
Такую откупомъ то пользу принесло.

II.

Двѣ дочери подьячихъ.

Подьячій былъ, и былъ онъ доброй человѣкъ,
Чево не слыхано во вѣкъ:

Умъ рѣзвой
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвой,
И сверьхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель етому конечно не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ:
Что Хамово то племя,
И что крапивно сѣмя,
И что ие возлетятъ ихъ души къ небѣсамъ,
И что наперсники подьячія бѣсамъ,
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подьячева вѣкъ минулъ;
Хотя подьячій сей работалъ день и ночь:
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь ево въ вѣкъ по миру таскаться.
Другой подьячій былъ, и взятки бралъ:
Былъ пьяница, дуракъ, и грамотѣ не зналъ:
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти:
Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по миру таскается съ сумой:
А ета чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

III.

Коршунъ въ павлиныхъ перьяхъ

Когда то убрался въ павлинья коршунъ перья,
И признанъ ото всѣхъ безъ лицемѣрья,

Что онъ павлинъ:
Крестьянинъ сталъ великой господинъ,
И озирается гораздо строго:
Какъ будто важности въ мозгу ево премного.
Павлинъ мой чванится; и думаетъ павлинъ,
Что едакой великой господинъ,
На свѣтѣ онъ одинъ:
И туловище все, все, гордостью жеребо,
Не только хвостъ ево; и смотритъ только въ небо;
Въ чести мужикъ гордится завсегда:
И ежели ево съ боярами сверстаютъ;
Такъ онъ безъ гордости не взглянетъ никогда;
Съ чинами дуросты душъ подлыхъ возростаютъ.
Разсмотренъ, на конецъ, богатой господинъ:
Ощипанъ онъ, и сталъ ни коршунъ ни павлинъ.
Кто коршунъ, я лишенъ такой большой догадки,
Павлиныя перья взятки.

IV

Наставникъ.

Былъ нѣкто нравовъ исправитель,
Великодушія любитель.
Скорбящихъ ободрялъ,
Печальныхъ утѣшалъ.
Сосѣды всѣ его Героемъ почитали,
И всѣ его слова въ законы принимали.
Окрадутъ ли ково когда,
Иль кто болѣетъ иногда,
Дѣтей ли кто своихъ или жены лишится,
Или нападками невинный утѣснится,
Все по ево словамъ то было не бѣда.

Имѣлъ жену онъ молодую,
А красотою каковую,
Въ томъ нужды нѣтъ;
Любовникъ и сову любя богиней чтетъ.
Но смерть любви не разбираетъ,
И не считаетъ лѣтъ,
Все ей равно, хоть внукъ, хоть дѣдъ.
Она его жену во младости ссѣкаетъ.
Онъ бьется, и кричитъ, и волосы деретъ,
И словомъ: такъ какъ быкъ реветъ.
Отколѣ ни взялися,
Сосѣды собралися:
Воспомни, говорятъ, наставникъ нашъ, что намъ
Говаривалъ ты самъ.
Онъ имъ отвѣтствовалъ: какъ я давалъ законы,
И тѣшилъ васъ свои совѣты подая,
Въ то время мерли ваши жоны,
А нынѣ умерла моя.

V.

Волкъ ставшій пастухомъ.

Когда пріятнымъ сномъ пастухъ въ лугахъ умолкъ
И овцы спали,
А караульщики ужъ больше не брехали;
Пришелъ для добычи голодный къ стаду волкъ.
Способенъ случай мнѣ, подкравшися, волкъ мыслитъ
Десятка полтора овецъ своими числитъ.
Не силу онъ; обманъ
Употребляетъ:
Аркасовъ онъ кафтанъ,
И шляпу надѣваетъ,

И подпирается онъ посохомъ ево.
Мнитъ: волчьева на немъ нѣтъ больше ничево.
Изрядной молодецъ въ пастушьемъ волкъ нарядѣ!
А естьлибъ грамотѣ онъ зналъ;
Конечно бы на шляпѣ подписалъ:
Аркасъ мнѣ имя, я пастухъ при етомъ стадѣ.
КЪ Аркасу схожимъ быть,
Чево еще тогда ему не доставало?
Чтобъ голосомъ ево не много повопить.
Лишъ только закричалъ: все дѣло явно стало:
Перетревожилъ всѣхъ противной стаду слухъ:
Всѣ овцы заблѣяли,
Собаки лаять стали,
Проснулся и пастухъ.
Кафтаномъ лицемѣръ опутанъ; какъ спасаться?
Не могъ бѣжать, ни защищаться.

VI.

Два друга и медвѣдь.

Два друга, какъ два брата, жили,
Иль лучше и тово.
Не могъ быть ни часа одинъ безъ однова.
О чемъ между себя они ни говорили,
Другъ отъ друга не крыли,
Ничево.
И никогда они другъ другу не грубили;
Казалося что то Дамонъ съ Питіемъ были.
За непріятеля кто почиталъ комо;
Такъ непріятеля ево,

И тотъ имѣлъ за своево.
Гуляли, ѣли вмѣстѣ, вмѣстѣ пили,
И можетъ быть что вмѣстѣ и любили.
То больше и всево.
И клятвы сохранять хотѣли непреступно,
Чтобъ жить и умереть имъ купно.
Случилось имъ,
Быть нѣкогда въ лѣсу однимъ,
И на медвѣдя тутъ они попали;
Хоть встрѣчи таковой себѣ не ожидали.
Ужасной былъ медвѣдь.
Такъ вмѣсто чтобъ робѣть;
Толико сколько можно,
Имъ защищаться должно;
А какъ не станетъ силъ, обѣимъ умереть;
Однако толстой дубъ въ томъ мѣстѣ приключился;
Одинъ изъ нихъ забылся,
Какъ другу онъ божился,
И на дубъ взлѣзъ,
А клятвы всѣ съ собой на самой верьхъ унесъ.
Другой на смерть остался,
И слѣдственно, что онъ гораздо испужался:
Ково не устрашитъ суперникъ таковой?
Не чаялъ больше онъ прийти къ себѣ домой.
Злой звѣрь,
Домой не отпускаетъ.
Медвѣдь не разсуждаетъ,
Объ етомъ никогда,
Что надобно съ домашними проститься.
Пришла бѣда.
Нещастливой слыхалъ, что мертвымъ притвориться,
Въ такомъ случаѣ надлежитъ.
Палъ, притворяется, что будто мертвъ лежитъ,
Медвѣдь всю голову у мертваго лобзаетъ,
И въ немъ дыханія не обрѣтаетъ.
Понюхалъ и пошелъ,
Я чаялъ, говоря, живова я нашелъ.

Ушелъ медвѣдь изъ глазъ, слѣзъ храбрый воинъ съ дуба
И стала радость быть ему сугуба;
И друга своево опять онъ получилъ,
И клятвы онъ не преступилъ,
Чтобъ вмѣстѣ умереть какъ сказано то прежде;
А что бы вмѣстѣ жить, онъ въ крѣпкой былъ надеждѣ
Былъ радъ, и что былъ радъ онъ другу то открылъ
И спрашивалъ ево, что въ уши говорилъ
Медвѣдь ему за тайну.
Тотъ отвѣчалъ ему: чтобъ дружбу обычайну,
Я дружбой несчиталъ,
И чтобъ я впредь друзей при нуждѣ узналъ.

VII.

Пьяной и судьбина.

Муронъ напившись пьянъ, воды пошелъ искать;
Въ желудкѣ вздумалъ онъ огонь позаплескать:
Прибѣгъ къ колодезю; но такъ онъ утомился;
Что у колодезя неволей повалился,
И жажду позабывъ пустился въ сладкой сонъ:
Започивалъ тутъ онъ.
Не вздумалъ онъ тово, что легъ онъ тутъ не къ стати:
Раскинулся, храпитъ, какъ будто на кравати,
И ужъ спустился онъ въ колодезь головой.
Судьбина, пьянова, шедъ мимо, разбудила,
И говорила:
Поди, мой другъ, отсель, опочивать домой.
Спроси, гдѣ ты живешъ: твой дворъ тебѣ укажутъ.
Какъ ты утонешъ, я тому причина, скажутъ.

VIII.

Крестьянинъ и смерть.

Крестьянинъ въ старости и въ бѣдности страдая,
Дрова рубилъ,
И жизни таковой не полюбилъ,
Остатокъ лѣтъ своихъ ни съ смертью не равняя,
Что въ нихъ? онъ говорилъ;
Уже тотъ вѣкъ прошелъ, который былъ пріятенъ:
Прошелъ тотъ вѣкъ какъ я былъ веселъ и здоровъ;
Приди о смерть, приди! я въ гробъ ийти готовъ.
Сей голосъ стариковъ,
Былъ смерти очень внятенъ,
И послѣ оныхъ словъ,
Смерть всѣ свои дѣла другія оставляетъ,
И старова у дровъ,
Усердно посѣщаетъ.
Какъ не оставить все когда ее зовутъ,
Другія отъ нея и окны всѣ запрутъ.
Она жъ и не спѣсива,
И что къ нему пришла, ни малова нѣтъ дива.
За чемъ ты звалъ меня,
Она у старика не грозно вопрошала,
Мнѣ слышалось, что жизнь тебѣ противна стала:
Струсилъ старикъ и ей отвѣтствовалъ стеня:
Нѣтъ дѣло не о томъ, передъ тобой могила;
Я звалъ, чтобъ ты дрова снести лишъ пособила.

IX.

Муха и корета.

ВЪ коретѣ ѣхала не знаю кто такая,
Кто такова она, что нужды до тово?
Пускай не ѣхало въ коретѣ ни ково,
Иль пусть сидѣла въ ней красавица какая:
То лутче и всево.
Одналь она сидѣла,
Иль при себѣ любовника имѣла,
Здѣсь дѣло не о томъ.
А ѣхала она внѣ жила,
Знать что поля любила.
День очень жарокъ былъ, и пыль вилась столпомъ,
Корета,
Средь лѣта,
Пылитъ всегда,
То разумѣется, какъ выѣдешъ, тогда.
Прилипла муха къ ней, и пыль такую видя,
Взгордилася, и говорила сидя:
Хотъ не она тому причиною была:
Куда какъ сколько здѣсь я пыли подняла!

X.

Крынка молока.

Мелинта понесла на рынокъ молоко:
Хоть крынку головой нести и не легко;
Мелинта о трудѣ своемъ не размышляетъ,
Но деньги исчисляетъ,

Которыя она за свой товарЪ возметЪ.
И въ мысли таковой дорогою идетЪ:
КакЪ ето я продамЪ куплю яицЪ десятокЪ.
Да выведу цыплятокЪ.
Не думай коршунЪ ты цыплятЪ моихЪ таскать;
Я стану ихЪ беречь такЪ какЪ робятокЪ мать.
Цыплятки будутЪ куры;
Вить я не здѣлаю какЪ дѣлаютЪ то дуры,
ЧтобЪ мнѣ цыплятЪ поѣсть.
Они со временемЪ, яички будутЪ несть.
И разведу я курЪ ста два или и болѣ.
КурЪ нѣсколько продавЪ овечку я куплю;
Вить дешево своихЪ я курЪ не уступлю.
КупивЪ, овечушку пущу гулять я въ полѣ.
Овечкѣ надобно ягнятокЪ мнѣ родить.
Вы будете меня ягняточки любить.
КакЪ на лугЪ я приду они играть тамЪ станутЪ:
Увидючи меня вотЪ такЪ то вспрянутЪ:
И внѣ ума,
Воспрянула сама.
Слѣтела крынка: вотЪ Мелинтѣ вся заплата.
Какой ей то ударЪ!
Прости товарЪ,
Прости овечушка, простите и ягнята,
Простите яица, и куры, и цыплята.

XI.

ЧеловѢкЪ средняго вѢка и двѢ ево любовницы.

БылЪ нѣкто среднихЪ лѣтЪ,
Ни внукЪ, ни дѣдЪ,

Ни хрычь, и ни дѣтина;
Однако былъ ужъ сѣдъ;
Но прежнихъ волосовъ еще былъ видѣнъ цвѣтъ;
Осталася на немъ ихъ цѣла половина.
Любиться онъ еще умѣлъ,
И двѣ любовницы имѣлъ:
Одну сѣдую:
Не такову какъ онъ, сѣдую впрямъ:
Другую молодую,
Какая бы годна была и молодцамъ.
Одна ево дарила,
Другая тщилась обирать,
И каждая ево боялась потерять.
Извѣстно какова въ любви и въ леньгахъ сила.
Старуха думала: любовникъ мой не старъ,
А я ужъ стала стара;
Такъ я ему не пара:
Покинетъ онъ меня! какой мнѣ то ударъ!
Другая думала: любовникъ мой ужъ старъ,
А я еще не стара:
Такъ я ему не пара:
Узнаетъ лѣсть мою и мой притворный жаръ!
Чтобъ имъ не оборваться
Въ такой глубокой ровъ;
И етой и другой хотѣлось съ нимъ сравняться,
Хоть цвѣтомъ волосовъ.
И волосы примѣта,
Что ихъ не сходны лѣта.
Хрычовка утолить сомнѣнье и тоску,
Щипала у него сѣдыхъ по волоску.
А та сѣдыя оставляла:
По волоску она вонъ русыя щипала.
Ни въ старой вшелъ онъ вѣкъ, ни въ лѣта молодыхъ,
Не стало волосовъ, ни русыхъ ни сѣдыхъ.

XII.

Мышь городская и мышь деревенская.

Пошла изъ города мышь въ красной день промяться,
И съ сродницей своей въ деревнѣ повидаться.
Та мышь во весь свой вѣкъ все въ закромѣ жила,
И въ городѣ еще ни разу не была.
Какъ стали ужинать, мышь градска говорила,
Какая тамо жизнь, и очень то хвалила:
Ты ѣшъ простой здѣсь хлѣбъ, а я тамъ сахаръ ѣмъ
Что ради тамъ господъ, и я питаюсь тѣмъ.
Про сахаръ много разъ сестрица я слыхала,
Однако я ево и съ роду не ѣдала,
Та говорила ей, попотчивай меня.
А та симъ лакомствомъ сестру свою взманя,
Отвѣтствовала ей: коль хочешъ то отвѣдать,
Такъ завтра ты ко мнѣ пожалуй отобѣдать.
И здѣлалося такъ. Тутъ сахаръ, сыръ, мяса,
Такова гостья ввѣкъ не видѣла часа.
Но какъ ихъ повара за кушаньемъ застали,
Съ какою трусостью они отъ никъ бѣжали!
И только лишь ушли, анъ кошка имъ въ глаза,
Ужасняе еще и перьвыя гроза.
Ушли и отъ тоя, и тутъ была удача.
Но гостья у сестры домой просилась плача:
Пожалуй поскоряй сестрица отпусти,
Ѣшъ сахаръ ты одна, и съ городомъ прости,
Я сладкихъ ѣствъ твоихъ во вѣкъ не позабуду;
А впредь, доколь жива, на твой обѣдъ не буду.

XIII.

Кошка и пѣтухъ.

Поймала пѣтуха голодна кошка въ когти,
И какъ она въ нево уже вонзила ногти,
Старалась правый судъ явить ему она,
Что будто есть ево великая вина.
Ты спать, ево винитъ, хозяевамъ мѣшаешъ,
Пѣтухъ на то: дѣла не право разрѣшаешъ;
Я симъ хозяевамъ своимъ не досажу;
Какъ утромъ я пою, къ работѣ ихъ бужу.
Пускай то такъ, да ты въ любови лицемѣренъ,
И не былъ ни одной любовницѣ ты вѣренъ.
А естьлибъ не искалъ различности я лицъ,
То куры нанесли не много бы яицъ.
И то хоть такъ, сама я ето утвердила;
Однако ужъ тебя я къ смерти осудила.
Напрасно все теперь и прозьба и боязнь;
Я завтрѣкать хочу; прими достойну казнь.

XIV.

Орелъ и ворона.

Нашедши устрицу не знаю гдѣ орелъ,
Прельщался на нее, да вынуть не умѣлъ.
А гдѣ орелъ сидѣлъ ворона тутъ лѣтѣла.
И видя то, сама покушать захотѣла.
Спустилася къ нему, и мня достать обѣдъ,
Приближившись такой даетъ ему совѣтъ:
Когда и я донесть твоей особѣ смѣю;
Такъ ты подъ облака взлети отселѣ съ нею,

А какъ ты будешъ тамъ то устрицу оттоль,
Изладивъ ты спустить на каменья изволь,
Но только лишъ она по камнямъ застучала;
Ворона устрицу изъ раковинъ умчала.

XV.

Конь и оселъ.

Конь гордый на пути украшенъ серебромъ,
Какъ рыцарь нѣкакой встрѣчается съ осломъ,
Который отягченъ насилу взноситъ ногу,
Кричитъ издалека, чтобъ далъ ему дорогу;
Оселъ дорогу далъ, и мѣсто уступилъ,
Которо гордый конь хотя не откупилъ.
Поранили коня въ войнѣ: онъ прежню нѣгу,
И спѣсь свою забылъ; впрегли ево въ телегу,
Когда онъ подъ сѣдломъ не могъ уже служить,
И начали навозъ на рыцарѣ возить.
Онъ встрѣтился опять, да только ходомъ новымъ,
Съ смиреннымъ и еще съ осломъ тогда здоровымъ.
Гдѣ спрашивалъ оселъ ты нынѣ спѣсь дѣвалъ?
Я помню какъ на насъ на бѣдныхъ ты плевалъ.
Ахъ! онъ отвѣтствовалъ, какъ я мерзилъ тобою,
Я вижу нынѣ то вседневно надъ собою.

XVI.

Прохожій и змѣя.

Среди зимы, въ морозъ, прохожему въ пути,
Случилося змѣю замерзлую найти.

Спасать нещастну тварь суть дѣйствія геройски;
Не вѣдаю за что мы хвалимъ оны войски,
Которыя людей гоняютъ какъ овецъ.
Прохожій не таковъ, изрядной молодецъ;
Змѣю щедротою великой снабдѣваетъ,
И въ пазухѣ своей какъ руки согрѣваетъ.
Согрѣлася она у друга своево,
А въ воздаяніе ужалила ево.

XVII.

Аполлонъ и Минерва.

Не вѣдаю за что прогнѣвался Зевесъ:
Былъ сверженъ Аполлонъ съ Минервою съ небесъ.
Принуждены они по всей землѣ скитаться,
И способовъ искать, чѣмъ странствуя питаться.
Тотъ сталъ по городамъ аптеки уставлять,
Другая мнитъ умы скорбящи изцѣлять.
Аптекарю чиня великія доходы,
Бѣгутъ по порошки отъ всѣхъ сторонъ народы.
Минервѣ въ нищетѣ доходу съ миру нѣтъ,
Хотя безумiемъ и весь наполненъ свѣтъ.
Ужасна смерть; и всѣхъ аптекарь обираетъ:
А отъ дурачества никто не умираетъ.

XVIII.

Лисица и козелъ.

Лисица и козелъ куда то вмѣстѣ шли,
И захотѣлось имъ напиться.
Колодезь въ сторонѣ нашли.
Вода была низка: коль пить; пришло спуститься,
Къ желанью дорвались,
Спустилися, напилися.
Вылазить надобно: что влезли, то не чудно;
Да вылезть очень трудно.
Погладивъ бороду лисица у козла:
Уприся, говоритъ, ты вверьхъ стѣны ногами,
Потомъ рогами;
Чтобъ прежде вылезть я могла.
А какъ себя избавлю,
Избавлю и тебя. Тебя ль я здѣсь оставлю!
Козелъ сей вымыселъ безмѣрно похвалялъ,
Клянясь чтобъ никогда онъ въ умъ ему не впалъ.
Лисица вылезши въ свободѣ пребывала.
А бѣднова козла она увѣщевала.
Коль остороженъ быть онъ прежде не умѣлъ,
Въ нещастіи чтобъ онъ терпѣніе имѣлъ.

Сей прикладъ учитъ насъ, чтобъ прежде мы начала,
Желая получить трудамъ своимъ вѣнецъ,
Подумали, какой имъ слѣдуетъ конецъ.

XIX.

Два рака.

Ракъ раку говорилъ! куда ты ракъ
Какой дуракъ!
Ты ни шага пройти порядкомъ не умѣешъ.
Кто ходитъ такъ?
Иль ногъ ты не имѣешъ?
Покажется, одинъ изъ нихъ былъ забіяка,
Другой былъ трусъ,
А то бы стала драка.
Однако не хочу въ трусахъ оставить рака:
И тотъ подыметъ усъ.
Походкою иною,
Сказалъ ему: пройди ты самъ передо мною.

XX.

Два живописца.

Похвально то что здѣлано искусно,
А что не вкусно,
То плохо завсегда,
На что бы ни пришла изъ мыслей череда.
Ищи своей забавы,
Прибытка, славы,
Во исполненіи искусства своево;
Безъ равума дѣла не стоятъ ни чево.
За что ни примешся ты дерзско и нахально,
Не будетъ то похвально,
Коль ты въ искусствѣ малъ;
Хотя бы до небесъ ты мысли простиралъ,

Что въ дѣйствіи почтенно и велико,
Тобою будетъ мало то и дико.
Другой и въ малости заслужитъ похвалу,
Въ какую ты войдешъ въ великости хулу.

Лягушку написалъ безмѣрно нѣкто живо,
Лягушка стало диво,
Лягушка продана,
Дороже и слона.
Разнесся слухъ о сей продажѣ.
Пріѣхалъ и другой,
Картины продавать, цѣною дорогой,
И мыслитъ: ремесло подобно ето кражѣ,
Не много попотѣй,
И вдругъ разбогатѣй:
И написалъ Парнассъ и Музъ и Аполлона,
Да только написалъ письмомъ инымъ,
Или сказать ясняй, письмомъ дурнымъ;
Большой цѣной продать картину то препона.
Сколь много онъ за то просилъ,
Даютъ толико мало.
Ко всѣмъ Парнассъ носилъ,
Ни кто Парнасса не купилъ;
Ему досадно стало.
Въ великой ярости отправился въ свой путь.
И какъ съ пути назадъ изволилъ поглянуть,
Бранилъ онъ городъ сей: не стоишъ ты полушки,
Когда въ такой чести у васъ,
Великой Аполлонъ и весь Парнассъ:
Вы Музъ не любите, угодны вамъ лягушки.

XXI.

Волкъ и журавль.

Волкъ ѣлъ не знаю, что и костью подавился,
Метался отъ тоски, и чудь онъ не вздурился.
Увидѣлъ журавля, и слезно сталъ просить,
Чтобъ онъ потщился въ томъ ему помощникъ быть,
И всю онъ на него надежду полагаетъ.
Журавль свой долгой носъ въ горшань ему пускаетъ,
И вынимаетъ кость. Потомъ онъ проситъ мзды,
Что онъ отъ таковой спасъ злой ево бѣды.
Довольствуйся ты тѣмъ, звѣрь хищный отвѣчаетъ,
Что волкъ тебя въ такомъ здоровьѣ оставляетъ,
Какое до сея услуги ты имѣлъ,
И радуйся тому, что носъ остался цѣлъ.

Тотъ права честности не мало соблюдаетъ,
Кто людямъ никогда худымъ не помогаетъ.

XXII.

Собака съ кускомъ мяса.

Собака на доскѣ рѣку переплывала,
И мяса не большой кусокъ въ роту держала.
Чрезъ тѣнь она себѣ въ водѣ была видна:
Куда предъ етой я собакою бѣдна,

Подумалося ей. Кусокъ въ водѣ казался
Гораздо больше быть, и ей въ глаза бросался.
Она чтобъ то отнять, завидуя, могла,
Тотъ бросила кусокъ, который берегла.
Мечтательнымъ кускомъ себѣ напрасно льстила,
А изъ роту прямой купаться упустила.

Чево не получилъ, тово своимъ не числи,
То разно, что въ рукѣ, и чѣмъ владѣетъ мысль.

XXIII.

Возгордѣвшаяся лягушка.

Увидѣвши быка лягушка на лугу,
Сказала, такъ толста я быть сама могу,
И чтобъ товарищамъ въ семъ видѣ показаться,
Влюбяся въ толщину вдругъ стала раздуваться,
И спрашиваетъ ихъ надувшися она,
Подобна ли ее быковой толщина.
Отвѣтствовали ей товарищи, ни мало.
Отвѣтствіе ей то весьма досадно стало,
Вздувалася еще услыша тѣ слова,
Конечно быть толста хотѣла такова.
До самыхъ тѣхъ она поръ дуться научалась,
Покамѣсть треснула, и спѣсь ее скончалась.

XXIV.

Заяцъ и медвѣдь.

Пресильну заяцъ злость при горести имѣлъ,
Что нѣкогда медвѣдь дѣтей ево поѣлъ,
И всякой день хотѣлъ отмстить свою обиду,
Но не было ему къ тому ни мала виду.
А сей былъ озорникъ въ лѣсу ему сосѣдъ,
Такъ должно было ждать и впредь подобныхъ бѣдъ.
Хоть заяцъ и трусливъ, однако тронутъ больно,
Отваги получилъ къ отмщенію довольно,
И предпріялъ хотябъ случилося пропасть,
Лишъ толькобъ своево врага ввести въ напасть,
Взманить въ свой частый лѣсъ охотниковъ, со псами,
Гдѣ и не думали они быть прежде сами.
Притчина: что сей лѣсъ былъ тѣсенъ и не чистъ,
И вѣдали они, что онъ и незайчистъ.
Съ нетерпѣливостью дней зимнихъ дожидался,
Въ отвагѣ вымыселъ ему на мысль попался.
Въ начинѣ сей зимы лишъ только выпалъ снѣгъ,
Оставилъ онъ свой домъ и подъ деревней легъ,
Гдѣ малыя тогда рабята забавлялись.
И снѣгъ сжимаючи другъ въ друга имъ мѣталисъ.
Увидѣли они, что заяцъ тутъ приникъ:
Какой пошелъ отъ нихъ по всей деревнѣ крикъ!
Но заяцъ убѣжалъ тотчасъ къ себѣ возвратно,
И обложилъ врага слѣдами многократно,
А послѣ побѣжалъ куда тогда хотѣлъ.
Въ деревнѣ зайчій слѣдъ охотникъ усмотрѣлъ,
И шелъ съ собакою по заячьему слѣду,
Однако не къ нему зашелъ къ ево сосѣду,
И испужавшися обратно побѣжалъ,
Но что въ лѣсу медвѣдь, въ деревнѣ разсказалъ.

Сбираются къ нему охотники со псами,
Иной съ рогатиной, съ ружьемъ, иной съ стрѣлами.
Наполнилъ всѣ дворы о лютомъ звѣрѣ слухъ,
Иной съ собою ножъ беретъ, иной обухъ.
Во множествѣ къ нему крестьяня выходили,
И только лишъ пришли тотчасъ ево убили.

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
Безсильный то отмстить удобенъ иногда.

XXV.

Волкъ, овца и лисица.

Овца, лисица, волкъ приятство утвердили,
Однако первенствомъ въ немъ волка предпочтили.
И слушала ево лисица и овца,
Не такъ какъ старшаго, но равно какъ отца.
У волка нѣкогда съ медвѣдемъ стала ссора,
Что онъ своимъ друзьямъ сказалъ межъ разговора,
И сказывалъ, что онъ къ отмщенію идетъ,
Прося, какой они дадутъ на то совѣтъ.
Овца на страшну брань ийти ему претила,
И что онъ пропадетъ съ слезами говорила:
Пожалуй батюшка побереги себя,
Ты вѣдаешъ то самъ, что онъ сильняй тебя.
Волкъ больше въ сей совѣтъ съ овцою не впустился,
И очень на нее за ето разсердился.
Ты думаешъ, что мнѣ съ медвѣдемъ страшенъ бой,
Ей съ гнѣвомъ говорилъ: я, дура, самъ герой:

Ужъ много у меня такихъ враговъ бывало:
Но сердце никогда мое не трепѣтало.
Слыхала то и я, лисица тутъ на то.
Волкъ спрашивалъ ея слыхала ты? а что?
Я слышала, ему лисица отвѣчала,
Что храбрость иногда пѣвоя и львовъ сражала,
Да въ томъ и дивности не вижу никакой;
Я знаю что ты храбръ; худая брань съ тобой.
Хоть то была и ложь, но волкъ тѣмъ возгордился,
И отмѣнить свое намѣренье стыдился.
Тотчасъ простяся съ ней пошелъ отъ нихъ на брань,
Но гордости животъ безумецъ отдалъ въ дань.

XXVI.

Соколъ и сова.

Когда то соколу сова другиней стала:
И съ нимъ какъ равная по воздуху летала:
И говоритъ ему; я дѣтокъ воспитала:
Такъ ты любезный кумъ не трогай ихъ,
И береги еще и отъ другихъ:
Храни ихъ, хоть они со мною, хоть заочно.
Я ихъ тебѣ,
Вручаю какъ себѣ,
И опишу ихъ точно:
И стала красоты ихъ класти на вѣски,
Съ примѣсомъ пудъ пяти пристрастныя любови:
Умильныя глаза, орлиныя носки,
Сокольи брови:
Какъ ангели они;
Пожалуй ихъ храни:

А я тебѣ кума и нынѣ и на предки.
На завтрѣ видитъ ихъ соколъ: сидятъ совята:
Сказалъ: не кумушки моей сидятъ рабята;
Тѣ будто ангели, а ето чертенята;
Конечно ето дѣтки,
Какой ея сосѣдки,
И здѣлалъ изъ цыплятъ онъ ужинъ безъ насѣдки.

XXVII.

Нѣмчинъ и Француз.

Любовникъ ластяся къ возлюбленной своей,
Осмѣлился открыть свою горячность ей,
Она ему на то сказала безъ обману:
Я для ради тебя, что хочешъ дѣлать стану,
Единому тому не можно только быть,
Чтобъ стала я тебя когда нибудь любить.
Попросишъ денегъ ты и часто слово въ слово
Услышишъ ты отвѣтъ:
Къ услугамъ серце все твоимъ мое готово
А денегъ нѣтъ.
Я къ етому скажу, что нѣкогда случилось,
И что не выдумка да въ дѣйствѣ приключилось:
Французы съ Нѣмцами дралися, а за что?
Отвѣтствую на то:
Не знаю.
За что кто билъ ково,
И сами можетъ быть не вѣдали тово,
Не о притчинѣ я войны воспоминаю.
Воинско серце разжено,
И такъ положено,

Чтобъ не было пардону:
По христіянскому ль то здѣлано закону,
На ето я скажу:
Не знаю,
И такъ же предложу:
Не о законѣ я теперь воспоминаю.
Французы, одержавъ побѣду на конецъ,
Такъ рѣжутъ Нѣмцовъ какъ овецъ:
Божественный уставъ безмѣрно почитали,
И видно, что они писаніе читали:
Французъ Нѣмчина повалилъ,
И хочетъ показать отвагу,
На грудь ему поставилъ шпагу,
Нѣмчинъ ево молилъ,
Чтобъ онъ ему животъ оставилъ,
Французъ не преступая правилъ,
Отвѣтствовалъ ему:
Тебѣ я другу моему
Служить во всемъ готовъ неложно:
А етова никакъ исполнить не возможно.

XXVIII.

Мужикъ съ котомкой.

Безъ разбору ты врн про чужія дѣла,
Та работа не такъ какъ твоя тяжела.
Нѣтъ: не дивно ни мало и мнѣ какъ тебѣ,
Что миляе на свѣтѣ всево ты себѣ:
Да чужова труда ты не тщись умалять.
И чево ты не знаешъ, не тщись похулять.
Естьли спросишъ меня,
Я скажу не маня,

Что честной человѣкъ,
Етой гнусности здѣлать не можетъ во вѣкъ.
Посмотри,
И держи то въ умѣ:
Несъ мужикъ пуда три
На продажу свинцу, въ не большой котомѣ,
Нагибается онъ да не льзя и не такъ:
Вить не грошъ на вино онъ несетъ на кабакъ:
Миръ ругается видя, что гнется мужикъ;
Свинценосца не кажется трудъ имъ великъ.
Имъ мужикъ отвѣчалъ:
Трудъ мой кажется малъ:
Только Богъ ето вѣсть,
Что въ котомишкѣ есть:
Да извѣстно тому,
Кто несетъ котому.

XXIX.

Вдова пьяница.

Престрашная пьяница гдѣ то была,
И полнымъ стаканомъ хмельное пила,
Дворянскова ль роду она, иль мѣщанка,
Или и крестьянка,
Оставлю объ етомъ пустыя слова,
Довольно что пьяница ета, вдова:
Родня и друзья ето видя, что тянетъ
Хмельное вдовица, въ году всякой день,
И дѣлаетъ только одну дребедень,
Не могутъ дождаться когда перестанетъ,
Она едакъ пить,
И стали журить.

Покиньте журьбу вы, она ихъ просила,
И имъ оправданье свое приносила:
Покойникъ въ стаканѣ на днѣ, и мой свѣтъ,
Умершаго мужа тамъ вижу портретъ.
По етой причинѣ,
Возможно ли нынѣ,
Когда я нещастна осталась одна,
Любезнымъ сосудомъ мнѣ пить не до дна;
Не будутъ любимы вдовицей такъ черти,
Какъ мужъ и по смерти,
Вписали тутъ чорта гдѣ прежде былъ мужъ:
Она изъ стакана все пьетъ мѣру тужъ.
Уемщики такъ же вдовицу журили,
И ей говорили:
Ты тянешъ какъ прежде; скажи для чего?
Для мужа? такъ нѣтъ ужъ портрета ево.
Отвѣтъ былъ: себя я въ етомъ оправлю,
Я чорту ни капли на днѣ не оставлю.

XXX.

Волкъ и рабенокъ.

Голодный волкъ нигдѣ не могъ сыскати пищи
А волки безъ тово гораздо нищи.
Чтобъ ужину найти,
Скитаться долженъ онъ идти:
Не требуется толку,
Что надобно поѣсть чево нибудь и волку:
А въ томъ нѣтъ нужды мнѣ,
Когда ево за то дубины въ двѣ ударятъ,
И ловко отбоярятъ;

Вить ето не моей достанется спинѣ:
Пускай ево изжарятъ:
Какая ето мнѣ печаль?
Вить волка мнѣ не жаль.
Пришелъ къ крестьянскому волкъ дому,
И скрывшись на гумнѣ зарывшись подъ солому,
А на дворѣ въ избѣ рабенка сѣкла мать,
И волку, выбросивъ, грозилася отдать.
Волкъ радъ, и ужина готова,
Да баба не здержала слова.
Утихла и война и шумъ въ избѣ умолкъ,
Рабенка мать не устрашаетъ,
Да утѣшаетъ,
И говоритъ ему: когда придетъ лишъ волкъ,
Такъ мы ему поправимъ рожу,
И чтобъ онъ насъ забылъ сдеремъ съ нево мы кожу.
Худую ужину себѣ тутъ волкъ нашелъ,
И прочь пошелъ,
Сказалъ: и ожидать тутъ доброва напрасно,
Гдѣ мнѣніе людей съ рѣчами не согласно.

XXXI.

Пастухъ и Сирена.

Въ долинѣ красной на лугу,
Пастухъ Аркадской жилъ со стадомъ:
Сирены зараженный взглядомъ,
Сидѣлъ онъ часто на брегу:
Сирена духъ ево смущаетъ,
И множа въ немъ любовну страсть,
Сама жаръ тотъ же ощущаетъ,
Отдавшися любви во власть.

Едва ужъ онъ скотину пасъ,
Ни что ужъ не увеселяетъ,
И только въ грусти умоляетъ,
Нептуна онъ по всякой часъ:
О ты правитель моря сжалься,
И мнѣ прекрасную вручи!
Возми, отвѣтъ былъ, не печалься;
Но только взявъ ее молчи.

Въ какомъ восторгѣ былъ весь духъ!
Колико мысли были нѣжны!
Свои утѣхи неизбѣжны,
Встрѣчаетъ радостный пастухъ.
Онъ вопитъ: о велики Боги!
Въ сей часъ увижу весь я ростъ,
Все тѣло дарагой и ноги:
Но что онъ видитъ? рыбій хвостъ.

XXXII.

Апрѣля перьвое число.

Апрѣля въ перьвый день обманъ,
Забава общая въ народѣ,
На выдумки лукавить данъ,
Нагая правда въ немъ не въ модѣ,
И все обманомъ заросло,
Апрѣля въ перьвое число.

Одни шлютъ радостную вѣсть,
Друзей къ досадѣ утѣшаютъ,
Другія лгутъ и чѣмъ ни есть,
Друзей къ досадѣ устрашаютъ:
Лукавство враки принесло,
Апрѣля въ первое число.

На что сей только день одинъ,
Обмана праздникомъ уставленъ?
Безъ самыхъ малыхъ онъ притчинъ,
Излишно столько препрославленъ!
Весь годъ такое ремесло;
Такъ цѣлый годъ сіе число.

XXXIII.

Кокушка.

Грачъ вырвался изъ рукъ, изъ города домой:
Кокушка говоритъ: скажи дружечикъ мой,
Какая въ городѣ молва о пѣсняхъ нашихъ:
Онъ ей отвѣтствуетъ: изъ жителей тамъ вашихъ,
Прославленъ соловей, о немъ вездѣ слова,
О немъ великая тамъ носится молва.
Кокушка говоритъ: о жавронкѣ извѣстно?
Грачъ ей: и жаворонка тамъ пѣніе прелѣстно.
Кокушка говоритъ: во славѣ ль тамъ скворецъ?
Грачъ ей: и онъ у нихъ извѣстный тамъ пѣвецъ.
Кокушка говоритъ: съ тобой жила я дружно;
Для дружбы той скажи, что знать еще мнѣ нужно,

Да только ни чево дружокъ не утаи:
Какія рѣчи тамъ про пѣсенки мои?
Грачъ ей: о томъ людей на рѣчь не позывало,
Какъ будто бы тебя на свѣтѣ не бывало.
Кокушка говоритъ: коль люди безъ ума,
Такъ я могу сплести хвалу себѣ сама.

XXXIV.

Секретарь и соперники.

По биржѣ двое шли.
Какія люди то, не знаю я объ етомъ,
Гуляли лѣтомъ,
Гуляли и въ гульбѣ тутъ устрицу нашли:
Гражданска въ силу права,
Кому съѣсть устрицу, не приложу ума;
Юстиція сама
Не вѣдаетъ того, и нѣтъ на то устава.
Пошелъ великой споръ,
Кому принадлежитъ находку ету скушать,
И скучно было слушать,
Какой объ устрицѣ былъ шумъ у нихъ и вздоръ
Окончилась проказа:
Глупяе устрицы была такая тварь.
Попался секретарь,
Шелъ биржей на кабакъ изъ суднаго приказа:
Тотчасъ онъ ихъ развелъ,
Имъ далъ по черепку обѣимъ изъ находки,
И передъ чаркой водки,
Безъ справокъ, устрицу, и безъ екстракта, съѣлъ.

XXXV.

Пахарь и обезьяна.

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился,
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ трудился,
И отъ труда
Онъ ждетъ себѣ плода.
Прохожій похвалилъ работника съ дороги.
То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочетъ похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,
Взяла великой камень,
И стала камень сей переносить,
На мѣсто съ мѣста,
А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ тѣста;
Такъ ежели когда носить ево хотѣть,
Конечно надлежитъ нося ево потѣть:
Потѣетъ и трудится.
Другой прохожій шелъ,
Въ трудѣ ее нашелъ,
И говоритъ: на что толикой трудъ годится?
Безумцы никогда покоя не хранятъ.
Впередъ не заманятъ
Къ трудамъ меня, она болтала:
Свой камень бросила, трудиться перестала,
И жестоко роптала,
За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

XXXVI.

Отрекшаяся мира мышь.

Съ лягушками войну злясь мыши начинали.
За что?
И сами воины тово не знали;
Когда жъ не зналъ ни кто,
И мнѣ безвѣстно то.
То знали только въ мирѣ,
У коихъ бороды поширѣ.
Затворникъ былъ у нихъ и жилъ въ Голландскомъ сырѣ:
Ни что изъ свѣтскаго ему на умъ не йдетъ;
Оставилъ на всегда онъ роскошм и свѣтъ.
Пришли къ нему двѣ мышки,
И просятъ, ежели какія есть излишки,
Въ имѣніи ево,
Чтобъ подалъ имъ хотя немного изъ тово,
И говорили: мы готовимся ко брани.
Онъ имъ отвѣтствовалъ, поднявши къ сердцу длани;
Мнѣ дѣла нѣтъ ии до чево:
Какія отъ меня друзья вы ждете дани?
И какъ онъ то проговорилъ,
Вздохнулъ и двери затворилъ.

XXXVII.

Левъ и мышь.

Въ лѣсу гулялъ ужасный левъ:
Онъ мышь поймавъ разинулъ зѣвъ,

И хочетъ бѣдну мышку скушать.
Изволь сударь меня послушать,
Просила мышка, лапки сжавъ,
Царя звѣрей, сама дрожавъ,
Себѣ ты славы не прибавишъ,
Когда зубами мышь раздавишъ;
Какую можетъ то принесть,
Тебѣ хвалу, какую честь?
Не для того въ твоей мы власти,
Чтобъ могъ ты дѣлать намъ напасти;
Вить я тебя не повражу?
А можетъ быть и услужу,
Колико способа имѣю:
Внявъ левъ то сжалился надъ нею.
А мышкѣ только говорить:
Въ вѣкъ буду я благодарить:
Умножь твои судьбина лѣта!
Поймали скоро льва въ тенета:
Левъ помощи себѣ просилъ,
Кричитъ колико было силъ:
И естьли бы дошло до взятокъ;
Такъ левъ бы далъ рублевъ десятокъ,
Чтобъ только свободиться лишъ.
Отколѣ ни взялася мышь:
Воспомянула данно слово:
Спросила: все ли ты здорово,
Ко мнѣ щедроту возъимѣвъ,
Еще живешъ почтенный левъ?
Отвѣтствуетъ: я въ злой судьбинѣ,
Свой вѣкъ окончить долженъ нынѣ.
Она сказала о себѣ:
А я своимъ должна тебѣ.
Прогрызла сѣть и повредила,
И льва оттоль освободила.

XXXVIII.

Побѣжденный на картинѣ левъ.

Поставлена была въ лѣсу картина:
Не знаю какъ;
Но было такъ.
На ней написана престрашная скотина:
Какая? Левъ,
Разинувъ зѣвъ;
Но горькою своей повержень былъ судьбиной:
Убилъ ево мужикъ дубиной.
Мужикъ зашедши въ лѣсъ,
Сталъ сильный Геркулеесъ.
Повержена скотина,
Повергъ ее дѣтина;
Естественна картина.
Левъ мимо шелъ,
И побѣжденна льва дѣтиною нашелъ,
Сказалъ: побѣдою ты хвастался бы иною,
Когда бы въ истинну сразился ты со мною.

XXXIX.

Гора въ родахъ.

Ужасная гора на сносѣхъ ужъ была:
Не басней басня та, исторіей слыла.
Не правильнымъ дѣла народъ аршиномъ мѣришь
Что хочешъ то скажи,
Ни чѣмъ не докажи,
Всему народъ повѣритъ:

Не всякъ
Дуракъ;
Однако многія не видятъ ясно вракъ.
Обманщикъ вякай,
Безумецъ такай,
Что хочешъ то набрякай.
Въ походъ
Весь ломится народъ:
Уставилися всѣ смотрѣть туда, откуда
Изъ матери ийти лежитъ дорога чуда.
Всѣ бредятъ: мучится, кричитъ, реветъ гора:
Родить пора.
Рабята говорятъ: страшняй тово не вѣдя,
Слона,
Или медвѣдя,
Родитъ она.
А люди въ возростѣ наполненны обманомъ,
Поздравить чаяли родильницу съ Титаномъ.
Но что родилось бишь?
Мышь.

XL.

Лисица и виноградъ.

Лисица взлесть
На виноградъ хотѣла,
Хотѣлось ягодъ ей поѣсть,
Полезла попотѣла:
Хоть любъ кусокъ,
Да виноградъ высокъ,

И не къ ее на немъ плоды созрѣли долѣ,
Пришло оставить ей закуски по неволѣ.
Какъ добычи лисица не нашла,
Пошла,
Ярясь злобно,
Что ягодъ было ей покушать неудобно:
Какой ворчала то невкусной виноградъ,
До самыхъ не созрѣлъ такихъ онъ позныхъ чисель:
Хорошъ на взглядъ,
Да, киселъ.
Довольно таковыхъ
Лисицъ на свѣтѣ,
И гордости у нихъ
Такой въ отвѣтѣ.

XLI.

Деревенской праздникъ.

Въ деревнѣ жилъ мужикъ: въ деревнѣ праздникъ бывалъ:
Кто пить любилъ,
Тотъ много пилъ.
Крестьянинъ былъ,
Хмѣльнова не любилъ,
И кромѣ квасу тутъ ни капли онъ не пилъ;
Но онъ на праздникѣ другихъ не праздняй былъ,
И разны на гудкѣ имъ пѣсенки гудилъ.
Однако пьяной людъ гудошника судилъ,
Что онъ играньемъ тѣмъ бесѣду ихъ врѣдилъ;
Хотя и поплясали:
И за труды въ нево каменьями бросали.
Гудошникъ мой на силу дворъ нашолъ;
Однако во всю рысь бѣжавъ отъ нихъ, ушолъ

Отъ наглости мирской, отъ камней и отъ стекляницъ
Иль кратче вымолвить: отъ сихъ негодныхъ пьяницъ
Мужикъ рабѣлъ;
Однако на бѣгу имъ пѣсенку пропѣлъ:
И вмѣсто стекляницъ,
Браниль онъ пьяницъ.
Миръ пьяной мужика виниль;
По сказкѣ ихъ мужикъ деревню всю браниль.
Не только всѣхъ крестьянъ, не трогалъ онъ и стекляницъ,
Браниль лишь только пьяницъ,
И на сраженіе поселянъ не маниль.
Не трогалъ онъ народа:
А то вить истинна: въ семьѣ не безъ урода.
Во всѣхъ ли людяхъ равный духъ?
И естьли домъ такой, гдѣ нѣтъ ни блохъ, ни мухъ?
Въ деревнѣ той, разумныя молчали,
Безумныя ворчали,
А пьяныя кричали.
Была собака Тамъ, а по славенски песъ,
Въ котору нѣкой бѣсъ:
А именно подьячій влѣзъ,
Обруганный за взятки:
И смотритъ изо пса, изъ заднѣй онъ палаты:
Подьячій не охочь до пляски и музыкъ:
Изъ заднѣй комнаты онъ высунулъ языкъ,
Разинувъ губы;
И скалитъ зубы,
Изъ подсобачьей шубы,
Визжитъ оттоль, тяжба!, тяжба!
Пришла гудошнику нещастная судьба.
Онъ чорныя мяса собаки злобно мучитъ:
Вертится и смучать собаку ету учитъ.
Песъ лаетъ и кричитъ: не стерпимъ брани въ вѣкъ:
Мы выбранены всѣ; но песъ не человѣкъ;
Песъ сынъ собачій,
И племени товожъ какова и подьячій,

Такъ дѣльноль онъ себя крестьяниномъ нарекъ?
Крестьяня говорятъ: собака намъ не сватья:
Собакѣ мы не братья;
Намъ лутче упустить гудошникову брань,
Какъ нежели давать собакѣ дружбой дань:
И взявъ дубину,
Собакѣ дорзостной наколотили спину.
Гудошникъ мой
Ушелъ домой,
И разсердясь на пса, вездѣ собаки ищетъ:
Зоветъ ево, нахалъ, нахалъ, зоветъ и свищетъ:
Собака рыщетъ.
Шолъ, шолъ,
И во хлеву собаку онъ нашолъ;
Однако не тронулъ ево; да нѣтъ и дива;
Тутъ пахи не было; псу далъ мужикъ покой;
Не льзя ударити безъ рукавицъ рукой;
Приказная была собака шелудива.

XLII.

Турецкой выборъ жены.

Хотѣлъ имѣть женой дѣвицу непорочну,
Какой то Туркъ, и во законѣ точну,
Такую, чтобъ она
Не знала и любви, не знала и вина.
Турчанки пьютъ вино, да только очень тайно:
А ето и въ любви бываетъ обычайно.
Понравилась ему одна;
Онъ взялъ ее къ допросу.
Жена,
Которая пьетъ вино, хотя и не до дна,

Не надобна ему: не подноси и къ носу,
Бутылки и простой.
Приводитъ онъ ее ко перьвому допросу,
И хочетъ показать бутылку дѣвкѣ той;
Бутылки въ домѣ нѣтъ; онъ думаетъ: постой!
Извѣдать ето я умѣю:
Я въ домѣ пузырьокъ имѣю;
Хотя въ стаканъ войдетъ такихъ бутылки три:
И кажетъ дѣвушкѣ онъ етотъ пузырьочикъ,
Ей ето говоря: сударушка, дружочикъ,
Пожалуй ты глаза протри
И посмотри
Дѣвица,
Какая предъ тобой вещица.
Отвѣтствуетъ она:
Бутылка ето для вина.
Коль дѣвка знаетъ то; не надобна она:
Другая, говоритъ онъ, надобна жена;
Онъ ету оставляетъ:
Бутылочку свою другой уже являетъ,
И тотъ же дѣлаетъ вопросъ:
А дѣвка, видя то, отворотила носъ,
И говоритъ ему невинная дѣвица:
Не вѣдаю, ей! ей! какая то вещица.
Женихъ любовію горитъ,
И говоритъ,
Невѣстѣ Турокъ:
Такихъ то я давно искалъ по свѣту дурокъ.
Голубка, вѣдай ты, бутылка то стоитъ.
А дѣвушка своей науки не таитъ,
И говоритъ ему: бутылки тотъ ли видъ!
Такъ ты меня въ числѣ не ставь, женихъ мой, дурокъ!
Бутылку знаю я и вдоль и поперьокъ:
А Турокъ почиталъ бутылью пузырьокъ.

XLIII.

Два повора.

Виргилій, ЦицеронЪ,
БургавенЪ, ЭйлерЪ, ЛокЪ, Кортезій и НевтонЪ,
АпеллЪ и Пракситель, МеценЪ и СципіонЪ:
О треблаженная божественная мода!
Зайди когда въ приказъ,
Гдѣ столько какъ у насъ,
Бумаги въ день испишутъ?
А то, что грамота, писцы едва и слышутъ.
Кто съ рода никогда солдатомъ не бывалъ,
Съ Невы до Одера стреляя доставалъ.
СапожникЪ МедикЪ былъ, дая цѣльбы пустыя.
МужЪ нѣкто знаменитъ,
МолчаніемъЪ однимъ попался во святыя:
О дни златыя!
Но скоро все сіе Минерва премѣнитъ,
Которая РоссіеЙ обладаетъ;
ОтЪ коей мрачный умъ сіянья ожидаетъ;
А Лира между тѣмъ мнѣ басенку звенитъ.
БылЪ нѣкой господинЪ сынЪ дьячій, иль бояринЪ,
Иль выѣзжій ТатаринЪ,
Геральдія сама не вѣдаетъ о томъ;
ТакЪ какЪ же знать и мнѣ въ РоссіИ здѣсь о комъ?
Однако дворянинЪ, вотЪ то извѣстно свѣту:
Причина, что имѣлъ ливрею и карету;
ПередЪ коретою всегда впряженъ былъ цукъ,
А за коретою былъ егерь и гайдукъ.
КовчегЪ ево творилъ по камню громкій стукъ,
А гдѣ не мощены по улицамъ дороги,
Карета тяжкая въ грязи была по дроги.
Гостей имѣлъ бояринЪ за всегда,
Да то бѣда,

Кухмистра не имѣетъ,
А стряпать не умѣетъ.
Далъ двухъ молодчиковъ учиться въ повара,
И стали въ годъ они въ поварнѣ мастера.
Хозяинъ дѣлаетъ бесѣду
Зоветъ гостей къ обѣду;
Не тѣхъ, которыхъ онъ простымъ питьемъ поитъ,
Да гдѣ по праздникамъ въ передникъ онъ стоитъ.
Кухмистры столъ устроеваютъ,
Большія ко столу надѣутъ господа:
Въ большомъ котлѣ кипитъ капуста и вода,
Кухмистры надъ котломъ зеваютъ,
И всѣ въ одинъ котелъ потравы зарываютъ,
Чево не слыхано по нынѣ никогда.
Что выльется за штука,
Сварившися, оттоль,
Гдѣ сахаръ былъ и соль,
Каплунъ и щука?
На что такой вопросъ?
Сварился вылился хаосъ.
Кричитъ хозяинъ мой, хватается за шпагу;
Однако повара съ поварни дали тягу.
Хозяинъ чешетъ лобъ и носъ:
Вотъ пятница страшной недѣли!
Бояря съѣхались и ничево не ѣли.

XLIV.

Пѣитъ и жена.

Пѣитъ имѣлъ жену: она стихи читала,
Которы онъ слагалъ, и мужа почитала,
И говоритъ стихи любовнику она,
Изъ мужня слова:

Тобой возлюбленный я въ вѣкъ заражена,
И въ вѣкъ тебя мой свѣтъ любити я готова.
Услышалъ ето мужъ,
И говоритъ онъ ей: стихи мои къ чемужъ?
Жена отвѣтствуетъ: Парнассу я подвластна,
И къ чести я твоей сказала кѣмъ я страстна.

XLV.

Перьвой піитъ.

Былъ перьвый въ старь піитъ во Франціи машейникъ,
И заслужилъ себѣ онъ плутнями ошейникъ:
А я машейникомъ въ Россіи не слыву,
И въ честности живу,
Но въ жизни непріятной,
И въ жалобѣ моей всегдашней и невнятной.
Давиться не хочу, себя не заколю,
Не брошуся въ рѣку и лба не прострѣлю;
Но естьли я Парнассъ Россійскій украшаю,
И тщетно въ жалобѣ страдая возглашаю;
Не лутчель, коль себя всегда въ мученьи зрѣть,
Скоряе умереть?
Я знаю что моя честь вѣчно не увянетъ;
Но славы сей моя тѣнь чувствовать не станетъ.

XLVI.

Коршунъ.

Былъ коршунъ и кричалъ на деревѣ тулъ, тулъ,
Тулъ, тулъ, тулъ, тулъ, тулъ, тулъ,
Какимъ то побытомъ,
Какъ будто хоботомъ,
Дѣтина коршуна съ осины здулъ.
Довольно кажется грабитель куролѣсилъ,
Но малой коршуна на вѣтви не повѣсилъ.
Остался коршунъ живъ, остался живъ и носъ,
Взялъ малый коршуна въ допросъ,
Яьилося по допросу,
Во оправданіе Тултульску носу,
Что коршунъ доброй человѣкъ;
И ни ково во весь не грабливалъ онъ вѣкъ;
А сверьхъ того евс очистила присяга:
Не переломлена надъ головою шпага.
Мнитъ коршунъ: истинну я нынѣ побѣдилъ,
Но естьлибъ я ево судилъ,
Въ застенкѣ бы сей плутъ на дыбѣ помѣтался,
И послѣ въ пѣтлѣ бы дни два три помотался;
А малой мой не такъ судилъ,
И въ голубятню онъ Тултула посадилъ,
Для обороны . . . . симъ праведнымъ Тултуломъ,
Которы у нево сидятъ подъ карауломъ,
И сталъ сей воръ,
На голубятнѣ прокуроръ:
И закрѣпилъ Тултулъ судебный приговоръ:
Повѣреннымъ ему невиннымъ здѣлать казни,
И всѣхъ безъ совѣсти казнитъ и безъ боязни.
Перевершилъ Тултулъ дѣла,
Однако у нево головушка цѣла.

А онъ по нынѣ бѣшенъ;
Извѣстно то, что плутъ, по самой срокъ той грѣшенъ,
Доколѣ не повѣшенъ.

XLVII.

Кукушки.

На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ,
И гнѣвомъ милости Дѣлнины толкуютъ.
Хотя разносится кукушечья молва;
Кукушкамъ ли понять Богинины слова?
Въ дубровѣ сей поютъ безмозглыя кукушки,
Которыхъ пѣсни всѣ не стоятъ ни полушки:
Лишъ только закричитъ кукушка на суку;
Другія всѣ за ней кричитъ: куку, куку.

XLVIII.

Молодка въ горести.

Молодка въ горести страдаетъ,
И плачетъ и рыдаетъ;
Подруги унимать ее хотятъ,
И плакать ей претятъ.
Молодка говоритъ: я все на свѣтѣ трачу,
И вѣдаю сама, что суетно я плачу;
Готова живота лишиться я въ сей часъ:
Мнѣ сказано, пришелъ указъ,

Невѣрность и рога, хотя вошли и въ моду,
Невѣрныхъ женъ постричь, а рогоносцевъ въ воду.
Она на тѣ слова такой даетъ
Отвѣтъ:
Объ етомъ духъ мой стонетъ,
Черницей буду я, а мужъ утонетъ.

XLIX.

Маскарадъ.

Бралъ мальчика отецъ съ собою въ маскарадъ,
А мальчикъ узнавать умѣлъ людей подъ маской,
Пляской;
Какой бы кто ни вздѣлъ, сокрыть себя, нарядъ.
Не ладно прыгая, всей тушей тамъ тряхнулся,
Упалъ, разшибъ онъ лобъ, расквасилъ мозгъ, рѣхнулся,
Но выздоровѣлъ бы по прежнему плясать,
Когда бы безъ ума не сталъ стиховъ писать.
Складъ былъ безмѣрно гнусенъ,
Не видывалъ еще никто подобныхъ враковъ.
О мальчикъ! узнавать ты былъ людей искусенъ,
Но знаешь ли теперь, что ты Парнасской ракъ?
Ты въ маскахъ прежде зналъ людей по виду пляски,
А нынѣ самъ себя не знаешь и безъ маски:
Брось Музу, естьли быть не хочешь ты дуракъ.

L.

Попугай.

ъ трактирѣ кто то какъ увидѣлъ попугая,
И захотѣлъ ево поѣсть.
аетъ трактирщику пречудно странну вѣсть,
Ево гораздо испугая,
говоритъ ему, пожалуй государь,
Мнѣ ету птаху ты изжарь:
е говорилъ о томъ гораздо онъ пространно;
Однако ето странно,
Такую птицу печь,
И мудрена та рѣчь;
днако заплатить хотѣлъ тотъ гость довольно,
А денежка мана,
ево не дѣлаетъ на свѣтѣ семъ она?
Убили птицу,
акъ будто воробья, дрозда, или синицу.
Гость,
Одну отрезалъ кость,
оѣлъ, погрызъ, за ту копѣйку далъ онъ спицу,
за одинъ ему мясца онъ далъ кусокъ;
отя и выжалъ весь у мяса поваръ сокъ.
ѣна мала, у той вкусъ птицы не высокъ.
есть мяса етова накушався не треснетъ,
днако попугай убитый не воскреснетъ.

LI.

Коршунъ.

Брюхато брюхо, лъзяль по Русски то сказать?
Такъ брюхо не брюхато,
А чрево не чреватo;
Такихъ не можно словъ между собой связать.
У коршуна брюшко иль стѣльно, иль жеребо,
Отъ гордости сей звѣрь взираетъ только въ небо.
Онъ сталъ павлинъ, не скажутъ ли мнѣ то,
Что коршунъ вить не звѣрь но птица?
Не бесконечна ли сей критики граница?
Что
Худова въ томъ, коль я сказалъ жеребо?
Для риѳмы положилъ я слово то, для, небо:
А ето пріискавъ и нѣсколько бывъ радъ,
Остался въ точности, какъ должно быти, складъ.
То шутки, каковы Рондо, Сонетъ, Балладъ; . .
Отъ етова писцы не рѣдко отбѣгаютъ;
Однако то они когда пренебрегаютъ:
Жеребо, положилъ, не радиль риѳмы я?
Но симъ испорченаль хоть мало мысль моя?
Напрасно кажется за то меня ругаютъ,
Что я неслыханну тутъ риѳму положилъ:
Я критики за то себѣ не заслужилъ.
Жеребо слово я ошибкой не считаю,
А вмѣсто басни той сію теперь сплетаю:
Былъ коршунъ гордъ,
Какъ чортъ,
Да только онъ смотрѣлъ не въ адъ, но въ небо:
А черти смотрятъ въ адъ.
Не мните критикой мнѣ сею дати матъ:
Не зрю ошибки я, что я сказалъ жеребо.

Но къ притчѣ приступлю сталъ коршунъ быть павлинъ;
Въ ево онъ перьяхъ былъ великой господинъ.
Но птицы проччія безумца ощипали,
Такъ брюхо гордое и горды мысли пали.
Кто хочетъ, можетъ онъ писателя винить;
Однако должно ли писателя бранить?
А ето слышали мои исправно уши:
Но кто переведетъ на свѣтѣ подлы души!

LII.

Парисовъ судъ.

У парниковъ сидѣли три богини,
Чтобъ ихъ судилъ Парисъ, а сами ѣли дыни:
Россійской то сказалъ намъ древности толмачь,
И стихоткачь;
Который сочинилъ какой то глупой плачь,
Безъ склада
И безъ лада.
Богини были тутъ: Паллада,
Юнона,
И матерь Купидона.
Юнона подавилась;
Парису для тово прекрасной неявилась;
Минерва,
Напилась какъ стерва;
Венера,
Парису кажется прекрасна безъ примѣра.
Хотя и всѣ прекрасны были;
Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вѣра.
А сидя обнажась весь стыдъ они забыли.

Парисъ на судъ хоть селъ,
Однако былъ онъ глупъ, какъ лосось иль оселъ.
Кокетку сей судья двумъ бабамъ предпочелъ,
И разсердилъ онъ ихъ, какъ пчельникъ въ ульѣ пчелъ;
И дѣлу онъ прочелъ
Екстрактъ и протоколъ:
Дій за ето ево не взрютилъ чудь на колъ.
Венера возгордилась,
Дочь мозгова зардилась,
Юнона разсердилась,
Пріяма за ето остригла и обрила,
И Трою разорила.

LIII.

Несмысленныя писцы.

Вши въ самой древности читать, писать умѣли
И пѣсни пѣли.
Всползла
Во удивленье взору,
На ту священну гору
Гдѣ музы, вошь была котора зла,
И стала возглашать во злобѣ и роптаньи,
О правдѣ, честности, о добромъ воспитаньи.
Не слушаетъ ни кто что тамъ поетъ та вошь;
Извѣстно что у вши нѣтъ пѣсней ни на грошь.
Когда бы пѣла мышь; мышь кошка бъ изловила;
А вшамъ такихъ угрозъ природа не явила;
Такъ музы разсердясь и въ жалобахъ своихъ,
Хотя вши голосъ тихъ,

И пѣла вошь не шумно,
Ко зевсу кликнули сопикавъ прекрасный стихъ:
Со вшами музамъ брань имѣти и безумно;
Но зевсъ не движимъ пребывалъ,
И говорилъ: я вшей и съ роду не бивалъ;
А естьли мнѣ убить ее за гнусны пѣсни,
Въ которыхъ ни чево нѣтъ кромѣ только плѣсни;
Такъ лутче мнѣ побить безмозглыхъ тѣхъ,
Которы мнятъ искать во гнусности утѣхъ;
Да ето строго;
Въ иномъ селѣ людей останется не много:
А на срамную вошь не брошу грома я:
Не осквѣрнится въ вѣкъ рука моя.
О музы! должно вамъ отнынѣ вѣчно рдиться:
Что вы могли на тварь гнуснѣйшу разсердиться:
Воспѣла вошь; но что?
Не вѣдаетъ ни кто:
Но кто хвалили то?
Хвалили тѣ одни, кіпо сами всѣ ничто.
Которыя сей вши хвалили бездѣлушки,
Не стоятъ гады тѣ и всѣ одной полушки.

LIV.

Лисица и статуя.

Я вѣдаю что ты Парнасскимъ духомъ дышешъ;
Стихи ты пишешъ.
Не возложилъ ни кто на женскій разумъ узъ:
Чтобъ дамамъ не писать, въ которомъ то законѣ?
Минерва женщина, и вся бесѣда Музъ,
Не пола мужеска на Геликонѣ;
Пиши! не будешъ тѣмъ ты менше хороша;
Въ прекрасной быть должна прекрасна и душа.
А я скажу то смѣло,
Что самое прекраснѣйшее тѣло,
Безъ разума, посредственное дѣло.
Послушай что тебѣ я нынѣ донесу,
Про лису:
Въ какомъ то статую нашла она лѣсу:
Венера то была работы Праксителя.
Сполпуда говоритъ лисица словъ ей мѣля.
Промолви кумушка, лисица ей ворчитъ,
А кумушка молчитъ.
Пошла лисица прочь, и говоритъ лисица:
Прости прекрасная дѣвица,
Въ которой нѣтъ ни капельки ума,
Прости прекрасная и глупая кума.
А ты то вѣдаешъ, Хераскова, сама,
Что кумъ такихъ довольно мы имѣемъ,
Хотя мы дуръ и дураковъ не сѣемъ.

Къ Елисаветѣ Васильевнѣ Хераскопой.

LV.

Ворона.

Не принимайтеся безумцы емѣло,
За то вы дѣло,
Которо выше вашихъ силъ.
О естьли бы когда кто ето испросилъ!
Тогдабъ невѣжество напрасно не потѣло.
Орелъ овечку ухвативъ ее унесъ,
И поднялъ до небесъ:
Противъ орла овцамъ худая оборона.
Что дѣлаетъ орелъ,
Увидѣла ворона;
Къ тому же дѣйствію и въ ней огонь горѣлъ,
Подобно ухватить овечку захотѣла,
И такъ же какъ орелъ поднять,
Да силы нѣгдѣ взять:
Минутъ десятка стри ворона попотѣла:
Усталъ геройской духъ.
Высокомѣріемъ ворона ослѣпилась,
И какъ репейной кустъ къ овечкѣ прицепилась:
Пришелъ пастухъ,
И взялъ обухъ,
И зачалъ онъ тазать героя прицепленна,
И сналъ съ овцы героя утомленна,
И далъ герою онъ ударъ,
И выбилъ вонъ геройской жаръ.

LVI.

Лошаки и воры.

Лошакъ монеты везъ,
Другой овесъ,
И кто изъ нихъ честняй они имѣли споры.
Скончали такъ они о чести разговоры:
Честняе тотъ изъ нихъ, которой деньги везъ,
А тотъ подляй, которой везъ
Овесъ.
Напали воры:
Сказали лошаку, которой везъ
Овесъ:
Вези ты свой овесъ,
Куда ево ты везъ:
И лошаковъ на волю отпустили;
Лишъ только деньги ухватили,
И деньги унесли. Какая ето честь,
Котору можетъ воръ унесть!

LVII.

Заяцъ и червякъ.

На зайца, я не знаю какъ,
Вскарабкался червякъ.
Во всю на немъ червячью волю,
Червякъ летитъ по чисту полю!
Другимъ червямъ кричитъ гордяся на бѣгу,
Рабята видитель, какъ я бѣжать могу?

Тому хвалиться славой нетунѣ,
Каковъ бы кто ни былъ почтеніемъ высокъ,
Ково привяжетъ рокъ,
Безъ дальняго достоинства къ фортунѣ.
Въ прямомъ достоинствѣ велика похвала,
И состоитъ изъ чести,
А протчая мала,
И состоитъ изъ лести.

LVIII.

Змѣя и пила.

Не устремляйтеся тово критиковать,
Ково немножичко трудненько подковать;
Всѣ ваши зборы,
И наплетенны вздоры,
Не здѣлаютъ ему малѣйшаго вреда,
А вамъ надѣлаютъ премножество стыда.
Змѣя нашла пилу: зверокъ ее то взгляду.
Змѣя не думаетъ усердно ни о комъ,
И не скупится тратить яду;
Грызетъ пилу и лижетъ языкомъ,
Что больше вкругъ пилы она ярася вьется,
То больше крови льется,
И проливая кровь потокомъ изъ себя,
Пилу губя,
Кровь собенну за кровь чужую почитаетъ,
И кровью таетъ.
Пилу пилитъ,
Языкъ болитъ,
Истрескалися губы.
Увидѣла змѣя, переломавши зубы,
Что тронута она была,
А не пила.

LIX.

Сказка I.

Мужикъ у мужика укралъ съ двора корову,
И въ городѣ продавъ камку себѣ купилъ.
Купилъ, и къ празднику скроилъ женѣ обнову.
Съ другова онъ двора быка себѣ стащилъ.
И ласку показавъ хозяюшкѣ сугубу,
Сшилъ бострокъ, а теперь купилъ ей кунью шубу.
Молодка на себя надѣвъ такой нарядъ,
Ужъ не работала, прелестна быть старалась,
И двумъ дѣтинушкамъ угодна показалась.
Они нечаянно нашли какъ будто кладъ.
Подпали молодцы, она не покрѣпилась:
Начто же и нарядъ, когда бы не склонилась?
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ, чей быкъ намнясь пропалъ,
Другой, корова чья намнясь съ двора пропала.
Молодка таинства въ себѣ неудержала:
Какъ тотъ такъ и другой про воровство спозналъ,
Передъ судьею тать, подробно обличился:
Не зналъ, какъ вышло то, однако повинился.
Побитъ. И велѣно, какъ судъ опредѣлилъ,
Чтобъ тотчасъ онъ быка съ коровой заплатилъ.
Какъ не тужить ему? онъ плакалъ безъ отрады;
Пришло на рынокъ несть всѣ женнины наряды.
Не плачь любезный мужъ, рѣчь женнина была,
Тебя мнѣ только жаль, а я свое взяла.

LX.

Сказка 2.

Жилъ нѣкакой мужикъ гораздо не убого,
Всево, что надобно для дому, было много,
И словомъ то сказать: сыта была душа.
Хотя онъ былъ и старъ, однако не скрѣпился,
И въ старости своей на дѣвушкѣ женился:
А дѣвушка была гораздо хороша.
Ему понравилось при старости, приятство,
А ей понравилось при младости, богатство,
И такъ желанье ихъ въ одинъ попало ладъ.
Женился старичокъ хотя и не въ попадъ:
Прискучилося ей и день и ночь быть съ дѣдомъ,
И познакомилась молодушка съ сосѣдомъ.
Велѣла нѣкогда, какъ куры станутъ пѣть,
Прийти молодчику повеселиться въ клеть,
И давъ ему ключи, ждетъ полночи утѣшно:
Старикъ заснетъ; такъ ей все будетъ безпомѣшно.
Пришелъ молодчикъ въ клѣть, а въ тотъ же часъ на дворъ,
Какъ будто зговорясь пришелъ за нимъ и воръ.
И какъ ни кралея онъ сабаки забрехали;
Хоть двери вору въ клѣть войти не помѣшали:
Не надобенъ обухъ, замка на дверяхъ иѣтъ.
Подумалъ молодецъ, что старой хрычь идетъ:
Насилу вспомнился какъ выкрасться оттолѣ,
А выкравшись бѣжалъ какъ ужъ не можно болѣ.
Сабаки лаяли: ахъ, жонушка вставай,
Мужъ старой говорилъ, я слышу въ домѣ лай,
Конечно на дворѣ моя голубка воры.
Не нравны жонушкѣ тѣ были разговоры:
Она сердилася безмѣрно на сабакъ,
И мужу говоря, сабаки лаютъ такъ.

Заснулъ старикъ: своя молодкѣ воля стала.
Вскочила, изъ избы какъ можно уплетала.
Вбѣжала въ клѣть, и въ ней сосѣдушка быть мнитъ,
И говоритъ ему теперь мой старой спитъ,
Потѣшимся съ тобой. Изрядныя потѣхи!
Хозяйка вору красть не здѣлала помѣхи.
Она пошла назадъ, а воръ пошелъ домой,
И что онъ захватилъ, то все унесъ съ собой,
И говорилъ себѣ: хотя мнѣ ето странно,
Однако въ ету ночь я щастливъ несказанно.

Конецъ VI. Книги.

САТИРЫ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

САТИРЫ.

I.

Пiитъ и другъ ево.

Другъ.

Во упражненiи расхаживая здѣсь,
Вперилъ конечно ты въ трагедiю умъ весь;
Въ очахъ, во всемъ лицѣ теперь твоемъ премѣна,
И ясно что въ сей часъ съ тобою мельпомена.

Пiитъ.

Обманываяся, любезный другъ, внемли!
Я такъ далекъ отъ ней, какъ небо отъ земли.

Другъ.

Еклогу - - -

Пiитъ.

Пастухи, луга, цвѣты, зефиры,
Толико жъ далеки; хочу писать сатиры;
Мой разумъ весь туда стремительно течетъ.

Другъ.

Но что отъ жалостныхъ тебя днесь драмъ влечетъ?

Пiитъ.

Въ петрополѣ они всему народу вкусны,
А здѣсь и городу и мнѣ подобно гнусны!
Тамъ сѣдутся для нихъ внимати и молчать,
А здѣсь орехи грызть, шумѣти и кричать,
Благопристойности не допуская въ моду,
Во своевольствiе преобратя свободу:
За что жъ бы, думаютъ, и деньги съ насъ збирать,
Коль было бы не льзя срамиться и орать:
Возможно ль автору смотрѣть на то спокойно:
Для зрителей такихъ трудиться не достойно.

Другъ.

Не всѣхъ мы зрителей симъ должны обвинить:
Безумцовъ надобно однихъ за то бранить:
Не должно критики употреблять строго.

Пiитъ.

Но зрителей въ москвѣ такихъ гораздо много:
Крикунъ, какъ колоколъ, единый оглушитъ,
И автора всево терпѣнiя лишитъ:
А естьли закричатъ пять дюженъ велегласно;
Разумныхъ зрителей вниманiе напрасно.

Другъ.

Сатиры пишучи ты можешь досадить,
И сею самъ себя досадой повредить:
На что мнѣ льстить тебѣ? я въ дружбѣ не таюся.

Пiитъ.

А я невѣжества и плутней не боюся,
Противъ прямхъ людей почтеніе храня:
Невѣжи какъ хотятъ пускай бранятъ меня;
Ихъ тѣсто никогда въ сатиру не закиснетъ:
А брань ни у ково на воротѣ не виснетъ.

Другъ.

Не брань одна вредитъ: побольше брани есть,
Чѣмъ можно учинить твоей сатирѣ мѣсть:
Лжецъ, вымысломъ, тебя въ народѣ обезславитъ,
Судья соперника не праведно оправитъ,
Озлобясь межевщикъ полполя отрядитъ,
А лавошникъ не дастъ товару на кредитъ,
Со съѣзжей поберутъ людей за мостовую,
Кащей тебѣ съ родней испортитъ мировую.

Пiитъ.

Когда я истинну народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу;
Такъ люди честныя, мою зря миру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу:
Невѣжество меня ни чѣмъ не возмутитъ,
И росская меня паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Другъ.

Но скажетъ ли судья виниль не право онъ?
Онъ будетъ говорить: виниль тебя законъ.

Пiитъ.

Пускай винитъ меня, и что мнѣ онъ ни скажетъ
Изъ дѣла выписки онъ развѣ не покажетъ?

Другъ.

Изъ дѣла выписки, во четверти земли,
Подьячiй нагрузитъ вракъ цѣлы корабли,
И разумъ въ дѣлѣ томъ онъ весь переломаетъ;
Поймешь ли ты чево онъ самъ не понимаетъ?
Удобняй проплясать, коль пѣсенка не въ тактъ,
Какъ мыслямъ вобразить подьяческой екстрактъ.
Екстрактъ тебя одной замучитъ долготою:
И спросятъ: выпиской доволенъ ли ты тою:
Ты будешь отвѣчать: я дѣла не пойму;
Такъ скажутъ: дай вину ты слабому уму,
Которымъ ты съ толпой вралей стихи кропаешь,
И дѣловыхъ людей въ бесчестiи купаешь.
А я даю совѣтъ: ты то предупреди,
Или сатирствуя ты по миру ходи.

Пiитъ.

Гдѣ я ни буду жить, въ москвѣ, въ лѣсу иль полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ,
Безъ обличенiя, презрительныхъ вещей.
Пускай злодѣйствуетъ безсмертный мнѣ кащей,
Пускай кащеиха со всѣмъ меня ограбитъ,
Мое имѣнiе и здравiе ослабитъ,

И крючкотворцы всѣ и мыши изъ архивъ ,
Стремятся на меня , доколѣ буду живъ ,
Пускай плуты попрутъ и правду и законы:
Мнѣ сыщетъ истинна на помощь обороны :
А естьли и умру отъ пагубныхъ сѣтей ,
Монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей.

Другъ.

Бездѣльство на тебя отраву усугубитъ:
Изморщенный кащей вить зеркала не любитъ :
Старухѣ мнящейся блистати какъ луна ,
Скажи когда нибудь : изморщилась она ,
И что ея краса выходитъ ужъ изъ моды :
Скажи слагателю нестройной самой оды ,
Чтобъ бросилъ онъ ее не напечатавъ въ печь :
Скоряе самово тебя онъ станетъ жечь :
Неправеднымъ судьямъ сказать имѣй отвагу ,
Что рушатъ дерзостно и честность и присягу :
Скажи откупщику жаднѣйшему : онъ плутъ ,
И дастся орденомъ ему ременной жгутъ :
Скажи картежнику : онъ обществу отрава :
Не плутня де игра , онъ скажетъ , но забава.
Спроси за что душа приказная дерётъ :
Онъ скажетъ , то за трудъ изъ чести онъ беретъ.
За что ханьжа на всѣхъ проклятіе бросаетъ :
Онъ скажетъ : души ихъ проклятіемъ спасаетъ.
Противу логики кто станетъ отвѣчать ;
Такова никогда не льзя изобличать :
А логики у насъ и имя рѣдкимъ вѣстно ;
Такъ трудно доказать , бесчестно что иль честно.

Пиитъ.

Еще трудняй того бездѣльство зря терпѣть ,
И видя ясно все , молчати и кипѣть.
Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну ,
Противъ пороковъ я писать не перестану.

II.

Кривой толкъ.

Не видимъ никогда мы слабостей своихъ,
Намъ мнится все добро что зримъ въ себѣ самихъ.
Пороки, кои въ насъ, вмѣняемъ въ добродѣтель;
Хотя тому олинъ нашъ страстный умъ свидѣтель:
Лишъ онъ доводитъ то, что то конечно такъ:
И добродѣтеленъ и мудръ на свѣтѣ всякъ.
Пороки отошли; невѣжество сокрылось,
Иль будетъ такъ, когда того еще не зрилось.
Буянъ закаится по улицамъ летать,
А петиметеръ вздоръ предъ дамами болтать.
Не будетъ пьяница пить кромѣ только квасу;
Подьячій за письмо просить себѣ запасу,
Дьячкамъ понамарямъ умершихъ будетъ жаль,
Скупой ущедрившись состроитъ госпиталь.
Когда жъ надѣяться премѣнѣ быть толикой?
Когда на яузу сойдетъ иванъ великой,
И на неглинной мы увидимъ корабли,
Волкъ станетъ жить въ водѣ, бѣлуга на земли,
И будетъ омывать нева кремлевы стѣны.
Но скоро ль таковой дождемся мы премѣны?
Всякъ хочетъ щеголять достоинствомъ своимъ,
И думаетъ онъ все изящнѣйшее съ нимъ:
Льстецъ мыслитъ ни когда, что онъ безмѣрно гнусенъ,
Онъ мыслитъ то, что онъ какъ жить съ людьми искусенъ:
Коль нужда въ комарѣ, зоветъ ево слономъ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
Серпитъ предъ мухою боярской безъ препоны,
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.
Скупой съ усмѣшкою надежно говоритъ:
Желудку что ни дай, онъ все рано варитъ.

Вина не любитъ онъ, здоровяе де пиво;
Пить вины фряжскія, то очень прихотливо;
Отецъ де мой весь вѣкъ все медъ да пиво пилъ;
Однако онъ всегда здоровъ и крѣпокъ былъ.
Безумецъ, не о томъ мы рѣчь теперь имѣемъ,
Что мы о здравіи и крѣпости жалѣемъ.
Сокровище свое ты заперъ въ сундуки:
И опираяся безноженъ на клюки,
Забывъ здоровъ ли ты теперь или ты боленъ,
Кончая дряхлый вѣкъ со всѣмъ бы былъ доволенъ,
Когда бы чаялъ ты, какъ станешь умирать,
Что льзя съ собой во гробъ богатство все забрать.
Здоровье ли въ умѣ? мѣшки ты въ мысли числишь,
Не спишь, ни ѣшь, ни пьешь, о деньгахъ только мыслишь,
Въ которыхъ, коль ты ихъ не прашишь, нужды нѣтъ,
Ты мнительно богатъ; такъ мысли твой весь свѣтъ.
Чтожъ мыслишъ о себѣ безмозглой петиметеръ?
Гдѣ въ людяхъ умъ живетъ, въ немъ тамо пыль и вѣтеръ.
Онъ думаетъ на томъ премудрость состоитъ,
Коль кудри хороши, кафтанъ по модѣ сшитъ,
И что въ пустой ево главѣ едина мода,
Отличнымъ чтитъ себя отъ подлаго народа.
Старуха своея лишенна красоты,
Ругается смотря на свѣтски суеты.
Вступила дѣвушка съ мущиной въ рѣчь свободно;
Старухѣ кажется то быть не благородно.
Ей мнится: доведутъ до худа тѣ слова.
Я, мнитъ во младости была не такова.
То станется, что ты по меньше говорила;
Но молча можетъ быть, и больше что творила.
Невѣжа говоритъ: я помню чей я внукъ;
По дѣдовски живу, не надобно наукъ:
Пускай убытчатся уча рабятокъ моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ жъ пойдетъ ворота.

На прикладъ: о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ,
Иль знать ерусалимъ въ которой сторонѣ,
Иль съ кѣмъ темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужія языки?
Какъ будто безъ тово ужъ мы и дураки.
Что онъ невѣжественъ живетъ, о томъ не тужитъ,
И мнитъ онъ, то ему еще ко славѣ служитъ,
А естьли, что наукъ не должно людямъ дать,
Не вскользь, доводами захочетъ утверждать:
Тогда онъ бредитъ такъ: какъ можетъ быть извѣсно,
Живущимъ на земли, строеніе небесно?
Кто можетъ то сказать, что на небѣ бывалъ?
До солнца и соколъ еще не долеталъ.
О небѣ разговоръ ученыхъ очень пышенъ;
Но что? то только вздоръ, и весь ихъ толкъ излишенъ.
Мы вѣдаемъ то всѣ, какъ вѣренъ календаръ,
Отъ стужи стынетъ кровь, а тамъ написанъ жаръ.
Но ты не вѣдая ни малыхъ силъ науки,
Лишася и того, что будетъ честь отъ скуки!
Ищи шутъ правды, гдѣ не думано о ней,
И проклинай за то ученыхъ ты людей.
О правахъ брѣдитъ такъ: я плюю на расказы:
Сплетенны за моремъ; потребно знать указы.
Не спорю; но когда сидишь судьею гдѣ,
Разсудокъ надобно ль имѣть тебѣ въ судѣ?
Коль теменъ разумъ твой, темно и воображенье,
Хоть утромъ примешься сто разъ за уложенье.
Обманщикъ думаетъ: то глупой человѣкъ,
Который ни ково не обманулъ во вѣкъ;
Погибнетъ де тѣмъ честь, да ето дѣло мало,
Во мнѣ де никогда ее и не бывало.
Когда де по ея нимъ правиламъ ходить;
Такъ больше намъ уже и куръ не разводить.
Тотъ гордостью надутъ людей въ ничто вмѣняетъ,
Въ пустой себя главѣ съ іюліемъ равняетъ.

И мыслитъ! естьли бъ онъ на мѣстѣ былъ ево,
Герой бы сей предъ нимъ не стоилъ ни чево.
Что жъ гордости сея безмѣрныя причина?
Не знаю: гордой нашъ дѣтина какъ дѣтина.
Съ чево жъ онъ сходенъ съ нимъ? на сей скажу вопросъ
Что есть и у нево и въ томъ же мѣстѣ носъ.
Иному весь титулъ, что только благороденъ;
Красися тѣмъ мой другъ что обществу ты годенъ.
Коль хочешъ быть почтенъ за свой высокой родъ,
Яви отечеству того достойный плодъ!
Но зрящу мнѣ въ тебѣ передъ собой урода,
Прилично ли сказать; высокаго ты рода?
Ты честью хвалишься, котора не твоя:
Будь прадѣдъ мой катонъ, но то катонъ не я.
На что о прадѣдахъ такъ много ты хлопочешь,
И спесью дуешся? будь правнукъ чей ты хочешъ:
Родитель твой былъ пирръ, и ахиллесъ твой дѣдъ;
Но естьли ихъ кровей въ тебѣ и знака нѣтъ;
Какова ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о нихъ, себя ты пуще обезславишь:
Такой ли, скажутъ, плодъ являетъ намъ та кровь!
Посѣянъ ананасъ, родилася морковь.
Не побѣдителя, кляченка возитъ, воду,
Хоть буцефалова была бъ она приплоду.
Но чѣмъ увѣришь насъ о прабабкахъ своихъ,
Что не было утѣхъ сторонникъ и у нихъ?
Ручаешься ли ты за вѣрность ихъ къ супругамъ,
Что не былъ ни къ одной кто съ боку взятъ къ услугамъ.
Что всякая изъ нихъ лукреція была,
И каждая по днесь все пирровъ родъ вела?
Прерви свой муза гласъ, престань пустое мыслить!
Удобняе песокъ на днѣ морскомъ исчислить,
Какъ наши дуростии подробно перечесть.
Да и на что, когда дается вракамъ честь?

III.

О благородствѢ.

Сію сатиру вамъ дворяня приношу!
Ко члѣнамъ перьвымъ я отечества пишу.
Дворяня, безъ меня, свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ адамъ.
На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И естьли не ясняй умъ барской мужикова;
Такъ я различія не вижу ни какова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господской такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ? должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать?
А во ученіи имѣемъ мы дороги,
По коимъ посклизнуть не могутъ наши ноги:
Единой шествуя въ дали увидя дымъ,
Я твердо заключу, что тамъ огонь подъ нимъ.
Я знаю опытомъ, пера тяжелѣ камень,
И льда не вспламенитъ и жесточайшій пламень:
По щету вѣдаю, что десять, пять да пять;
Но ето не верста; едина только пядь:
Шагнуть и безъ наукъ искусно мы умѣемъ;
А всей премудрости цѣль дальную имѣемъ,
Хотя и вѣчно къ ней не можемъ мы дойти;
Но можемъ на пути сокровищи найти.
Перикль, алькивіядъ наукой не гнушались,
Начальники ихъ войскъ наукой украшались:

Великій александръ, и ею былъ великъ,
Науку храбрый чтитъ вѣнчанный фридерикъ;
Петромъ она у насъ петрополь услаждаетъ,
ЕКАТЕРИНА вновь науку насаждаетъ.
Не можно никогда науки презирать:
И трудно безъ нея намъ правду разбирать.
Мнѣ мнится на слѣпца такой судья походитъ,
Младенецъ коего, куда похочетъ водитъ.
На то ль кому судьба высокій чинъ дала,
Чтобъ онъ подписывалъ, подьячій велъ дѣла?
Такою слабостью умножатся намъ нищи,
Лишенны имъ на вѣкъ своей дневныя пищи.
Подьячій согрѣшитъ или простой салдатъ:
Одинъ изъ мужиковъ, другой изъ черни взятъ:
А во дворянствѣ всякъ, съ какимъ бы ни былъ чиномъ,
Не въ титлѣ, въ дѣйствіи быть долженъ дворяниномъ:
И не простителенъ большой дворянской грѣхъ.
Начальникъ сохраняй уставы больше всѣхъ!
Дворянско титло намъ изъ крови въ кровь лiется;
Но скажемъ: для чево дворянство такъ дается.
Коль пользой сбщества мой дѣдъ на свѣтѣ жилъ;
Себѣ онъ плату, мнѣ задатокъ заслужилъ:
А я задатокъ сей, заслугой взявъ чужею,
Не долженъ класть ево достоинства мѣжею:
И трудно ли сію задачу разрѣшить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободренія пристойный взявъ задатокъ,
По праву ль безъ труда имѣю я достатокъ?
Судьба монархинѣ велѣла побѣждать,
И сей имперіей премудро обладать:
А намъ осталося, во дни ея державы,
Ко пользѣ общества, въ трудахъ искати славы.
Похваленъ человѣкъ не ищущій труда,
Въ которомъ онъ успѣть не можетъ никогда.
Къ чему способенъ онъ, онъ точно разбираетъ:
Пiитомъ не рожденъ, бумаги не мараетъ.

А естьли у тебя безмозгла голова,
Поди и землю рой, или руби дрова:
Отъ низкихъ болѣе людей не отличайся,
И предковъ щитами уже не величайся!
Сей ПАВЛА воспиталъ достойнаго коронъ;
Ѳлавы подобенъ былъ ЕКАТЕРИНѢ онъ;
Съ спиридовымъ валы орловы пребѣгаютъ,
И купно на водахъ съ нимъ пламень возжигаютъ:
Голицынъ гонитъ ратъ, румянцовъ нашъ тюренъ,
А панинъ мальборугъ, у неприступныхъ стѣнъ:
Подобно еропкинъ, въ часъ бдѣнія, не дремлетъ,
И силу дерзкія мегеры онъ отъемлетъ
А ты, въ комъ нѣтъ ума, безмозглый дворянинъ,
Хотя ты княжеской, хотя господской сынъ,
Какъ будто женщина дурная не жеманься,
И что тебѣ къ стыду, предъ нами тѣмъ не чванься!
Отъ августа пускай влеченъ твой знатный родъ;
Когда прекрасна мать, а дочь ея уродъ,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли въ ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее въ алмазы?
Коль только для себя ты въ обществѣ живешь,
И въ потѣ не своемъ ты съ масломъ кашу ѣшь,
И не собой еще ты сверьхъ того гордишься,
Не дивно ли что ты дружечикъ мой не рдишься?
Безъ крылья хочешь ты летѣти къ небесамъ
Достоинъ я, коль я сыскалъ почтенье самъ:
А естьли ни къ какой я должности не годенъ;
Мой предокъ дворянинъ, а я не благороденъ.

IV.

О худыхъ риѳмотворцахъ.

Одно ли дурно то на свѣтѣ, что грѣшно?
И то не хорошо, что глупостью смѣшно.

Піитъ который насъ стихомъ не утѣшаетъ,
Презрѣнный человѣкъ, хотя не согрѣшаетъ.
Но кто отъ скорби сей насъ можетъ исцѣлить,
Коль насъ бесчестіе стремится веселить?
Когда бъ учились мы; исчезли бъ пухлы оды,
И не ломали бы языка переводы:
Невѣжѣ ни когда не льзя переводить:
Кто хочетъ поплясать, сперьва учись ходить.
Всему положены, и щотъ, и вѣсъ, и мѣра:
Сапожникъ кажется помѣняе гомера;
Сапожнинъ учится, какъ дѣлать сапоги.
Пирожникъ учится, какъ дѣлать пироги:
А поваръ иногда коль стряпать онъ умѣетъ,
Доходу болѣе профессора имѣетъ;
Въ поезіи ль одной уставы таковы,
Что къ нимъ не надобно ученой головы?
Въ другихъ познаніяхъ текли бы мысли дружно:
А во поезіи еще и сердце нужно.
Въ иной наукѣ вкусъ не стоитъ ни чево:
А во поезіи не можно безъ нево.
Не всѣ къ наукѣ сей рожденны человѣки:
Расинъ и моліеръ во всѣ ль бываютъ вѣки,
Кинольтъ, русо, вольперъ, депро, делафонтенъ,
Плоды ль во естествѣ обычны всѣхъ временъ?
И сколько вѣсипно намъ, съ начала сама, свѣта,
Четыре раза шли драги къ пірнасу лѣта:
Тогда когда софоклъ и еврипидъ возникъ,
Какъ римскій спалъ гомеръ съ овидіемъ великъ,
Какъ послѣ тяжкаго поезіи ущерба,
Европа слышала и тасса и мальгерба,
Какъ жилъ депро и живъ онъ брѣдни осуждалъ,
И противъ совѣсти кинольта охуждалъ.
Не можно превзойти великаго піита;
Но тщетность никогда величіемъ не сыта.
Луканъ виргилія превѣсити хотѣлъ,
Сенека до небесъ съ икаромъ возлетѣлъ:

Евгеніи ли льзя превѣсить мизантропа,
И съ ипермнестрою сравнительна ль меропа?
Со мельпоменою вкусъ талію сопрягъ;
Но сталъ онъ таліи и мельпоменѣ врагъ;
Не льзя ни сей ни той театромъ обладати,
Коль должно хахотать, и тотчасъ зарыдати.
Хвалителю сево скажу я: ето ложь:
Расиновъ, говоритъ, французъ, совмѣстникъ то жъ.
Двумъ разнымъ музамъ быть не льзя въ одномъ совѣтѣ,
И говоритъ вольтеръ ко мнѣ въ своемъ отвѣтѣ:
Когда трагедіи составить силы нѣтъ,
А къ таліи рѣчей творецъ не приберетъ,
Тогда съ трагедіей комедію мѣшаютъ,
И новостью людей безумно утѣшаютъ,
И драматическій составя родъ таковъ,
Лишенны лошадей впрягаютъ лошаковъ.
И самъ я игрище всегда возненавижу;
Но я въ трагедіи комедіи не вижу.
Умолкни тотъ пѣвецъ кому не свойственъ ладъ,
Покинь перо, когда его не вкусенъ складъ,
И знанья малаго не преходи границы;
Виргилій долженъ пѣть въ дни сей Императрицы.
Горацій возгласитъ великія дѣла:
ЕКАТЕРИНА вѣкъ преславный намъ дала:
Восторга нашего предѣловъ мы не знаемъ:
Трепещетъ оттоманъ, ужъ россы за дунаемъ.
Подъ бендеромъ огнемъ покрылся горизонтъ,
Колеблется земля и стонетъ геллеспонтъ:
Сквозь тучи молнія въ дыму по сферѣ блещетъ.
Тамъ море корабли турецки въ воздухъ мѣщетъ.
И кажется съ береговъ: морски валы горятъ,
А россы бездну водъ во пламень претворятъ:
Россійско воинство вездѣ тамъ ужасъ сѣетъ:
Тамъ знамя росское, тамъ флагъ россійской вѣетъ.
Подсолнечныя взоръ имперія влечетъ:
Нева со славою троякою течетъ,

На ней прославленъ ПЕТРЪ, на ней ЕКАТЕРИНА,
На ней достойного она взростила сына.
Перемѣнится кремль во новый намъ еіонъ,
И сердцемъ сѣверна зримъ будетъ римаонъ:
И тверь, и искорестъ, и многи грады новы,
Ко украшенію россіи ужъ готовы:
Домъ сирыхъ, гдѣ рѣка москва струи лietъ,
Въ веселіи своемъ на небо вопіетъ:
Симъ бѣднымъ сиротамъ была бы смерть судьбиной;
Коль не былъ бы животъ имъ данъ ЕКАТЕРИНОЙ.
А ты петрополь сталъ со всѣмъ ужъ новый градъ.
Гдѣ зрѣли тину мы, тамъ нынѣ зримъ евфратъ.
Брегъ невскій каменемъ твердѣйшимъ украшенный,
И наводненіемъ уже не устрашенный,
Величье новое показываетъ намъ:
Величье вижу я по всѣмъ твоимъ странамъ:
Великолѣпныя зрю домы я по всюду,
И вскорѣ, я, каковъ ты прежде былъ забуду.
Въ десятилѣтнее ты время превращенъ,
Къ едему новый путь по югу намощенъ:
Иду между древесъ, прекрасною долиной,
Во украшенный домъ самой ЕКАТЕРИНОЙ,
Который въ мѣстѣ томъ взвела ЕЛИСАВЕТЪ:
А кто ко храму здѣсь исакія идетъ,
Храмъ дня рожденія узритъ петрова пышный:
Изобразится имъ сей день повсюду слышный.
Узритъ онъ зракъ Петра гдѣ былъ созженный храмъ:
Сей зракъ поставила ЕКАТЕРИНА тамъ.
Петрополь возгласи съ великой частью свѣта:
Да здравствуетъ она владѣя многи лѣта.

V.

О худыхъ судьяхъ.

Я правъ по совѣсти; законъ меня винитъ,
И худа моево въ добро не премѣнитъ.
О боже праведный! сему ли быти можно!
Рѣшеніе твое судья такое ложно:
И льзя ли вымолвить тебѣ сіи слова?
Душа твоя глупа, или она крива.
На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ,
Дабы законами губити имъ невинныхъ?
О взяткахъ такъ иной стремится бредни плесть:
Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?
За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажу:
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда:
О правахъ онъ не мнитъ, ни о судебной формѣ:
Печется лишъ, какъ ты, неправедно о кормѣ.
Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ;
Поймаютъ и ево, и лошадь; коль заржетъ:
А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ приѣзжаешь,
Гдѣ множество судя людей распоряжаешь,
Легко ли видѣти мнѣ хищныхъ сихъ звѣрей,
Съ приданымъ краденымъ богатыхъ дочерей,
А тѣ которыя бездѣльство ихъ поносятъ.
У нихъ же ластятся и милостивы просятъ.
Сатирой ли сіи я строки нареку,
Коль слезный ими токъ у бѣдныхъ извлеку!
Судящимъ сохранять присмойные законы,
Какъ строить безъ ума невѣжамъ лексиконы,
Чтобъ былъ языкъ и чистъ и тверда и справедливъ,
И алфавитныхъ нѣтъ когда еще архивъ:

Была бы только та жъ написана тамъ буква:
Смѣшенно въ сей бурдѣ, бурда, бодья и брюква.
Въ трехпудный лексиконъ когда ищя взгляну,
Въ минуту я глаза до цѣли дотяну:
А бѣдный дворянинъ въ архивѣ долго рыщетъ,
И года въ два себя по алфавету сыщетъ;
Причина лексиконъ состроенъ сей не въ тактъ.
Въ три фунта выписка слыветъ у насъ екстрактъ.
Мнѣ кратко нѣкогда вралъ нѣкто во бесѣдѣ:
По утру началъ онъ, а кончилъ во обѣдѣ.
А я дрѣмалъ тогда: екстракты таковы
Не истинна ли то? судьи, скажите вы,
Которы, такъ какъ я, екстракты слыша дрѣмлютъ,
И что написано въ дрѣманіи не внемлютъ.
А естьли бъ не мѣшалъ дѣла имъ слушать сонъ;
То жъ было бъ и тогда; въ екстраткѣ скрытъ законъ;
Они наполнены витійствами густыми,
Или ясняй сказать, обрядами пустыми:
Большею частію, одинъ въ екстрактѣ брѣдъ:
А въ дѣлѣ существа ни на полушку нѣтъ.
Судья то выслушавъ, дѣла переломаетъ,
Хотя ни онъ, ни чтецъ, того не понимаетъ,
Подпишетъ онъ указъ, и послѣ замолчитъ,
Хотя обидимый вѣкъ цѣлый прокричитъ.
Да гдѣ жъ и выспаться, безъ мѣста во приказѣ:
А спать запрещено ль судьямъ когда въ указѣ.
Судья не виноватъ коль мой потерянъ искъ;
Причина; цѣлу ночь игралъ судья мой въ вискъ:
Игра де нынѣче гораздо ета въ модѣ:
А мода и всево почтенняе въ народѣ.
Подьячій и дьячекъ быть долженъ грамотѣй:
Судья безъ грамоты суди и не потѣй:
А сверьхъ того держись судейской онъ догадки,
Чтобъ послѣ не висѣть боярину за взятки!
А ежели и такъ; о чемъ же бы тужить;
Вить намъ на свѣтѣ семъ двухъ вѣковъ не прожить.

Й естьли потащатъ ево казнить на рынокъ:
Покаясь, онъ еще оставитъ на поминокъ.

VI.

О Французскомъ языкѣ.

Взрощенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина:
Къ чему что твой сынокъ, чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и папугай, сорока, дроздъ умѣютъ:
Но больше ни чево они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ;
Солому пальею, обжектомъ видъ зоветъ.
И рѣчи русскія ему лишъ тѣ прелѣстны,
Которы на руси вралямъ однимъ извѣстны.
Коль должно молвити о чемъ: или о комъ:
На основаніи со всѣмъ не на такомъ:
Онъ брѣдитъ безо сна, и безъ стыда и смѣло:
Не на такой ногѣ я вижу ето дѣло.
И есть родители желающи тово,
По русски бъ дѣти ихъ не знали ни чево.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили:
Языкъ ихъ вычищенъ; но всякъ ли моліеръ,
Между французами, и всякъ ли въ нихъ вольперъ?
Во всѣхъ земляхъ умы великія родятся;
А глупости всегда жъ и болѣе плодятся:
И мода странъ чужихъ россіи не законъ:
Мнѣ мнится все равно, присядка и поклонъ.
Объ етомъ инако ЕКАТЕРИНА мыслитъ:
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ:

Стремится насъ она наукой озарить,
А не въ французовъ насъ не къ стати претворить,
И не оспориму даетъ на то надежду,
Сама въ россійскую облекшися одѣжду.
Безмозглымъ кажется языкъ россійскій тупъ:
Похлебка ли вкусняй, или вкусняе супъ?
Иль соусъ, просто сосъ, намъ поливки вкуснѣе?
Или ужъ нашъ языкъ мордовскова гнуснѣе?
Ни шапка, ни карпусъ, ни шляпа, ни челма,
Не могутъ умножать намъ даннаго ума.
Темноволосая равно и бѣлокура,
Когда умна, умна, когда глупа, такъ дура.
Не въ формѣ истинна на свѣтѣ состоитъ;
Насъ краситъ вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткутъ тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди тѣ, ткачи, не философы:
А истинна ни гдѣ еще не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишъ народъ.
Разумный модѣ мнитъ бездѣлкой быть покоренъ:
Въ длинѣ кафтана онъ со протчими беспоренъ:
А въ разсужденіи онъ слѣдуетъ себѣ,
Оставивъ дурака предписанной судьбѣ.
Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ,
Ругаетъ свой языкъ и по французски брѣдитъ.
Языки чужды намъ потребны для того,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ нѣтъ чево;
Извѣстно что еще книгъ русскихъ очень мало,
Колико ихъ перо развратно ни вломало.
Прекраснъ нашъ языкъ единой стариной;
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной:
И ежели отъ ихъ онъ узъ не свободится;
Такъ скоро ни куда онъ больше не годится.
Піитовъ на руси умножилось число,
И всѣ примаются за сіе ремѣсло:
Не соловьи поютъ кукушки то кукуютъ,
И врутъ: и враки тѣ другъ друга критикуютъ:

И только тотъ изъ нихъ помѣняе наврялъ,
Кто мѣняе еще бумаги замаралъ.
А твой любезный сынъ бумаги не мараетъ,
Въ библіотеку книгъ себѣ не собираетъ.
Похваленъ онъ и тѣмъ что брѣдитъ на рѣчахъ,
Парнаса и во снѣ не видѣвъ онъ въ очахъ.
На рускомъ преждѣ былъ языкѣ сынъ твой шуменъ:
Французскаго хвативъ онъ сталъ со всѣмъ безуменъ:

VII.

О честности.

Вездѣ и всякой день о чести говорятъ,
Хотя своихъ сердецъ они не претворятъ.
Но что такое честь? одинъ побѣдой льстился,
И пьянъ со пьянымъ онъ за честь на смерть пустился:
Другой приятеля за честь поколотилъ:
Тотъ шутку легкую пощочиной платилъ.
Тотъ карты подобравъ безумнова обманетъ,
И на кредитъ ему реванжь давати станетъ,
И векселько письмо съ ограбленнова взявъ,
Не будетъ поступать по силѣ строгихъ правъ,
И подождетъ ему дни три великодушно;
Такъ сердце таково бесчестію ль послушно?
Иной любовницѣ вѣрнѣйшей измѣнилъ;
Однако зракъ ея ему и послѣ милъ:
И естьли о любви своей кому что скажетъ;
Онъ честностью о томъ молчать ево обяжетъ.
Оправивъ ябѣду судья возноситъ честь;
Благодѣянія не льзя не превознесть:
И добродѣтели сыскати гдѣ толикой,
Коль правда продана цѣною не великой?

Почтенъ и ростовщикъ надъ деньгами въ клѣти,
Что со ста только взялъ рублевъ по десяти,
И другу услужилъ къ себѣ напомнивъ службу,
Деревню подъ закладъ большую взявъ за дружбу.
Пречестный господинъ слугъ кормитъ и поитъ,
Хотя ево слуга и не довольно сытъ;
Безъ нужды не отдастъ онъ лишнява въ салдаты,
Какъ развѣ что купить, иль долга на заплаты;
Однако и за то снабдитъ ево жену,
И дастъ ей куль муки за ту свою вину.
Да чѣмъ дѣтей кормить? за чтожъ терпѣть имъ голодъ
Такъ ихъ во аукціонъ бояринъ шлетъ подъ молотъ.
Премерзкой суевѣръ шлетъ ближнява во адъ,
И сѣтъ на нево во всѣхъ бесѣдахъ ядъ.
Премерской атеистъ создателя не знаетъ,
Однако тотъ и тотъ о чести вспоминаетъ.
Безбожникъ можетъ ли тебя почтити кто,
Когда ты самого чтишь Бога за ничто?
И можетъ ли въ твоемъ быть сердцѣ добродѣтель;
Не знаешь честности, не знаемъ коль содѣтель,
Который ясно зримъ вездѣ во естествѣ,
И нѣтъ сумнѣнія о божьемъ существѣ?
Скупой нещастными тѣ годы почитаетъ,
Въ которы миръ скирды числомъ большимъ считаетъ,
И мыслитъ: не могу продати хлѣба я;
Земля вездѣ добра и столько жъ какъ моя.
А истинная честь нещастнымъ дать отрады,
Не ожидаючи за то себѣ награды:
Любити ближняго, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить:
А ежели не льзя сказати правды явно,
По нуждѣ и молчать, хоть тяжко не безславно:
Творити сколько льзя всей силою добро,
И не слѣпилобъ насъ ни злато ни сребро,
Служити ближнему, колико сыщемъ силы,
И благодѣтели бъ намъ наши были милы:

СЪ злодѣемъ никогда собщенья не имѣть:
На слабости людски со сожалѣньемъ зрѣть:
Не мстити ни кому, кто можетъ быть исправенъ;
Ты мщеніемъ своимъ не можешь быти славенъ.
Услуженъ буди всѣмъ, держися данныхъ словъ,
Будь мѣдленъ ко враждѣ, ко дружбѣ будь готовъ!
Когда кто клится, прощай ево безъ мѣсти,
Не сплетай кому ласкательства и лѣсти,
Не ползай ни предъ кѣмъ, не буди и спѣсивъ;
Не будь нападчикомъ, не буди и трусливъ,
Не будь нескроменъ ты, не буди лицемѣренъ,
Будь сынъ отечества и государю вѣренъ!

VIII.

О злословіи.

Мы нѣгдѣ всѣ судьи и всѣхъ хотимъ судить;
Причина, всѣ хотимъ другъ друга мы врѣдить.
Въ другихъ и доброе порочя ненавидимъ,
А сами во себѣ беспутства мы не видимъ.
Поносишь етова, поносишь ты того;
Не видишь только ты бездѣльства своево.
Брани бездѣльниковъ, достойныхъ етой дани;
Однако не на всѣхъ мѣчи свои ты брани!
Не дѣлай бранью ты изъ денежки рубля,
Слона изъ комара, изъ лодки корабля.
Почтенный человѣкъ брѣдъ лютый отвращаетъ,
Который въ обществѣ плутъ плуту сообщаетъ:
Одинъ расказываль, другой замѣлитъ то жь:
Вся мѣлитъ мѣльница; но что молола? ложь.
Пускай и не твое твоихъ расказовъ зданье;
Но можешь ли сіе имѣти въ оправданье,

Себѣ ты честностью въ безчестіи маня,
Когда чужимъ ножемъ зарѣжешь ты меня.
Противно мнѣ когда я слышу лживы вѣсти:
Противняе еще не правый толкъ о чести:
А толки мнѣ о ней еще чудняе тѣмъ;
Здѣсь разныхъ тысячь пять о честности системъ.
И льзя ль искать ума, и дружества и братства?
Гдѣ множество невѣжъ, и столько жъ тумѣядства,
О чемъ же сѣѣхався въ бесѣдахъ говорить?
Или молчать: когда пустова не варить?
Въ крику газетчиковъ и драмы утопаютъ,
И ложи и партеръ для крика откупаютъ:
Всечасно и вездѣ другъ друга мы врѣдимъ,
Не только драмъ однихъ, обѣденъ не щадимъ.
Ругаемъ и бранимъ: то глупо, то бесчестно,
Хотя и рѣдкому о честности извѣстно.
Тотъ тѣмъ, а тотъ другимъ худенекъ или худъ:
Ко фунту истинны мы лжи прибавимъ пудъ.
А ежели ея и нѣтъ такъ мы не рѣдко,
И ложью голою стрѣляемъ очень мѣтко,
Не мало знаю я достойныхъ здѣсь людей;
Но больше и тово хорошихъ лошадей;
Такъ пусть не надобны для нѣкоихъ науки;
Почтенье принесутъ кареты имъ и цуки.

IX.

Наставленіе сыну.

Вѣщалъ такъ нѣкто зря свою кончину слезну,
Къ единородному наслѣднику любезну:
Мой сынъ, любезный сынъ! уже я нынѣ старъ;
Тупѣетъ разумъ мой и исчезаетъ жаръ:

Готовлюся къ суду, отъиду скоро въ вѣчность,
И во предписанну намъ смертнымъ бесконечность;
Такъ я тебѣ теперь какъ жить тебѣ скажу.
Блаженства твоево дорогу покажу.
Конецъ мой близокъ:
А ты пойдешь путемъ который очень склизокъ:
Хотя и все на свѣтѣ суета.
Но льзя ли презирать блаженство живота?
Такъ должны мы о немъ всей мыслью простираться,
И что потребно намъ, о томъ всегда стараться.
Забудь химеру ту, слыветъ котора честь;
На что она, когда мнѣ нѣчево поѣсть?
Не льзя въ купечествѣ пробыти безъ продажи:
Подобно въ бѣдности, безъ плутни и безъ кражи.
Довольно я тебѣ имѣнья наплуталъ,
И естьли бъ безъ меня ты ето промоталъ;
На что жъ бы для тебя свою губилъ я душу?
Когда представлю то; я все спокойство рушу.
Доходы умножай, гони отъ сердца лѣнь,
И бѣлу денежку береги на чорной день.
Коль можно что украсть, укради, да только скрытно,
И умножай доходъ,
Ты всѣми образы себѣ на всякой годъ!
Вить око зрѣніемъ во вѣки не насытно.
Коль можешъ обмануть;
Обманывай искусно;
Изобличеннымъ быти гнусно.
И часто нашъ обманъ на висѣлицу путь.
Не знайся ты ни съ кѣмъ, беспрочно по пустому,
И съ ложкой къ киселю мѣчися ты пустому!
Богатыхъ почитай чтобъ съ нихъ имѣти дань,
Случайныхъ похвлять ихъ выся не устань:
Великимъ господамъ ты ползая покорствуй!
Со всѣми ты людьми будь скроменъ и притворствуй!
Коль сильный господинъ бранитъ ково;
И ты, съ боярином■ъ, брани ево!

Хвали ты тѣхъ, ково бояря похваляютъ.
И умаляй, они которыхъ умаляютъ!
Глаза свои протри,
И поясняй смотри,
Большія на ково бояря негодуютъ!
Прямымъ путемъ ийти;
Такъ щастья не найти.
Плыви, куда тебѣ способны вѣтры дуютъ!
Противъ такихъ господъ,
Которыхъ чтитъ народъ,
Не говори ни слова:
И чтобъ душа твоя была всегда готова,
Не получивъ отъ нихъ добра благодарить!
Стремися какъ они подобно говорить!
Вельможа что сказалъ, знай слово его свято,
И что онъ рекъ,
Противъ того не спорь; ты малой человѣкъ!
О черномъ онъ сказалъ, красно; бояринъ рекъ:
Скажи и ты, что то гораздо красновато!
Предъ низкими людьми свирепствуй ты какъ чортъ:
А безъ того они кто ты таковъ забудутъ,
И почитать тебя не будутъ;
Простой народъ того и чтитъ который гордъ.
А предъ высокими ты прыгай какъ лягушка,
И помни что мала передъ рублемъ полушка!
Душища въ нихъ, а въ насъ, любезный сынъ мой душка.
Благодари, когда надѣешься еще
Отъ благодѣтеля себѣ имѣти милость!
А ежели не такъ; признаніе унылость,
И благодарный духъ имѣешь ты во тщѣ.
Не дѣлай самъ себѣ обиды!
Ты честный человѣкъ пребуди для себя,
Себя единого ты искрѣнно любя!
Не дѣлай ты себѣ единому обиды;
А для другихъ имѣй едины только виды,

И помни свѣтъ каковъ
Въ немъ мало мудрости, и много дураковъ.
Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами:
Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами!
Вить пошлины не дашь лаская имъ за то.
Показывай, что ты другихъ гораздо ниже,
И будто ты себя не ставишь ни за что;
Но помни, епанчи рубашка къ тѣлу ближе!
Позволю я тебѣ и въ карты поиграть,
Когда ты въ тѣ игры умѣешь подбирать:
И видь игру свою безъ хитрости ты мертву;
Не принеси другимъ себя играя въ жертву!
А етова мой сынъ не позабудь:
Играя, честенъ ты въ игрѣ во вѣкъ не будь!
Пренебрегай крестьянъ ихъ видя подъ ногами,
Устами чти господъ великихъ ты богами,
И имъ не согруби;
Однако ни кого изъ нихъ и не люби,
Хотя бъ они достоинство имѣли,
Хотя бы ихъ дѣла въ подсолнечной гремѣли!
Давай и взятки самъ, и самъ опять бѣри!
Коль нѣтъ свидѣтелей, воруй, плутуй сколь можно,
А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно!
Добро другихъ людей во худо претвори,
И ни о комъ добра другомъ не говори;
Какой хвалою имъ тебѣ имѣть нажитокъ?
Явленное добро другимъ тебѣ убытокъ.
Не тщися ни кому, беспрочно ты служить;
Чужой машной себѣ находки не нажить!
Ученыхъ ненавидь, и презирай невѣжу,
Имѣя мысль одну себѣ на пользу свѣжу!
Лишъ тѣмъ не повредись:
Въ сатиру дерзостнымъ писцамъ не попадись!
Смучай, и рви родства ты узы, дружбы, браковъ;
Во мутной вить водѣ ловить удобняй раковъ:

Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай,
И только о себѣ единомъ вспоминай!
Для пользы своея тяни друзей въ обманы:
Пускай почувствуютъ тобой и скорбь и раны!
Вездѣ збирай плоды:
Для пользы своея вводи друзей въ бѣды!
Бесчестно брѣдятъ то, а етова не видно;
Себя мнѣ только долгъ велитъ любить.
Мнѣ ето не обидно,
Коль нужда мнѣ велитъ другова погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай въ отечество мое бѣда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится:
Чужое гибни все, лишъ былъ бы мнѣ покой.
Не забывай моихъ ты правилъ!
Имѣніе тебѣ и разумъ я оставилъ.
Живи мой сынъ живи, какъ жилъ родитель твой!
Какъ ето онъ изрекъ, ударенъ онъ былъ громомъ,
И разлучился онъ съ дитятею и съ домомъ;
А сѣявша душа, толико долго, ядъ
Изъ тѣла вышла цонъ и сверглася во адъ.

X.

ОДА,

Отъ лица лжи.

Падите смертны предо мною;
Великая богиня я,
И не сравнялется съ иною,
Богини участью моя!

Я ложь: вы скажете безспорно,
Колико стало мнѣ покорно,
Мущинъ, рабятъ, дѣвицъ, и бабъ:
Они мнѣ почести сугубятъ:
Одни меня скоты не любятъ,
А въ людяхъ рѣдкой мнѣ не рабъ.

Мои не притупленны ноги,
Не посклизнутъ отъ сильныхъ лицъ:
Вхожу въ господскія чертоги,
Для сплетенья небылицъ.
Не зрю себѣ въ почтеньи мѣры;
И дамы чтутъ и кавалеры,
Дворяня и бояря чтутъ.
Въ величіи своей я славы,
Преобращаю всѣ уставы,
И прибыленъ судьямъ мой судъ.

Когда бъ мои прешли законы,
Перемѣнился бы и свѣтъ.
Нагая правда безъ препоны,
Напастей множество введетъ:
Повергутся во узы страсти,
Безъ коихъ въ жизни нѣтъ и сласти
Свобода не желаетъ правъ:
Одастся умъ свободный въ узы:
Гнушаются неволи музы:
Томитъ она веселый нравъ.

Хочу вселенною владѣти,
И къ пользѣ мира вознестись.
Обманъ и лѣсть, мои то дѣти:
А ими я могу спастись:
Они въ гонѣньи мнѣ отрада.
О вы мои любезны чада,
Храните васъ родившу мать!
Проворство ваше мнѣ извѣстно,
Такъ имя вы мое всемѣстно,
Стремишесь выше воздымать.

Взирайте вы на тмы догадокъ
Къ установленью славныхъ дѣлъ:
Во школы я ввела порядокъ,
И каждому кладу предѣлъ:
Солгать невѣжамъ не способно,
Стихи писати имъ удобно,
А лгать учиться надлежитъ:
Они парнасскимъ духомъ дышутъ,
На знаютъ азбуки и пишутъ,
Хоть муза ихъ свиньей визжитъ.

Мои питомцы начинаютъ,
Слова чужія повторять,
И то одно съ начала знаютъ,
Какъ плевелы другихъ вперять.
Но солнца то едины тѣни:
Даются мудрости степени:

Воръ мудръ и лихъ, машейникъ крутъ,
Разбойникъ то жъ, но ихъ онъ болѣ;
Такъ каждый чтимъ въ какой онъ долѣ,
Хотя изъ нихъ и каждый плутъ.

Тебя любезный сынъ ласкаютъ,
Хотя ты ходишь и тайкомъ:
По всѣмъ тебя мѣстамъ шаскаютъ,
Хотя тащатъ и цѣликомъ.
Глупцовъ волочишь ты какъ свинокъ:
Тобѣ подвластенъ всякой рынокъ,
Скупыя, моты, игроки:
Подьячія къ тебѣ не лихи,
Тебѣ подвластны щеголихи,
И молодцы и старики.

Убожество вездѣ явится,
Коль выгнать захотятъ тебя:
Комерція остановится,
И откупъ погубитъ себя:
Безъ примѣси пить станутъ водку:
А водка перехватитъ глодку:
Гнилой товаръ не сойдетъ съ рукъ:
Несчастныя наступятъ годы,
И многи въ тѣ дни воеводы,
Возьмутъ суму и бросятъ крюкъ.

А ты о дочь моя прекрасна,
Кокетствуя и день и ночь;
Кокетствуй завсегда безстрасна,
И будь меня достойна дочь:

Не здѣлай мнѣ стыда прорухой!
Старуху не зови сударухой,
Дурную не зови дурной,
Безумца не зови безумнымъ,
Ни пьянова урода шумнымъ
Не разглашайся ты со мной!

Не тронь чужой безъ нужды чести,
А въ нуждѣ не щади ни чьей,
И превращай ты правды вѣсти:
Хвали безмозглыхъ риѳмачей!
По модѣ, нынѣ не вѣщаютъ,
Того что въ сердцѣ ощущаютъ,
И подслащаютъ горькой ядъ.
Часть больша свѣта пустомѣля:
День каждый перьвое апрѣля:
День каждый нынѣ маскарадъ.

2271/2

Ступайте, славу находите,
Мужайтеся въ трудѣ всегда;
Лишъ близко вы не подходите,
Къ минервѣ росской никогда!
Хоть истинна и старомодна,
Хотя нага; но ей угодна:
А я и вы противны ей.
Бесплодно тамо я устала;
Но мать и сына воспитала,
Угрозой области моей.

БИБЛИОТЕКА * 3365 * 9.3.43 113-й Воб Школы

Конецъ VII. части.

5-36

15K